

ПУШКИН

ПУШКИН

Б И Б Л И О Т Е К А П О Э Т А
малая серия № 19

А. П У Ш К И Н

ТОМ III

ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Редакция и примечания
Б. Мейлаха

ЛЕНИНГРАД
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

1940

Сочинения Пушкина изданы
«Библиотекой поэта» (малая
серия) в трех томах. Том I
содержит стихотворения, том
II — поэмы и сказки, том III —
«Евгений Онегин» и драмати-
ческие произведения.

ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН
РОМАН В СТИХАХ

Pétri de vanité il avait encore plus de cette
espèce d'orgueil qui fait avouer avec la même
indifférence les bonnes comme les mauvaises
actions, suite d'un sentiment de supériorité,
peut-être imaginaire.

Tiré d'une lettre particulière.

Не мысля гордый свет забавить,
Вниманье дружбы возлюбя,
Хотел бы я тебе представить
Залог достойнее тебя,
Достойнее души прекрасной,
Святой исполненной мечты,
Поэзии живой и ясной,
Высоких дум и простоты;
Но так и быть — рукой пристрастной
Прими собранье пестрых глав,
Полу-смешных, полу-печальных,
Простонародных, идеальных,
Небрежный плод моих забав,
Бессонниц, легких вдохновений,
Незрелых и увядших лет,
Ума холодных наблюдений
И сердца горестных замет.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

И жить торопится и чувствовать
спешит.

К. Вяземский.

I

«Мой дядя самых честных правил,
Когда не в шутку занемог,
Он уважать себя заставил
И лучше выдумать не мог;
Его пример другим наука:
Но, боже мой, какая скука
С больным сидеть и день и ночь,
Не отходя ни шагу прочь!
Какое низкое коварство
Полу-живого забавлять,
Ему подушки поправлять,
Печально подносить лекарство,
Вздыхать и думать про себя:
Когда же чорт возьмет тебя!»

II

Так думал молодой повеса,
Летя в пыли на почтовых,
Всевышней волею Зевеса
Наследник всех своих родных.

Друзья Людмилы и Руслана!
С героем моего романа
Без предисловий, сей же час
Позвольте познакомить вас:
Онегин, добрый мой приятель,
Родился на берегах Невы,
Где, может быть, родились вы,
Или блистали, мой читатель;
Там некогда гулял и я:
Но вреден север для меня.¹

III

Служив отлично-благородно,
Долгами жил его отец,
Давал три бала ежегодно
И промотался наконец.
Судьба Евгения хранила:
Сперва *Madame* за ним ходила,
Потом *Monsieur* ее сменил.
Ребенок был резв, но мил.
Monsieur l'Abbé, француз убогой,
Чтоб не измучилось дитя,
Учил его всему шутя,
Не докучал моралью строгой,
Слегка за шалости бранил,
И в Летний сад гулять водил.

IV

Когда же юности мятежной
Пришла Евгению пора,
Пора надежд и грусти нежной,
Monsieur прогнали со двора.
Вот мой Онегин на свободе;

Острижен по последней моде;
Как *dandy*² лондонский одет —
И наконец увидел свет.
Он по-французски совершенно
Мог изъясняться и писал;
Легко мазурку танцевал
И кланялся непринужденно:
Чего ж вам больше? Свет решил,
Что он умен и очень мил.

V

Мы все учились понемногу,
Чему-нибудь и как-нибудь:
Так воспитаньем, слава богу,
У нас немудрено блеснуть.
Онегин был, по мнению многих
(Судей решительных и строгих),
Ученый малый, но педант.
Имел он счастливый талант
Без принужденья в разговоре
Коснуться до всего слегка,
С ученым видом знатока
Хранить молчанье в важном споре,
И возбуждать улыбку дам
Огнем нежданных эпиграмм.

VI

Латынь из моды вышла ныне:
Так, если правду вам сказать,
Он знал довольно по-латыни,
Чтоб эпиграфы разбирать,
Потолковать об Ювенале,
В конце письма поставить *vale*,

Да помнил, хоть не без греха,
Из Энеиды два стиха.
Он рыться не имел охоты
В хронологической пыли
Бытописания земли:
Но дней минувших анекдоты
От Ромула до наших дней
Хранил он в памяти своей.

VII

Высокой страсти не имея
Для звуков жизни не щадить,
Не мог он ямба от хорея,
Как мы ни бились, отличить.
Бранил Гомера, Феокрита;
Зато читал Адама Смита,
И был глубокий эконоом,
То есть, умел судить о том,
Как государство богатеет,
И чем живет, и почему
Не нужно золота ему,
Когда *простой продукт* имеет.
Отец понять его не мог
И земли отдавал в залог.

VIII

Всего, что знал еще Евгений,
Пересказать мне недосуг;
Но в чем он истинный был гений,
Что знал он тверже всех наук,
Что было для него измлада
И труд, и мука, и отрада,
Что занимало целый день

Его тоскующую лень, —
Была наука страсти нежной,
Которую воспел Назон,
За что страдальцем кончил он
Свой век блестящий и мятежный
В Молдавии, в глуши степей,
Вдали Италии своей.

IX

. . . . .
. . . . .
. . . . .

X

Как рано мог он лицемерить,
Танть надежду, ревновать,
Разуверять, заставить верить,
Казаться мрачным, изнывать,
Являться гордым и послушным,
Внимательным, иль равнодушным!
Как томно был он молчалив,
Как пламенно красноречив,
В сердечных письмах как небрежен!
Одним дыша, одно любя,
Как он умел забыть себя!
Как взор его был быстр и нежен,
Стыдлив и дерзок, а порой
Блистал послушною слезой!

XI

Как он умел казаться новым,
Шутя невинность изумлять,
Пугать отчаяньем готовым,

Приятной лестью забавлять,
Ловить минуту умиления,
Невинных лет предубеждения
Умом и страстью побеждать,
Невольной ласки ожидать,
Молить и требовать признанья,
Подслушать сердца первый звук,
Преследовать любовь — и вдруг
Добиться тайного свиданья...
И после ей наедине
Давать уроки в тишине!

XII

Как рано мог уж он тревожить
Сердца кокеток записных!
Когда ж хотелось уничтожить
Ему соперников своих,
Как он язвительно злословил!
Какие сети им готовил!
Но вы, блаженные мужья,
С ним оставались вы друзья:
Его ласкал супруг лукавый,
Фобласа давний ученик,
И недоверчивый старик,
И роконосец величавый,
Всегда довольный сам собой,
Своим обедом и женой.

XIII. XIV

. . . . .
. . . . .
. . . . .

Бывало, он еще в постеле:
 К нему записочки несут.
 Что? Пригласенья? В самом деле,
 Три дома на вечер зовут:
 Там будет бал, там детский праздник.
 Куда ж поскачет мой проказник?
 С кого начнет он? Всё равно:
 Везде поспеть немудрено.
 Покамест в утреннем уборе,
 Надев широкий *болливар*,³
 Онегин едет на бульвар,
 И там гуляет на просторе,
 Пока недремлющий брежет
 Не прозвонит ему обед.

XVI

Уж темно: в санки он садится.
 «Поди, поди!» раздался крик;
 Морозной пылью серебрится
 Его бобровый воротник.
 К *Talon*⁴ помчался: он уверен,
 Что там уж ждет его Каверин.
 Вошел: и пробка в потолок,
 Вина кометы брызнул ток,
 Пред ним *roast-beef* окровавленный,
 И трюфли, роскошь юных лет,
 Французской кухни лучший цвет,
 И Страсбурга пирог нетленный
 Меж сыром лимбургским живым
 И ананасом золотым.

Еще бокалов жажда просит
 Залить горячий жир котлет,
 Но зов брегета им доносит,
 Что новый начался балет.
 Театра злой законодатель,
 Непостоянный обожатель
 Очаровательных актрис,
 Почетный гражданин кулис,
 Онегин полетел к театру,
 Где каждый, вольностью дыша,
 Готов охлопать *Entrechat*,
 Обшикать Федру, Клеопатру,
 Моину вызвать для того,
 Чтоб только слышали его.

XVIII

Волшебный край! Там в стары годы.
 Сатиры смелый властелин,
 Блистал Фонвизин, друг свободы,
 И перемчивый Княжнин;
 Там Озеров невольны дани
 Народных слез, рукоплесканий
 С молодой Семеновой делил;
 Там наш Катенин воскресил
 Корнеля гений величавый;
 Там вывел колкий Шаховской
 Своих комедий шумный рой;
 Там и Дидло венчался славой:
 Там, там под сению кулис,
 Младые дни мои неслись.

Мои богини! Что вы? Где вы?
 Внемлите мой печальный глас:
 Всё те же ль вы? Другие ль девы,
 Сменив, не заменили вас?
 Услышу ль вновь я ваши хоры?
 Узрю ли русской Терпсихоры
 Душой исполненный полет?
 Иль взор унылый не найдет
 Знакомых лиц на сцене скучной,
 И, устремив на чуждый свет
 Разочарованный лорнет,
 Веселья зритель равнодушный,
 Безмолвно буду я зевать
 И о былом вспоминать?

Театр уж полон; ложи блещут;
 Партер и кресла, всё кишит;
 В райке нетерпеливо плещут,
 И, взвившись, занавес шумит.
 Блистательна, полувоздушна,
 Смычку волшебному послушна,
 Толпою нимф окружена,
 Стоит Истомина; она,
 Одной ногой касаясь пола,
 Другою медленно кружит,
 И вдруг прыжок, и вдруг летит,
 Летит, как пух от уст Эола;
 То стан совет, то разовьет,
 И быстрой ножкой ножку бьет.

Всё хлопает. Онегин входит,
 Идет меж кресел по ногам,
 Двойной лорнет, скосясь, наводит
 На ложи незнакомых дам;
 Все ярусы окинул взором,
 Всё видел: лицами, убором
 Ужасно недоволен он;
 С мужчинами со всех сторон
 Раскланялся, потом на сцену
 В большом рассеяньи взглянул,
 Отворотился — и зевнул,
 И молвил: «всех пора на смену;
 Балеты долго я терпел,
 Но и Дидло мне надоел».⁵

Еще амуры, черти, змеи
 На сцене скачут и шумят;
 Еще усталые лакеи
 На шубах у подъезда спят;
 Еще не перестали топать,
 Сморгаться, кашлять, шикать, хлопать;
 Еще снаружи и внутри
 Везде блистают фонари;
 Еще, прозябнув, бьются кони,
 Наскуча упряжью своей,
 И кучера, вокруг огней,
 Бранят господ и бьют в ладони:
 А уж Онегин вышел вон;
 Домой одеться едет он.

Изобразжу ль в картине верной
 Уединенный кабинет,
 Где мод воспитанник примерный
 Одет, раздет и вновь одет?
 Всё, чем для прихоти обильной
 Торгует Лондон щепетильный
 И по балтийским волнам
 За лес и сало возит нам,
 Всё, что в Париже вкус голодный,
 Полезный промысел избрав,
 Изобретает для забав,
 Для роскоши, для неги модной, —
 Всё украшало кабинет
 Философа в осьмнадцать лет.

XXIV

Янтарь на трубках Цареграда,
 Фарфор и бронза на столе,
 И, чувств изнеженных отрада,
 Духи в граненом хрустале;
 Гребенки, пилочки стальные,
 Прямые ножницы, кривые,
 И щетки тридцати родов —
 И для ногтей, и для зубов.
 Руссо (замечу мимоходом)
 Не мог понять, как важный Грим
 Смел чистить ногти перед ним,
 Красноречивым сумасбродом: ⁶
 Защитник вольности и прав
 В сем случае совсем не прав.

Быть можно дельным человеком
 И думать о красе ногтей:
 К чему бесплодно спорить с веком?
 Обычай деспот меж людей.
 Второй Чадаев, мой Евгений,
 Боясь ревнивых осуждений,
 В своей одежде был педант
 И то, что мы назвали франт.
 Он три часа, по крайней мере,
 Пред зеркалами проводил,
 И из уборной выходил
 Подобный ветреной Венере,
 Когда, надев мужской наряд,
 Богиня едет в маскарад

XXVI

В последнем вкусе туалетом
 Заняв ваш любопытный взгляд,
 Я мог бы пред ученым светом
 Здесь описать его наряд;
 Конечно б это было смело,
 Описывать мое же дело:
 Но панталоны, фрак, жилет,
 Всех этих слов на русском нет;
 А вижу я, винюсь пред вами,
 Что уж и так мой бедный слог
 Пестреть гораздо меньше б мог
 Иноязычными словами,
 Хоть и заглядывал я встарь
 В Академический Словарь.

У нас теперь не то в предмете:
 Мы лучше поспешим на бал,
 Куда стремглав в ямской карете
 Уж мой Онегин поскакал.
 Перед померкшими домами
 Вдоль сонной улицы рядами
 Двойные фонари карет
 Веселый изливают свет
 И радуги на снег наводят;
 Усеян площадками кругом,
 Блестит великолепный дом;
 По цельным окнам тени ходят,
 Мелькают профили голов
 И дам и модных чудаков.

XXVIII

Вот наш герой подъехал к сеним;
 Швейцара мимо он стрелой
 Взлетел по мраморным ступеням,
 Расправил волоса рукой,
 Вошел. Полна народу зала;
 Музыка уж греметь устала;
 Толпа мазуркой занята;
 Кругом и шум, и теснота;
 Бренчат кавалергарда шпоры;
 Летают ножки милых дам;
 По их пленительным следам
 Летают пламенные взоры,
 И ревом скрыпок заглушен
 Ревнивый шопот модных жен.

Во дни веселий и желаний
 Я был от балов без ума:
 Верней нет места для признаний
 И для вручения письма.
 О вы, почтенные супруги!
 Вам предложу свои услуги;
 Прошу мою заметить речь:
 Я вас хочу предостеречь.
 Вы также, маменьки, постороже
 За дочерью смотрите след:
 Держите прямо свой лорнет!
 Не то... не то, избави боже!
 Я это потому пишу,
 Что уж давно я не грешу.

XXX

Увы, на разные забавы
 Я много жизни погубил!
 Но если б не страдали нравы,
 Я балы б до сих пор любил.
 Люблю я бешеную младость,
 И тесноту, и блеск, и радость,
 И дам обдуманый наряд;
 Люблю их ножки; только вряд
 Найдете вы в России целой
 Три пары стройных женских ног.
 Ах, долго я забыть не мог
 Две ножки!.. Грустный, охладевший,
 Я всё их помню, и во сне
 Они тревожат сердце мне.

Когда ж, и где, в какой пустыне,
 Безумец, их забудешь ты?
 Ах, ножки, ножки! Где вы ныне?
 Где мнете вешние цветы?
 Взлелеяны в восточной неге,
 На северном, печальном снеге
 Вы не оставили следов:
 Любили мягких вы ковров
 Роскошное прикосновенье.
 Давно ль для вас я забывал
 И жажду славы и похвал,
 И край отцов и заточенье?
 Исчезло счастье юных лет —
 Как на лугах ваш легкий след!

Дианы грудь, ланиты Флоры
 Прелестны, милые друзья!
 Однако ножка Терпсихоры
 Прелестней чем-то для меня.
 Она, пророчествуя взгляду
 Неоцененную награду,
 Влечет условною красой
 Желаний своеобразный рой.
 Люблю ее, мой друг Эльвина,
 Под длинной скатертью столов,
 Весной на мураве лугов,
 Зимой на чугуне камина,
 На зеркальном паркете зал,
 У моря на граните скал.

Я помню море пред грозною:
 Как я завидовал волнам,
 Бегущим бурной чередою
 С любовью лечь к ее ногам!
 Как я желал тогда с волнами
 Коснуться милых ног устами!
 Нет, никогда среди пылких дней
 Кипящей младости моей
 Я не желал с таким мученьем
 Лобзать уста младых Армид,
 Иль розы пламенных ланит,
 Иль перси, полные томленьем;
 Нет, никогда порыв страстей
 Так не терзал души моей!

Мне памятно другое время:
 В заветных иногда мечтах
 Держу я счастливое стремя,
 И ножку чувствую в руках;
 Опять кишит воображенье,
 Опять ее прикосновенье
 Зажгло в увядшем сердце кровь,
 Опять тоска, опять любовь!..
 Но полно прославлять надменных
 Болтливой лирою своей;
 Они не стоят ни страстей,
 Ни песен, ими вдохновенных;
 Слова и взор волшебниц сих
 Обманчивы, как ножки их.

Что ж мой Онегин? Полусонный
 В постелю с бала едет он:
 А Петербург неугомонный
 Уж барабаном пробужден.
 Встает купец, идет разносчик,
 На биржу тянется извозчик,
 С кувшином охтенка спешит,
 Под ней снег утренний хрустит.
 Проснулся утра шум приятный,
 Открыты ставни, трубный дым
 Столбом восходит голубым,
 И хлебник, немец аккуратный,
 В бумажном колпаке, не раз
 Уж отворял свой *васисдас*.

XXXVI

Но, шумом бала утомленный,
 И утро в полночь обротя,
 Спокойно спит в тени блаженной
 Забав и роскоши дитя.
 Проснется за полдень, и снова
 До утра жизнь его готова,
 Однообразна и пестра,
 И завтра то же, что вчера.
 Но был ли счастлив мой Евгений,
 Свободный, в цвете лучших лет,
 Среди блистательных побед,
 Среди вседневных наслаждений?
 Вотще ли был он средь пиров
 Неосторожен и здоров?

Нет: рано чувства в нем остыли;
 Ему наскучил света шум;
 Красавицы не долго были
 Предмет его привычных дум;
 Измены утомить успели;
 Друзья и дружба надоели,
 Затем, что не всегда же мог
Beef-steaks и страсбургский пирог
 Шампанской обливать бутылкой
 И сыпать острые слова,
 Когда болела голова:
 И хоть он был повеса пылкой,
 Но разлюбил он наконец
 И брань, и саблю, и свинец.

XXXVIII

Недуг, которого причину
 Давно бы отыскать пора,
 Подобный английскому *сплину*,
 Короче: русская хандра
 Им овладела понемногу;
 Он застрелиться, слава богу,
 Попробовать не захотел,
 Но к жизни вовсе охладел.
 Как *Child-Harold*, угрюмый, томный
 В гостинных появлялся он;
 Ни сплетни света, ни бостон,
 Ни милый взгляд, ни вздох
 нескромный,
 Ничто не трогало его,
 Не замечая он ничего.

. . . . .
 . . . . .
 . . . . .

XLII

Причудницы большого света!
 Всех прежде вас оставил он;
 И правда то, что в наши лета
 Довольно скучен высший тон;
 Хоть, может быть, иная дама
 Толкует Сея и Бентама,
 Но вообще их разговор
 Несносный, хоть невинный вздор;
 К тому ж они так непорочны,
 Так величавы, так умны,
 Так благочестия полны,
 Так осмотрительны, так точны,
 Так неприступны для мужчин,
 Что вид их уж рождает *силли*:⁷

XLIII

И вы, красотки молодые,
 Которых поздною порой
 Уносят дрожки удалые
 По петербургской мостовой,
 И вас покинул мой Евгений.
 Отступник бурных наслаждений,
 Онегин дома заперся,
 Зевая, за перо взялся,
 Хотел писать: но труд упорный
 Ему был тошен; ничего

Не вышло из пера его,
 И не попал он в пех задорный
 Людей, о коих не сужу,
 Затем, что к ним принадлежу.

XLIV

И снова, преданный безделью,
 Томясь душевной пустотой,
 Уселся он — с похвальной целью
 Себе присвоить ум чужой;
 Отрядом книг оставил полку,
 Читал, читал — а всё без толку:
 Там скука, там обман иль бред;
 В том совести, в том смыслу нет;
 На всех различные вериги;
 И устарела старина,
 И старым бредит новизна.
 Как женщины, он оставил книги,
 И полку с пыльной их семьей
 Задернул траурной тафтой.

XLV

Условий света свергнув бремя,
 Как он, отстав от суеты,
 С ним подружился я в то время.
 Мне нравились его черты,
 Мечтам невольная преданность,
 Неподражательная странность
 И резкий, охлажденный ум.
 Я был озлоблен, он угрюм;
 Страстей игру мы знали оба:
 Томила жизнь обоих нас;

В обоих сердца жар угас;
Обоих ожидала злоба
Слепой Фортуны и людей
На самом утре наших дней.

XLVI

Кто жил и мыслил, тот не может
В душе не презирать людей;
Кто чувствовал, того тревожит
Призрак невозвратимых дней:
Тому уж нет очарований,
Того змея воспоминаний,
Того раскаянье грызет.
Всё это часто придает
Большую прелесть разговору.
Сперва Онегина язык
Меня смущал; но я привык
К его язвительному спору,
И к шутке, с желчью пополам,
И злости мрачных эпиграмм.

XLVII

Как часто летнею порою,
Когда прозрачно и светло
Ночное небо над Невою,⁸
И вод веселое стекло
Не отражает лик Дианы,
Воспомня прежних лет романы,
Воспомня прежнюю любовь,
Чувствительны, беспечны вновь,
Дыханьем ночи благосклонной
Безмолвно уживались мы!

Как в лес зеленый из тюрьмы
Перенесен колодник сонный,
Так уносились мы мечтой
К началу жизни молодой.

XLVIII

С душою, полной сожалений,
И опершись на гранит,
Стоял задумчиво Евгений,
Как описал себя Пиит.⁹
Всё было тихо; лишь ночные
Перекликались часовые;
Да дροжек отдаленный стук
С Мильонной раздавался вдруг;
Лишь лодка, веслами махая,
Плыла по дремлющей реке:
И нас пленяли вдалеке
Рожок и песня удаляя...
Но слаще, средь ночных забав,
Напев Торкватовых октав!

XLIX

Адриатические волны,
О Брента! Нет, увижу вас,
И, вдохновенья снова полный,
Услышу ваш волшебный глас!
Он свят для внуков Аполлона;
По гордой лире Альбиона
Он мне знаком, он мне родной.
Ночей Италии златой
Я негой наслажусь на воле
С венецианкою младой,

То говорливой, то немой,
Плывя в таинственной гондоле;
С ней обретут уста мои
Язык Петрарки и любви.

L

Придет ли час моей свободы?
Пора, пора! — зываю к ней;
Брожу над морем, ¹⁰ жду погоды.
Маню ветрила кораблей.
Под ризой бурь, с волнами спори.
По вольному распутию моря
Когда ж начну я вольный бег?
Пора покинуть скучный берег
Мне неприятной стихии,
И средь полуденных зыбей,
Под небом Африки моей, ¹¹
Вздыхать о сумрачной России,
Где я страдал, где я любил,
Где сердце я похоронил.

LI

Онегин был готов со мною
Увидеть чуждые страны;
Но скоро были мы судьбою
На долгий срок разведены.
Отец его тогда скончался.
Перед Онегиным собрался
Занмодавцев жадный полк.
У каждого свой ум и толк:
Евгений, тяжбы ненавидя,
Довольный жребием своим,

Наследство предоставил им,
Большой потери в том не видя,
Иль предузнав издалека
Кончину дяди старика.

LII

Вдруг получил он в самом деле
От управителя доклад,
Что дядя при смерти в постеле
И с ним проститься был бы рад
Прочтя печальное посланье,
Евгений тотчас на свиданье
Стремглав по почте поскакал
И уж заранее зевал,
Приготовляясь, денег ради,
На вздохи, скуку и обман
(И тем я начал мой роман);
Но, прилетев в деревню дяди,
Его нашел уж на столе,
Как дань готовую земле.

LIII

Нашел он полон двор услуги;
К покойнику со всех сторон
Съезжались недруги и друзья,
Охотники до похорон.
Покойника похоронили.
Поны и гости ели, пили,
И после важно разошлись,
Как будто делом занялись.
Вот наш Онегин сельский житель,
Заводов, вод, лесов, земель

Хозяин полный, а досель
Порядка враг и расточитель,
И очень рад, что прежний путь
Переменил на что-нибудь.

LIV

Два дня ему казались новы
Уединенные поля,
Прохлада сумрачной дубровы,
Журчанье тихого ручья;
На третий роша, холм и поле
Его не занимали боле;
Потом уж наводили сон;
Потом увидел ясно он,
Что и в деревне скука та же,
Хоть нет ни улиц, ни дворцов,
Ни карт, ни балов, ни стихов.
Хандра ждала его на страже,
И бегала за ним она,
Как тень иль верная жена.

LV

Я был рожден для жизни мирной,
Для деревенской тишины:
В глуши звучнее голос лирный,
Живее творческие сны.
Досугам посвящая невинным,
Брожу над озером пустынным,
И *far niente* мой закон.
Я каждым утром пробужден
Для сладкой неги и свободы:
Читаю мало, долго сплю,

Летучей славы не ловлю.
Не так ли я в былые годы
Провел в бездействии, в тени
Мои счастливейшие дни?

LVI

Цветы, любовь, деревня, праздность,
Поля! я предан вам душой.
Всегда я рад заметить разность
Между Онегиным и мной,
Чтобы насмешливый читатель
Или какой-нибудь издатель
Замысловатой клеветы,
Сличая здесь мои черты,
Не повторил потом безбожно,
Что намарал я свой портрет,
Как Байрон, гордости поэт, —
Как будто нам уж невозможно
Писать поэмы о другом,
Как только о себе самом.

LVII

Замечу кстати: все поэты —
Любви мечтательной друзья.
Бывало, милые предметы
Мне снились, и душа моя
Их образ тайный сохранила;
Их после Муза оживила:
Так я, беспечен, воспевал
И деву гор, мой идеал,
И пленниц берегов Салгира.
Теперь от вас, мои друзья,

Вопрос нередко слышу я:
«О ком твоя вздыхает лира?»
Кому, в толпе ревнивых дев,
Ты посвятил ее напев?

LVIII

Чей взор, волнуя вдохновенье,
Умильной лаской наградих
Твое задумчивое пенье?
Кого твой стих боготворил?»
И, други, никого, ей-богу!
Любви безумную тревогу
Я безотрадно испытал.
Блажен, кто с нею сочетал
Горячку рифм: он тем удвоил
Поэзии священный бред,
Петрарке шествуя вослед,
А муки сердца успокоил,
Поймал и славу между тем;
Но я, любя, был глуп и нем.

LIX

Прошла любовь, явилась Муза,
И прояснился темный ум.
Свободен, вновь ищу союза
Волшебных звуков, чувств и дум;
Пищу, и сердце не тоскует;
Перо, забывшись, не рисует,
Близ неоконченных стихов,
Ни женских ножек, ни голов;
Погасший пепел уж не вспыхнет;
Я всё грущу; но слез уж нет,

И скоро, скоро бури след
В душе моей совсем утихнет:
Тогда-то я начну писать
Поэму песен в двадцать пять.

LX

Я думал уж о форме плана,
И как героя назову.
Покамест моего романа
Я кончил первую главу;
Пересмотрел всё это строго:
Противоречий очень много,
Но их исправить не хочу
Цензуре долг свой заплачу,
И журналистам на съеденье
Плоды трудов моих отдам:
Иди же, к неским берегам,
Новорожденное творенье!
И заслужи мне славы дань —
Кривые толки, шум и брань!

ГЛАВА ВТОРАЯ

О рус!..

Пор.

О Русь!

I

Деревня, где скучал Евгений,
Была прелестный уголок;
Там друг невинных наслаждений
Благословить бы небо мог.
Господский дом уединенный,
Горой от ветров огражденный
Стоял над речкою. Вдали
Пред ним пестрели и цвели
Луга и нивы золотые,
Мелькали сёла; здесь и там
Стада бродили по лугам,
И сени расширял густые
Огромный, запущенный сад,
Приют задумчивых Дриад.

II

Почтенный замок был построен
Как замки строиться должны:
Отменно прочен и спокоен,
Во вкусе умной старины.

Везде высокие покои,
В гостиной штофные обои,
Царей портреты на стенах,
И печи в пестрых изразцах
Всё это ныне обветшало,
Не знаю, право, почему:
Да впрочем, другу моему
В том нужды было очень мало,
Затем, что он равно зевал
Средь модных и старинных зал.

III

Он в том покое поселился,
Где деревенский старожил
Лет сорок с ключницей бранился,
В окно смотрел и мух давил.
Всё было просто: пол дубовый,
Два шкафа, стол, диван пуховый,
Нигде ни пятнышка чернил.
Онегин шкафы отворил:
В одном нашел тетрадь расхода,
В другом наливки целый строй,
Кувшины с яблочной водой,
И календарь осьмого года:
Старик, имея много дел,
В иные книги не глядел.

IV

Один среди своих владений,
Чтоб только время проводить,
Сперва задумал наш Евгений
Порядок новый учредить.

В своей глуши мудрец пустынный,
Ярем от барщины старинной
Оброком легким заменил;
И раб судьбу благословил.
За то в углу своем надулся,
Увидя в этом страшный вред,
Его расчетливый сосед;
Другой лукаво улыбнулся,
И в голос все решили так:
Что он опаснейший чужак.

V

Сначала все к нему езжали;
Но так как с заднего крыльца
Обыкновенно подавали
Ему донского жеребца,
Лишь только вдоль большой дороги
Заслышат их домашни дроги: —
Поступком оскорбясь таким,
Все дружбу прекратили с ним.
«Сосед наш неуч; сумасбродит;
Он фармазон; он пьет одно
Стаканом красное вино;
Он дамам к ручке не подходит;
Всё да, да нет; не скажет да-с
Иль нет-с». Таков был общий глас.

VI

В свою деревню в ту же пору
Помещик новый прискакал
И столь же строгому разбору
В соседстве повод подавал,

По имени Владимир Ленской,
С душою прямо геттингенской,
Красавец, в полном цвете лет,
Поклонник Канта и поэт.
Он из Германии туманной
Привез учености плоды:
Вольнолюбивые мечты,
Дух пылкий и довольно странный,
Всегда восторженную речь
И кудри черные до плеч.

VII

От хладного разврата света
Еще увянуть не успев,
Его душа была согрета
Приветом друга, лаской дев;
Он сердцем милый был невежда,
Его лелеяла надежда,
И мира новый блеск и шум
Еще пленяли юный ум.
Он забавлял мечтою сладкой
Сомненья сердца своего;
Цель жизни нашей для него
Была заманчивой загадкой;
Над ней он голову ломал
И чудеса подозревал.

VIII

Он верил, что душа родная
Соединиться с ним должна,
Что безотрадно изнывая,
Его вседневно ждет она;

Он верил, что друзья готовы
За честь его принять оковы,
И что не дрогнет их рука
Разбить сосуд клеветника;
Что есть избранные судьбами,
Людей священные друзья;
Что их бессмертная семья
Неотразимыми лучами
Когда-нибудь нас озарит
И мир блаженством одарит

IX

Негодование, сожаленье,
Ко благу чистая любовь
И славы сладкое мученье
В нем рано волновали кровь.
Он с лирой странствовал на свете;
Под небом Шиллера и Гете,
Их поэтическим огнем
Душа воспламенилась в нем;
И муз возвышенных искусства
Счастливец, он не постыдил;
Он в песнях гордо сохранял
Всегда возвышенные чувства,
Порывы девственной мечты
И прелесть важной простоты.

X

Он пел любовь, любви послушный,
И песнь его была ясна,
Как мысли девы простодушной,
Как сон младенца, как дуна

В пустынях неба безмятежных,
Богиня тайн и вздохов нежных;
Он пел разлуку и печаль,
И нечто, и туманную даль,
И романтические розы;
Он пел те дальние страны,
Где долго в лоно тишины
Лились его живые слезы;
Он пел поблеклый жизни цвет,
Без малого в восемнадцать лет.

XI

В пустыне, где один Евгений
Мог оценить его дары,
Господ соседственных селений
Ему не нравились пиры;
Бежал он их беседы шумной.
Их разговор благородный
О сенокосе, о вине,
О псарне, о своей родне,
Конечно не блистал ни чувством,
Ни поэтическим огнем,
Ни острою, ни умом,
Ни общежития искусством;
Но разговор их милых жен
Гораздо меньше был умен.

XI

Богат, хорош собою, Ленский
Везде был принят как жених;
Таков обычай деревенский;
Все дочек прочили своим

За полурусского соседа;
Взойдет ли он — тотчас беседа
Заводит слово стороной
О скуке жизни холостой;
Зовут соседа к самовару,
А Дуня разливает чай,
Ей шепчут: «Дуня, примечай!»
Потом приносят и гитару,
И защитит она (бог мой!):
Приди в чертог ко мне златой!.. ¹²

XIII

Но Ленский, не имев конечно
Охоты узы брака несть,
С Онегиным желал сердечно
Знакомство покороче свести.
Они сошлись. Волна и камень,
Стихи и проза, лед и пламень
Не столь различны меж собой.
Сперва взаимной разнотой
Они друг другу были скучны;
Потом понравились; потом
Съезжались каждый день верхом,
И скоро стали неразлучны.
Так люди — первый каюсь я —
От *делать нечего* друзья.

XIV

Но дружбы нет и той меж нами.
Все предрассудки истребя,
Мы почитаем всех — нулями,
А единицами — себя;

Мы все глядим в Наполеоны;
Двуногих тварей миллионы
Для нас орудие одно,
Нам чувство дико и смешно.
Сноснее многих был Евгений;
Хоть он людей конечно знал,
И вообще их презирал. —
Но правия нет без исключений:
Иных он очень отличал,
И вчуже чувство уважал.

XV

Он слушал Ленского с улыбкой.
Поэта пылкий разговор,
И ум, еще в сужденных зыбкой,
И вечно вдохновенный взор, —
Онегину всё было ново;
Он охладительное слово
В устах старался удержать,
И думал: глупо мне мешать
Его минутному блаженству;
И без меня пора придет;
Пускай покамест он живет
Да верит мира совершенству;
Простим горячке юных лет
И юный жар, и юный бред.

XVI

Меж ими всё рождало споры
И к размышлению влекло:
Племен минувших договоры,
Плоды наук, добро и зло.

И предрассудки вековые,
И гроба тайны роковые,
Судьба и жизнь в свою чреду,
Всё подвергалось их суду.
Поэт в жару своих суждений
Читал, забывшись, между тем
Отрывки северных поэм,
И снисходительный Евгений,
Хоть их не много понимал,
Прилежно юноше внимал.

XVII

Но чаще занимали страсти
Умы пустынноиков моих.
Ушед от их мятежной власти,
Онегин говорил об них
С невольным вздохом сожаленья.
Блажен, кто ведал их волненья
И наконец от них отстал,
Блаженней тот, кто их не знал,
Кто охлаждал любовь — разлукой,
Вражду — злословием; порой
Зевал с друзьями и женой,
Ревнивой не тревожась мукой,
И дедов верный капитал
Коварной двойке не вверял.

XVIII

Когда прибегнем мы под знамя
Благоразумной тишины,
Когда страстей угаснет пламя,
И вам становятся смешны

Их свосвоольство, иль порывы
И запоздалые отзвы: —
Смирненные не без труда,
Мы любим слушать иногда
Страстей чужих язык мятежный
И нам он сердце шевелит;
Так точно старый инвалид
Охотно клонит слух прилежный
Расскажам юных усачей,
Забывтый в хижине своей.

XIX

Зато и пламенная младость
Не может ничего скрывать:
Вражду, любовь, печаль и радость
Она готова разболтать.
В любви считаюсь инвалидом,
Онегин слушал с важным видом
Как, сердца исповедь любя,
Поэт высказывал себя;
Свою доверчивую совесть
Он простодушно обнажал.
Евгений без труда узнал
Его любви младую повесть,
Обильный чувствами рассказ,
Давно не новыми для нас.

XX

Ах, он любил, как в наши лета
Уже не любят; как одна
Безумная душа поэта
Еще любить осуждена:

Всегда, везде одно мечтанье,
Одно привычное желанье,
Одна привычная печаль!
Ни охлаждающая даль,
Ни долгие лета разлуки,
Ни музам данные часы,
Ни чужеземные красы,
Ни шум веселий, ни науки
Души не изменили в нем,
Согретой девственным огнем.

XXI

Чуть отрок, Ольгою плененный
Сердечных мук еще не знав,
Он был свидетель умиленный
Ее младенческих забав;
В тени хранительной дубравы
Он разделял ее забавы,
И детям прочили венцы
Друзья-соседы, их отцы.
В глуши, под сению смиренной,
Невинной прелести полна,
В глазах родителей, она
Цвела как ландыш потаенный.
Незнаемый в траве глухой
Ни мотыльками, ни пчелой.

XXII

Она поэту подарила
Младых восторгов первый сон,
И мысль об ней одушевила
Его цевницы первый стон.

Простите, игры золотые!
Он роши полюбил густые,
Уединенье, тишину,
И ночь, и звезды, и луну —
Луну, небесную лампаду,
Которой посвящали мы
Прогулки средь вечерней тьмы,
И слезы, тайных мук отраду...
Но нынче видим только в ней
Замену тусклых фонарей.

XXIII

Всегда скромна, всегда послушна,
Всегда как утро весела,
Как жизнь поэта простодушна,
Как поцелуй любви мила,
Глаза как небо голубые,
Улыбка, локоны льняные,
Движенья, голос, легкий шаг,
Всё в Ольге... но любой роман
Возьмите, и найдете верно
Ее портрет: он очень мил;
Я прежде сам его любил,
Но надоел он мне безмерно.
Позвольте мне, читатель мой,
Заняться старшею сестрой.

XXIV

Ее сестра звалась Татьяна... 12
Впервые именем таким
Страницы нежные романа
Мы своевольно освятим.

И что ж? оно приятно, звучно;
Но с ним, я знаю, неразлучно
Вспоминанье старины
Иль девичьей. Мы все должны
Признаться: вкусу очень мало
У нас и в наших именах
(Не говорим уж о стихах);
Нам просвещение не пристало,
И нам досталось от него
Жеманство, — больше ничего.

XXV

Итак она звалась Татьяной.
Ни красотой сестры своей,
Ни свежестью ее румяной
Не привлекла б она очей.
Дика, печальна, молчалива,
Как лань лесная боязлива,
Она в семье своей родной
Казалась девочкой чужой.
Она ласкаться не умела
К отцу, ни к матери своей;
Дитя сама, в толпе детей
Играть и прыгать не хотела,
И часто, целый день одна,
Сидела молча у окна.

XXVI

Задумчивость, ее подруга
От самых колыбельных дней,
Теченье сельского досуга
Мечтами украшала ей.

Ее изнеженные пальцы
Не знали игл; склонясь на пальцы
Узором шелковым она
Не оживляла полотна.
Охоты властвовать примета:
С послушной куклою дити
Приготовляется, шутя,
К приличию — закону света,
И важно повторяет ей
Уроки маменьки своей.

XXVII

Но куклы, даже в эти годы,
Татьяна в руки не брала;
Про вести города, про моды
Беседы с нею не вела.
И были детские проказы
Ей чужды; страшные рассказы
Зимою в темноте ночей
Пленили больше сердце ей.
Когда же няня собирала
Для Ольги на широкий луг
Всех маленьких ее подруг,
Она в горелки не играла,
Ей скучен был и звонкий смех,
И шум их ветреных утех.

XXVIII

Она любила на балконе
Предупреждать зари восход,
Когда на бледном небосклоне
Звезд исчезает хоровод,

И тихо край земли светлеет,
И вестник утра, ветер веет,
И всходит постепенно день.
Зимой, когда ночная тень
Полмиром доле обладает,
И доле в праздной тишине,
При отуманенной душе,
Восток ленивый почивает,
В привычный час пробуждена,
Вставала при свечах она.

XXIX

Ей рано нравились романы;
Они ей заменяли всё;
Она влюблялася в обманы
И Ричардсона и Руссо.
Отец ее был добрый малый,
В прошедшем веке запоздалый;
Но в книгах не видал вреда;
Оя, не читая никогда,
Их почитал пустой игрушкой,
И не заботился о том,
Какой у дочки тайный том
Дремал до утра под подушкой.
Жена ж его была сама
От Ричардсона без ума.

XXX

Она любила Ричардсона,
Не потому, чтобы прочла,
Не потому, чтоб Грандисона
Она Ловласу предпочла,¹²

Титульный лист первого издания
второй главы

Но в старину княжна Аллина,
Ее московская кузина,
Твердила часто ей об них.
В то время был еще жених
Ее супруг, но поневоле;
Она вздыхала по другом,
Который сердцем и умом
Ей нравился гораздо боле:
Сей Грандисон был славный Франт,
Игрок и гвардии сержант.

XXXI

Как она, она была одета
Всегда по моде и к лицу;
Но не спросясь ее совета,
Девуцу повезли к венцу.
И чтоб ее рассеять горе,
Разумный муж уехал вскоре
В свою деревню, где она,
Бог знает кем окружена,
Рвалась и плакала сначала,
С супругом чуть не развелась;
Потом хозяйством занялась,
Привыкла, и довольна стала.
Привычка свыше нам дана:
Замена счастию она. ¹⁵

XXXII

Привычка усладила горе,
Неотразимое ничем;
Открытие большое вскоре
Ее утешило совсем:

Она меж делом и досугом
Открыла тайну, как супругом
Самодержавно управлять,
И всё тогда пошло на стать.
Она езжала по работам,
Солила на зиму грибы,
Вела расходы, брила лбы,
Ходила в баню по субботам,
Служанок била осердясь —
Всё это мужа не спросясь.

XXXIII

Бывало, писывала кровью
Она в альбомы нежных дев,
Звала Полиною Прасковью,
И говорила нараспев;
Корсет носила очень узкий,
И русский Н как N французский
Произносить умела в нос;
Но скоро всё перевелось:
Корсет, альбом, княжну Полину,
Стишков чувствительных тетрадь
Она забыла; стала звать
Акулькой прежнюю Селину,
И обновила наконец
На вате шлафор и чепец.

XXXIV

Но муж любил ее сердечно,
В ее затей не входил,
Во всем ей веровал беспечно,
А сам в халате ел и пил;

Покойно жизнь его катилась;
Под вечер иногда сходилась
Соседей добрая семья,
Нецеремонные друзья,
И потужить, и позлословить,
И посмеяться кой о чем.
Проходит время; между тем
Прикажут Ольге чай готовить;
Там ужин, там и спать пора,
И гости едут со двора.

XXXV

Они хранили в жизни мирной
Привычки милой старины;
У них на масленице жирной
Водились русские блины;
Два раза в год они говели;
Любили круглые качели,
Подблюдны песни, хоровод;
В день троицын, когда народ
Зевая слушает молебн,
Умильно на пучок зари
Они роняли слезки три;
Им квас как воздух был потреб
И за столом у них гостям
Носили блюда по чинам.

XXXVI

И так они старели оба.
И отворились наконец
Перед супругом двери
И новый он принял венец.

Он умер в час перед обедом,
Оплаканный своим соседом,
Детьми и верною женой
Чистосердечней чем иной.
Он был простой и добрый барин,
И там где прах его лежит,
Надгробный памятник гласит:
Смиранный грешник, Дмитрий Ларин,
Господний раб и бригадир,
Под камнем сим вкушает мир.

XXXVII

Своим пенатам возвращенный,
Владимир Ленский посетил
Соседа памятник смиренный,
И вздох он пеплу посвятил;
И долго сердцу грустно было.
«*Roog Yoric!*»¹⁶ — молвилон увыло, —
Он на руках меня держал.
Как часто в детстве я играл
Его очаковской медалью!
Он Ольгу прочил за меня,
Он говорил: дождусь ли дня?..»
И полный искренней печалью,
Владимир тут же начертал
Ему надгробный мадригал.

XXXVIII

И там же надписью печальной
Отца и матери, в слезах,
Почтил он прах патриархальный...
Увы! на жизненных браздах

Мгновенной жатвой поколенья,
По тайной воле провиденья,
Восходят, зреют и падут;
Другие им вослед идут...
Так наше ветреное племя
Растет, волнуется, кипит
И к гробу прадедов теснит.
Привдет, придет и наше время,
И наши внуки в добрый час
Из мира вытеснят и нас!

XXXIX

Покамест упивайтесь ею,
Сей легкой жизнью, друзья!
Ее ничтожность разумею,
И мало к ней привязан я;
Для призраков закрыл я вежды;
Но отдаленные надежды
Тревожат сердце иногда:
Без неприметного следа
Мне было б грустно мир оставить.
Живу, пишу не для похвал;
Но я бы, кажется, желал
Печальный жребий свой прославить,
Чтоб обо мне, как верный друг,
Напомнил хоть единый звук.

XI

И чье-нибудь он сердце тронет;
И сохраненная судьбой,
Быть может, в Лете не потонет
Строфа, слагаемая мной;

Быть может (лестная надежда!)
Укажет будущий невежда
На мой прославленный портрет,
И молвит: то-то был Поэт!
Прими ж мои благодаренья,
Поклонник мирных Аонид,
О ты, чья память сохранит
Мои летучие творенья;
Чья благосклонная рука
Потреплет лавры старика!

ГЛАВА ТРЕТИЯ

Elle était fille, elle était amoureuse.
Malfidâtre.

I

«Куда? Уж эти мне поэты!» —
«Прощай, Онегин, мне пора». —
«Я не держу тебя; но где ты
Свои проводишь вечера?» —
«У Лариных». — «Вот это чудно.
Помилуй! И тебе не трудно
Так каждый вечер убивать?» —
«Ни мало». — «Не могу понять.
Отседе вижу, что такое:
Во-первых (слушай, прав ли я?),
Простая, русская семья,
К гостям усердие большое,
Варенье, вечный разговор
Про дождь, про лен, про скотный
двор...» —

II

«Я тут еще беды не вижу». —
«Да скука, вот беда, мой друг». —
«Я модный свет ваш ненавижу;

Милее мне домашний круг,
Где я могу...» — «Опять эклога!
Да полно, милый, ради бога.
Ну что ж? ты едешь: очень жаль.
Ах, слушай, Ленской; да нельзя ль
Увидеть мне Филлиду эту,
Предмет и мыслей, и пера,
И слез, и рифм et cetera?..
Представь меня». — «Ты шутишь?» —
«Нету». —

«Я рад». — «Когда же?» — «Хоть сейчас.
Они с охотой примут нас.

III

Поедем».

Посскакали други,
Явились; им расточены
Порой тяжелые услуги
Гостеприимной старины.
Обряд известный угощения:
Несут на блюдечках варенья;
На столик ставят вошаной
Кувшин с брусничною водой.

. . . . .
. . . . .
. . . . .
. . . . .
. . . . .
. . . . .

IV

Они дорогой самой краткой
Домой летят во весь опор.¹⁷

Теперь подслушаем украдкой
Героев наших разговор:
«Ну, что ж, Онегин? ты зеваешь». —
«Привычка, Ленской». — «Но скучаешь
Ты как-то больше». — «Нет, равно.
Однако в поле уж темно;
Скорей! пошел, пошел, Андрюшка!
Какие глухие места!
А кстати: Ларина проста,
Но очень милая старушка;
Боюсь: брусничная вода
Мне не наделала б вреда.

V

Скажи: которая Татьяна?» —
«Да та, которая грустна
И молчалива, как Светлана,
Вошла и села у окна». —
«Неужто ты влюблен в меньшую?» —
«А что?» — «Я выбрал бы другую,
Когда б я был как ты поэт.
В чертах у Ольги жизни нет.
Точь в точь в Вандиковой Мадоне:
Кругла, красна лицом она,
Как эта глупая луна
На этом глупом небосклоне».
Владимир сухо отвечал
И после во весь путь молчал.

VI

Меж тем Онегина явленье
У Лариных произвело
На всех большое впечатленье

И всех соседей развлекло.
Пошла догадка за догадкой.
Все стали толковать украдкой,
Шутить, судить не без греха,
Татьяне прочить жениха;
Иные даже утверждали,
Что свадьба слажена совсем,
Но остановлена затем,
Что модных колец не достали.
О свадьбе Ленского давно
У них уж было решено.

VII

Татьяна слушала с досадой
Такие сплетни; но тайком
С неизъяснимою отрадой
Невольно думала о том;
И в сердце дума заронилась;
Пора пришла, она влюбилась.
Так в землю падшее зерно
Весны огнем оживлено.
Давно ее воображенье,
Сгорая негой и тоской,
Алкало пищи роковой;
Давно сердечное томленье
Теснило ей младую грудь;
Душа ждала... кого-нибудь,

VIII

И дождалась... Открылись очи;
Она сказала: это он!
Увы! теперь и дни, и ночи,
И жаркий, одинокий сон,

Всё полно им; всё дева милой
Без умолку волшебной силой
Твердит о нем. Докучны ей
И звуки ласковых речей,
И взор заботливой прислуги.
В уныние погружена,
Гостей не слушает она,
И проклинает их досуги,
Их неожиданный приезд
И продолжительный присест.

IX

Теперь с каким она вынманьем
Читает сладостный роман,
С каким живым очарованьем
Пьет обольстительный обман!
Счастливой силою мечтанья
Одушевленные созданья,
Любовник Юлии Вольмар,
Малек-Адель и де Линар,
И Вертер, мученик мятежный,
И бесподобный Грандисон,¹⁸
Который нам наводит сон,
Все для мечтательницы нежной
В единый образ облеклись,
В одном Онегине слились.

X

Воображаясь героиней
Своих возлюбленных творцов,
Кларисой, Юлией, Дельфиной,
Татьяна в тишине лесов
Одна с опасной книгой бродит,

Она в ней ищет и находит
Свой тайный жар, свои мечты,
Плоды сердечной полноты,
Вздыхает, и себе присвоит
Чужой восторг, чужую грусть,
В забвеньи шепчет наизусть
Письмо для милого героя...
Но наш герой, кто б ни был он,
Уж верно был не Грандисон.

XI

Свой слог на важный лад настрой,
Бывало, пламенный творец
Являл нам своего героя
Как совершенства образец.
Он одарил предмет любимый,
Всегда несправедно гонимый,
Душой чувствительной, умом
И привлекательным лицом.
Питая жар чистейшей страсти,
Всегда восторженный герой
Готов был жертвовать собой,
И при конце последней части
Всегда наказан был порок,
Добру достойный был венок.

XII

А нынче все умы в тумане,
Мораль на нас наводит сон,
Порок любезен — и в романе,
И там уж торжествует он.
Британской музы небылды
Тревожат сон отроковицы,

И стал теперь ее кумир
Или задумчивый Вампир,
Или Мельмот, бродяга мрачный,
Иль вечный жид, или Корсар,
Или таинственный Сбогар.¹⁹
Лорд Байрон прихотью удачной
Облек в унылый романтизм
И безнадежный эгоизм.

XIII

Друзья мои, что ж толку в этом?
Быть может, волею небес,
Я перестану быть поэтом,
В меня вселится новый бес,
И, Фебовы презрев угрозы,
Унижусь до смиренной прозы:
Тогда роман на старый лад
Займет веселый мой закат.
Не муки тайные злодейства
Я грозно в нем изображу,
Но просто вам перескажу
Преданья русского семейства,
Любви пленительные сны,
Да нравы нашей старины.

XIV

Перескажу простые речи
Отца иль дяди старика,
Детей условленные встречи
У старых лиц, у ручейка;
Несчастной ревности мученья,
Разлуку, слезы примиренья,
Поссорю вновь, и наконец

Я поведу их под венец...
Я вспомню речи неги страстной,
Слова тоскующей любви,
Которые в минувши дни
У ног любовницы прекрасной
Мне приходили на язык,
От коих я теперь отвык.

XV

Татьяна, милая Татьяна!
С тобой теперь я слезы лью;
Ты в руки модного тирана
Уж отдала судьбу свою.
Погибнешь, милая; но прежде
Ты в ослепительной надежде
Блаженство темное зовешь,
Ты негу жизни узнаешь,
Ты пьешь волшебный яд желаний,
Тебя преследуют мечты:
Везде воображаешь ты
Приюты счастливых свиданий;
Везде, везде перед тобой
Твой искуститель роковой.

XVI

Тоска любви Татьяну гонит,
И в сад идет она грустить,
И вдруг недвижны очи клонит,
И лень ей далее ступить.
Приподнялася грудь, ланиты
Мгновенным пламенем покрыты,
Дыханье замерло в устах,
И в слухе шум, и блеск в очах...

Настанет ночь; луна обходит
Дозором дальный свод небес,
И соловей во мгле деревьев
Напевы звучные заводит.
Татьяна в темноте не спит
И тихо с няней говорит:

XVII

«Не спишь, няня: здесь так душно!
Открой окно, да сядь ко мне». —
«Что, Таня, что с тобой?» — «Мне
скучно,

Поговорим о старине». —
«О чем же, Таня? Я, бывало,
Хранила в памяти не мало
Старинных былей, небылиц
Про злых духов и про девиц;
А нынче всё мне тёмно, Таня:
Что знала, то забыла. Да,
Пришла худая чередка!
Зашибло...» — «Расскажи мне, няня,
Про ваши старые года:
Была ты влюблена тогда?» —

XVIII

«И, полно, Таня! В эти лета
Мы не слыхали про любовь;
А то бы согнала со света
Меня покойница свекровь». —
«Да как же ты венчалась, няня?» —
«Так, видно, бог велел. Мой Вани
Моложе был меня, мой свет,
А было мне тринадцать лет.

Недели две ходила сваха
К моей родне, и наконец
Благословил меня отец.
Я горько плакала со страха;
Мне с плачем косу расплели,
Да с пеньем в церковь повели.

XIX

И вот ввели в семью чужую...
Да ты не слушаешь меня...» —
«Ах, няня, няня, я тоскую,
Мне тошно, милая моя:
Я плакать, я рыдать готова!..» —
«Дитя мое, ты нездорова;
Господь помилуй и спаси!
Чего ты хочешь, попроси...
Дай окроплю святой водою,
Ты вся горишь...» — «Я не больна;
Я... знаешь, няня... влюблена». —
«Дитя мое, господь с тобою!»
И няня девушку с мольбой
Крестила дряхлою рукой.

XX

«Я влюблена», — шептала снова
Старушке с горестью она.
«Сердечный друг, ты нездорова». —
«Оставь меня: я влюблена».
И между тем луна сияла
И томным светом озаряла
Татьяны бледные красы,
И распушенные влася,
И капли слез, и на скамейке

Пред героиней молодой,
С платком на голове седой,
Старушку в длинной телогрейке;
И всё дремало в тишине
При вдохновительной луне.

XXI

И сердцем далеко носилась
Татьяна, смотря на луну...
Вдруг мысль в уме ее родилась...
«Поди, оставь меня одну.
Дай, няня, мне перо, бумагу,
Да стол подвинь: я скоро лягу;
Прости». И вот она одна.
Всё тихо. Светит ей луна.
Облокотясь, Татьяна пишет,
И всё Евгений на уме,
И в необдуманном письме
Любовь невинной девы дышит.
Письмо готово, сложено...
Татьяна! для кого ж оно?

XXII

Я знал красавиц недоступных,
Холодных, чистых как зима,
Неумолимых, неподкупных,
Непостижимых для ума;
Дивился я их снеси модной,
Их добродетели природной,
И, признаюсь, от них бежал.
И, мнится, с ужасом читал
Над их бровями надпись ада:
Оставь надежду навсегда!²⁰

Внушать любовь для них беда,
Пугать людей для них отрада.
Быть может, на брегах Невы
Подобных дам видали вы

XXIII

Среди поклонников послушных
Других причудниц я видал,
Самолюбиво равнодушных
Для вздохов страстных и похвал.
И что ж нашел я с изумленьем?
Они, суровым поведением
Пугая робкую любовь,
Ее привлечь умели вновь,
По крайней мере, сожаленьем,
По крайней мере, звук речей
Казался иногда нежней,
И с легковерным ослепленьем
Опять любовник молодой
Бежал за милой суетой.

XXIV

За что ж виновнее Татьяна?
За то ль, что в милой простоте
Она не ведает обмана
И верит избранной мечте?
За то ль, что любит без искусства,
Послушная влеченью чувства,
Что так доверчива она,
Что от небес одарена
Воображением мятежным,
Умом и волею живой,
И своенравной головой

И сердцем пламенным и нежным?
Ужели не простите ей
Вы легкомыслия страстей?

XXV

Кокетка судит хладнокровно,
Татьяна любит не шутя
И предается безусловно
Любви, как милое дитя.
Не говорит она: отложим —
Любви мы цену тем умножим,
Вернее в сети заведем;
Сперва тщеславие кольнем
Надеждой, там недоуменьем
Измучим сердце, а потом
Ревнивым оживим огнем;
А то, скучая наслажденьем,
Невольник хитрый из оков
Всечасно вырваться готов.

XXVI

Еще предвижу затрудненья:
Родной земли спасая честь,
Я должен буду, без сомненья,
Письмо Татьяны перевести.
Она по-русски плохо знала,
Журналов наших не читала,
И выражалась с трудом
На языке своем родном,
Итак, писала по-французски...
Что делать! повторю вновь:
Доньше дамская любовь
Не изъяснялась по-русски,

Доныне гордый наш язык
К почтовой прозе не привык.

XXVII

Я знаю: дам хотят заставить
Читать по-русски. Право, страх!
Могу ли их себе представить
С *Благонамеренным*²¹ в руках!
Я шлюсь на вас, мои поэты,
Не правда ль: милые предметы,
Которым, за свои грехи,
Писали втайне вы стихи,
Которым сердце посвящали,
Не все ли, русским языком
Владея слабо и с трудом,
Его так мило искажали,
И в их устах язык чужой
Не обратился ли в родной?

XXVIII

Не дай мне бог сойтись на бале
Иль при разезде на крыльце
С семинаристом в желтой шале
Иль с академиком в чепце!
Как уст румяных без улыбки,
Без грамматической ошибки
Я русской речи не люблю.
Быть может, на беду мою,
Красавиц новых поколеньс,
Журналов вяжущий глас,
К грамматике приучит нас;
Стихи введут в употребление;

Но я... какое дело мне?
Я верен буду старине.

XXIX

Неправильный, небрежный лепет,
Неточный выговор речей
Попрежнему сердечный трепет
Произведут в груди моей;
Раскатыся во мне нет силы,
Мне галлицизмы будут милы,
Как прошлой юности грехи,
Как Богдановича стихи.
Но полно. Мне пора заняться
Письмом красавицы моей;
Я слово дал, и что ж? ей-ей
Теперь готов уж отказаться.
Я знаю: нежного Парни
Перо не в моде в наши дни.

XXX

Певец Пиров и грусти томной,²²
Когда б еще ты был со мной,
Я стал бы просьбою нескромной
Тебя тревожить, милый мой:
Чтоб на волшебные напевы
Переложил ты страстной девы
Иноплеменные слова.
Где ты? приди: свои права
Передаю тебе с поклоном...
Но посреди печальных скал,
Отвыкнув сердцем от похвал,
Оди, под финским небосклоном,

Он бродит, и душа его
Не слышит горя моего.

XXXI

Письмо Татьяны предо мною:
Его я свято берегу,
Читаю с тайною тоскою
И начитаться не могу.
Кто ей внашал и эту нежность,
И слов любезную небрежность?
Кто ей внашал умильный вздор,
Безумный сердца разговор
И увлекательный, и вредный?
Я не могу понять. Но вот
Неполный, слабый перевод,
С живой картины список бледный,
Или разыгранный Фрейшиц
Перстами робких учениц.

ПИСЬМО ТАТЬЯНЫ К ОНЕГГНУ

Я к вам пишу — чего же боле?
Что я могу еще сказать?
Теперь, я знаю, в вашей воле
Меня презреньем наказать.
Но вы, к моей несчастной доле
Хоть каплю жалости храня,
Вы не оставите меня.
Сначала я молчать хотела,
Поверьте: моего стыда
Вы не узнали б никогда,
Когда б надежду я имела
Хоть редко, хоть в неделю раз

В деревне нашей видеть вас,
Чтоб только слышать ваши речи,
Вам слово молвить, и потом
Всё думать, думать об одном
И день и ночь до новой встречи.
Но говорят, вы нелюдим;
В глуши в деревне всё вам скучно,
А мы... ничем мы не блесним,
Хоть вам и рады простодушно.

Зачем вы посетили нас?
В глуши забытого селенья
Я никогда не знала б вас,
Не знала б горького мученья.
Души неопытной волненья
Смирив со временем (как знать?),
По сердцу я нашла бы друга,
Была бы верная супруга
И добродетельная мать.

Другой!.. Нет, никому на свете
Не отдала бы сердца я!
То в вышнем суждено совете...
То воля неба: я твоя;
Вся жизнь моя была залогом
Свиданья верного с тобой;
Я знаю, ты мне послан богом,
До гроба ты хранитель мой...
Ты в сновиденьях мне являлся,
Незримый, ты мне был уж мил,
Твой чудный взгляд меня томил,
В душе твой голос раздавался
Давно... нет, это был не сон!

Ты чуть вошел, я вмиг узнала,
Вся обомлела, запылала
И в мыслях молвила: вот он!
Не правда ль? я тебя слыхала:
Ты говорил со мной в тиши,
Когда я бедным помогала,
Или молитвой улаждала
Тоску волнуемой души?
И в это самое мгновенье
Не ты ли, милое виденье,
В прозрачной темноте мелькнул,
Припикнул тихо к изголовью?
Не ты ль, с отрадой и любовью,
Слова надежды мне шепнул?
Кто ты, мой ангел ли хранитель,
Или коварный искуситель?
Мои сомненья разреши.
Быть может, это всё пустое,
Обман неопытной души!
И суждено совсем иное...
Но так и быть! Судьбу мою
Отныне я тебе вручаю,
Перед тобою слезы лью,
Твоей защиты умоляю...
Вообрази, я здесь одна,
Никто меня не понимает,
Рассудок мой изнемогает,
И молча гибнуть я должна.
Я жду тебя: единым взором
Надежды сердца оживи,
Иль сон тяжелый перерви,
Увы, заслуженным укором!

Кончаю! страшно перечеть...
Стыдом и страхом замираю...
Но мне порукой ваша честь,
И смело ей себя вверяю...

XXXII

Татьяна то вздохнет, то охнет;
Письмо дрожит в ее руке;
Облатка розовая сохнет
На воспаленном языке.
К плечу головушкой склонилась,
Сорочка легкая спустилась
С ее прелестного плеча...
Но вот уж лунного луча
Сиянье гаснет. Там долина
Сквозь пар яснеет. Там поток
Засеребрился; там рожок
Пастуший будит селянина.
Вот утро; встали все давно:
Моей Татьяне всё равно.

XXXIII

Она зари не замечает,
Сидит с поникшею главой
И на письмо не напирает
Своей печати вырезной.
Но, дверь тихонько отпирая,
Уж ей Филиппевна седая
Приносит на подносе чай.
«Пора, дитя мое, вставай:
Да ты, красавица, готова!
О пташка ранняя моя!

Вечор уж как боялась я!
Да, слава богу, ты здорова!
Тоски ночной и следу нет, —
Лицо твое как маков цвет». —

XXXIV

«Ах! няня, сделай одолженье...» —
«Изволь, родная, прикажи». —
«Не думай... право... подозревань...
Но видишь... Ах! не откажи». —
«Мой друг, вот бог тебе порука». —
«Итак, пошли тихонько внука
С запиской этой к О... к тому...
К соседу... да велеть ему —
Чтоб он не говорил ни слова,
Чтоб он не называл меня...» —
«Кому же, милая моя?
Я нынче стала бестолкова.
Кругом соседей много есть;
Куда мне их и перечесть». —

XXXV

«Как недогадлива ты, няня!» —
«Сердечный друг, уж я стара,
Стара: тупеет разум, Таня;
А то, бывало, я востра:
Бывало, слово барской воли...» —
«Ах, няня, няня! до того ли?
Что нужды мне в твоём уме?
Ты видишь, дело о нисьме
К Онегину». — «Ну, дело, дело.
Не гневайся, душа моя,

Ты знаешь, непонятна я...
Да что ж ты снова побледнела?» —
«Так, няня, право ничего,
Пошли же внука своего».

XXXVI

Но день протек, и нет ответа,
Другой настал: всё нет, как нет.
Бледна как тень, с утра одета.
Татьяна ждет: когда ж ответ?
Приехал Ольгин обожатель.
«Скажите: где же ваш приятель?» —
Ему вопрос хозяйки был: —
Он что-то нас совсем забыл». —
Татьяна, вспыхнув, задрожала.
«Сегодня быть он обещал, —
Старушке Ленский отвечал: —
Да, видно, почта задержала».
Татьяна потупила взор,
Как будто слыша злой укор.

XXXVII

Смеркалось; на столе, блистая,
Шипел вечерний самовар,
Китайский чайник нагревая;
Под ним клубился легкий пар.
Разлитый Ольгиной рукою,
По чашкам темною струею
Уже душистый чай бежал,
И сливки мальчик подавал;
Татьяна пред окном стояла,
На стекла холодные дыша,

Задумавшись, моя душа,
Прелестным пальчиком писала
На отуманенном стекле
Заветный вензель: *О да Е.*

XXXVIII

И между тем, душа в ней ныла,
И слез был полон томный взор.
Вдруг топот!.. кровь ее застыла.
Вот ближе! скажут... и на двор
Евгений! «Ах!» — и легче тени
Татьяна прыг в другие сени,
С крыльца на двор, и прямо в сад,
Летит, летит; взглянуть назад
Не смеет; мигом обежала
Куртины, мостики, лужок,
Аллею к озеру, лесок,
Кусты сирен переломала,
По цветникам летя к ручью,
И задыхаясь на скамью

XXXIX

Упала...
«Здесь он! здесь Евгений!
О боже! что подумал он!»
В ней сердце полное мучений
Хранит надежды темный сон;
Она дрожит и жаром пышет,
И ждет: пойдет ли? Но не слышит.
В саду служанки, на грядах,
Сбврили ягоды в кустах
И хором по наказу пели
(Наказ, основанный на том,

Чтоб барской ягоды тайком
Уста лукавые не ели,
И пеньем были заняты:
Затея сельской остроты!)

ПЕСНЯ ДЕВУШЕК

Девицы, красавицы,
Душеньки, подруженьки,
Разыграйтесь, девицы,
Разгуляйтесь, милые!
Затяните песенку,
Песенку заветную,
Заманите молодца
К хороводу нашему.
Как заманим молодца,
Как завидим издали,
Разбежимтесь, милые,
Закидаем вишеньем,
Вишеньем, малиною,
Красною смородиной.
Не ходи подслушивать
Песенки заветные,
Не ходи подсматривать
Игры наши девичьи.

XI

Они поют, и с небреженьем
Внимая звонкий голос их,
Ждала Татьяна с нетерпеньем,
Чтоб трепет сердца в ней затих,
Чтобы прошло ланит пыланье.
Но в персях то же трепетанье.

И не проходит жар ланит,
Но ярче, ярче лишь горит!..
Так бедный мотылек и блещет
И бьется радужным крылом,
Пленный школьным шалуном;
Так зайчик в озими трепещет,
Увидя вдруг издалека
В кусты припавшего стрелка.

XII

Но наконец она вздохнула
И встала со скамьи своей;
Пошла, но только повернула
В аллею, — прямо перед ней,
Блестая взорами, Евгений
Стоит подобно грозной тени,
И как огнем обожжена
Остановилась она.
Но следствия неожиданой встречи
Сегодня, милые друзья,
Пересказать не в силах я;
Мне должно после долгой речи
И погулять и отдохнуть:
Докончу после как-нибудь.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

La morale est dans la nature
des choses.
Necker.

I. II. III. IV. V. VI

VII

Чем меньше женщину мы любим,
Тем легче нравимся мы ей,
И тем ее вернее губим
Средь обольстительных сетей.
Разврат, бывало, хладнокровный
Наукой славился любовной,
Сам о себе везде трубя,
И наслаждаясь не любя.
Но эта важная забава
Достойна старых обезьян
Хваленых дедовских времен:
Ловласов обветшала слава
Со славой красных каблучков
И величавых париков.

VIII

Кому не скучно лицемерить,
Различно повторять одно,
Стараться важно в том уверить.

В чем все уверены давно,
Всё те же слышать возраженья,
Уничтожать предрассужденья,
Которых не было и нет
У девочки в тринадцать лет!
Кого не утомят угрозы,
Моленья, клятвы, мнимый страх,
Записки на шести листах,
Обманы, сплетни, кольца, слезы,
Надзоры теток, матерей,
И дружба тяжкая мужей!

IX

Так точно думал мой Евгений.
Он в первой юности своей
Был жертвой бурных заблуждений
И необузданных страстей.
Привычкой жизни избалован,
Одним на время очарован,
Разочарованный другим,
Желаньем медленно томим,
Томим и ветреным успехом,
Внимая в шуме и в тиши
Роптанье вечное души,
Зевоту подавляя смехом:
Вот, как убил он восемь лет,
Утратя жизни лучший цвет.

X

В красавиц он уж не влюблялся,
А волочился как-нибудь;
Откажут — мигом утешался;
Изменят — рад был отдохнуть.

Он их искал без упоенья,
А оставлял без сожаленья,
Чуть помня их любовь и злость.
Так точно равнодушный гость
На вист вечерний приезжает,
Садится; кончилась игра:
Он уезжает со двора,
Спокойно дома засыпает,
И сам не знает поутру,
Куда поедет ввечеру.

XI

Но, получив посланье Тани,
Онегин живо тронут был:
Язык девических мечтаний
В нем думы роem возмутил;
И вспомнил он Татьяны милой
И бледный цвет, и вид унылый;
И в сладостный, безгрешный сон
Душою погрузился он.
Быть может, чувствный пыл старинный
Им на минуту овладел;
Но обмануть он не хотел
Доверчивость души невинной.
Теперь мы в сад перелетим,
Где встретилась Татьяна с ним.

XII

Минуты две они молчали,
Но к ней Онегин положил
И молвил: «Вы же мне писали,
Не отпирайтесь. Я прочел
Души доверчивой признанья,

Любви невинной излиянья;
Мне ваша искренность мила;
Она в волненье привела
Давно умолкнувшие чувства;
Но вас хвалить я не хочу;
Я за нее вам отплачу
Признаьем также без искусства;
Примите исповедь мою:
Себя на суд вам отдаю.

XIII

Когда бы жизнь домашним кругом
Я ограничить захотел;
Когда б мне быть отцом, супругом
Приятный жребий повелел;
Когда б семейственной картиной
Пленился я хоть миг единый, —
То верно б кроме вас одной
Невесты не искал иной.
Скажу без блесков мадригальных:
Нашед мой прежний идеал,
Я верно б вас одну избрал
В подруги дней моих печальных,
Всего прекрасного в залоге,
И был бы счастлив... сколько мог!

XIV

Но я не создан для блаженства;
Ему чужда душа моя;
Напрасны ваши совершенства:
Их вовсе не достоин я.
Поверьте (совесть в том порукой),
Супружество нам будет мукой.

Я, сколько ни любил бы вас,
Привыкнув, разлюблю тотчас;
Начнете плакать: ваши слезы
Не тронут сердца моего,
А будут лишь бесить его.
Судите ж вы, какие розы
Нам заготовит Гименей
И, может быть, на много дней.

XV

Что может быть на свете хуже
Семьи, где бедная жена
Грустит о недостойном муже
И днем и вечером одна;
Где скучный муж, ей цену зная
(Судьбу однако ж проклиная),
Всегда нахмурен, молчалив,
Сердит и холодно-ревнив!
Таков я. И того ль искали
Вы чистой, пламенной душой,
Когда с такою простотой,
С таким умом ко мне писали?
Ужели жребий вам такой
Назначен строгою судьбой?

XVI

Мечтам и годам нет возврата:
Не обновлю души моей...
Я вас люблю любовью брата
И, может быть, еще нежней.
Послушайте ж меня без гнева:
Сменит не раз младая дева
Мечтами легкие мечты;

Так дерево свои листы
Меняет с каждою весною.
Так видно небом суждено.
Полюбите вы снова: но...
Учитесь властвовать собою;
Не всякий вас, как я, поймет;
К беде неопытность ведет».

XVII

Так проповедывал Евгений.
Сквозь слез не видя ничего,
Едва дыша, без возражений,
Татьяна слушала его.
Он подал руку ей. Печально
(Как говорится, *машинально*)
Татьяна, молча, оперлась,
Головкой томною склоняясь;
Пошли домой вокруг огорода,
Явились вместе, и никто
Не вздумал им пенять на то:
Имеет сельская свобода
Свои счастливые права,
Как и надменная Москва.

XVIII

Вы согласитесь, мой читатель,
Что очень мило поступил
С печальной Таней наш приятель;
Не в первый раз он тут явля .
Души прямое благородство,
Хотя людей недоброхотство
В нем не щадило ничего:
Враги его, друзья его

(Что, может быть, одно и то же)
Его честили так и сяк.
Врагов имеет в мире всяк,
Но от друзей спаси нас, боже!
Уж эти мне друзья, друзья!
Об них недаром вспомнил я.

XIX

А что? Да так. Я усыплюю
Пустые, черные мечты;
Я только в *скобках* замечая,
Что нет презренной клеветы,
На чердаке вралем рожденной
И светской чернью ободренной,
Что нет нелепицы такой,
Ни эпиграммы площадной,
Которой бы ваш друг с улыбкой,
В кругу порядочных людей,
Без всякой злобы и затей,
Не повторил стократ ошибкой;
А впрочем, он за вас горой:
Он вас так любит... как родной?

XX

Гм! гм! Читатель благородный,
Здорова ль ваша вся родня?
Позвольте: может быть, угодное
Теперь узнать вам от меня,
Что значит именно *родные*.
Родные люди вот какие:
Мы их обязаны ласкать,
Любить, душевно уважать
И, по обычаю народа,

О рождестве их навещать,
Или по почте поздравить,
Чтоб остальное время года
Не думали о нас они...
Итак, дай бог им долги дни!

XXI

Зато любовь красавиц нежных
Надежней дружбы и родства:
Над нею и средь бурь мятежных
Вы сохраняете права.
Конечно так. Но вихорь моды,
Но своенравие природы,
Но мяенья светского поток...
А милый пол, как пух, легок.
К тому ж и мнения супруга
Для добродетельной жены
Всегда почтенны быть должны;
Так ваша верная подруга
Бывает вмиг увлечена:
Любовью шутит сатана.

XXII

Кого ж любить? Кому же верить?
Кто не изменит нам один?
Кто все дела, все речи мерит
Услужливо на наш аршин?
Кто клеветы про нас не сеет?
Кто нас заботливо делает?
Кому порок наш не беда?
Кто не наскутит никогда?
Призрака суетный искатель,
Трудов напрасно не губя,

Любите самого себя,
Достопочтенный мой читатель!
Предмет достойный: ничего
Любезней верно нет его.

XXIII

Что было следствием свиданья?
Увы, не трудно угадать!
Любви безумные страданья
Не перестали волновать
Младой души, печали жадной;
Нет, пуще страстью безотрадной
Татьяна бедная горит;
Ее постели сон бежит;
Здоровье, жизни цвет и сладость,
Улыбка, девственный покой,
Пропало всё, что звук пустой,
И меркнет милой Тани младость:
Так одеваet бури тень
Едва рождающийся день.

XXIV

Увы, Татьяна увядает;
Бледнеет, гаснет и молчит!
Ничто ее не занимает,
Ее души не шевелит.
Качая важно головою,
Соседи шепчут меж собою:
Пора, пора бы замуж ей!..
Но полно. Надо мне скорей
Развеселить воображенье
Картиной счастливой любви.
Невольню, милые мои,

Меня стесняет сожаленье;
Простите мне: я так люблю
Татьяну милую мою!

XXV

Час от часу плененный боле
Красами Ольги молодой,
Владимир сладостной неволе
Предался полною душой.
Он вечно с ней. В ее покое
Они сидят в потемках двое;
Они в саду, рука с рукой,
Гуляют утренней порой;
И что ж? Любвью упоенный,
В смятеньи нежного стыда,
Он только смеет иногда,
Улыбкой Ольги ободренный,
Развитым локоном играть,
Иль край одежды целовать.

XXVI

Он иногда читает Оле
Правоучительный роман,
В котором автор знает боле
Природу, чем Шатобриан,
А между тем две, три страницы
(Пустые бредни, небылицы,
Опасные для сердца дев)
Он пропускает, покраснев.
Уединясь от всех далеко,
Они над шахматной доской,
На стол облокотясь, порой
Сидят, задумавшись глубоко,

И Левский пешкою ладью
Берет в рассеяньи свою.

XXVII

Поедет ли домой: и дома
Он занят Ольгою своею.
Летучие листки альбома
Прилежно украшает ей:
То в них рисует сельски виды,
Надгробный камень, храм Киприды,
Или на лире голубка,
Пером и красками слегка;
То на листках воспоминанья,
Повниже подписи других,
Он оставляет нежный стих,
Безмолвный памятник мечтанья,
Мгновенной думы долгий след,
Всё тот же после многих лет.

XXVIII

Конечно, вы не раз видали
Уездной барышни альбом,
Что все подружки пзмарали
С конца, с начала и кругом.
Сюда, на зло правописанью,
Стихи без меры, по преданью
В знак дружбы верной внесены,
Уменьшены, продолжены.
На первом листике встречаешь:
Qu'écritez-vous sur ces tablettes;
И подпись: *i. à. v. Annette;*

А на последнем прочитаешь:
«Кто любит более тебя,
Пусть пишет далее меня».

XXIX

Тут непременно вы найдете
Два сердца, факел и цветки;
Тут верно клятвы вы прочтете
В любви до гробовой доски;
Какой-нибудь пнит армейский
Тут подмахнул стишок злодейский.
В такой альбом, мои друзья,
Признаться, рад писать и я,
Уверен будучи душою,
Что всякий мой усердный вздор
Заслужит благосклонный взор
И что потом с улыбкой злою
Не станут важно разбирать,
Остро, иль нет я мог соврать.

XXX

Но вы, разрозненные томы
Из библиотеки чертей,
Великолепные альбомы,
Мученье модных рифмачей,
Вы, украшенные проворно
Толстого кистью чудотворной,
Иль Баратынского пером,
Пускай сожжет вас божий гром!
Когда блистательная дама
Мне свой *in-quarto* подает,

И дрожь и злость меня берет,
И шевелится эпиграмма
Во глубине моей души,
А мадригалы им пиши!

XXXI

Не мадригалы Ленский пишет
В альбоме Ольги молодой;
Его перо любовью дышит,
Не хладно блещет остротой;
Что ни заметит, ни услышит
Об Ольге, он про то и пишет:
И полны истины рекой
Текут элегии живою.
Так ты, Языков вдохновенный,
В порывах сердца своего,
Поешь, бог ведает, кого,
И свод элегий драгоценный
Представит некогда тебе
Всю повесть о твоей судьбе.

XXXII

Но тише! Слышишь? Критик строгий
Повелевает сбросить нам
Элегии венок убогий,
И нашей братье рифмачам
Кричит: «да перестаньте плакать,
И всё одно и то же квакать,
Жалеть о прежнем, о былом:
Довольно, пойте о другом!» —
«Ты прав, и верно нам укажешь
Трубу, лучину и кинжал,

И мысли мертвый капитал
Отсюда воскресить прикажешь:
Не так ли, друг? — «Ничуть. Куда?
Пишите оды, господа,

XXXIII

Как их писали в мощны годы,
Как было встарь заведено...» —
«Одни торжественные оды!
И, полно, друг; не всё ль равно?
Припомни, что сказал сатирик!
Чужого толка хитрый лирик
Ужели для тебя сносней
Унылых наших рифмачей?» —
«Но всё в элегии ничтожно;
Пустая цель ее жалка;
Меж тем цель оды высока
И благородна...» Тут бы можно
Поспорить нам, но я молчу;
Два века ссорить не хочу.

XXXIV

Поклонник славы и свободы,
В волненьи бурных дум своих,
Владимир и писал бы оды,
Да Ольга не читала их.
Случалось ли поэтам слезным
Читать в глаза своим любезным
Свои творенья? Говорят,
Что в мире выше нет награды.
И впрямь, блажен любовник скромный,

Читающий мечты свои
Предмету песен и любви,
Красавице приятно-томной!
Блажен... хоть, может быть, он
Совсем иным развлечена.

XXXV

Но я плоды моих мечтаний
И гармонических затей
Читаю только старой няне,
Подруге юности моей,
Да после скучного обеда
Ко мне забредшего соседа,
Поймав внезапно за полу,
Душу трагедией в углу,
Или (но это кроме шуток),
Тоской и рифмами томим,
Бродя над озером моим,
Пугаю стадо диких уток:
Вняв пенью сладковзвучных строк,
Они слетают с берегов.

XXXVI. XXXVII

А что ж Онегин? Кстати, братья!
Терпенья вашего прошу:
Его вседневные занятия
Я вам подробно опишу.
Онегин жил анахоретом;
В седьмом часу вставал он летом,
И отправлялся налегке
К бегущей под горой реке;
Цевду Гюльнаны подражая,

Сей Геллеспонт переплывал,
Потом свой кофе выпивал,
Плохой журнал перебирая,
И одевался...

XXXVIII. XXXIX

Прогулки, чтение, сон глубокой,
Лесная тень, журчанье струй,
Порой белянки черноокой
Младой и свежий поцелуй,
Узде послушный конь ретивый,
Обед довольно прихотливый,
Бутылка светлого вина,
Уединенье, тишина:
Вот жизнь Онегина святая;
И нечувствительно он ей
Предался, красных летних дней
В беспечной пеге не считая,
Забыв и город и друзей
И скуку праздничных затей.

XL

Но наше северное лето,
Карикатура южных зим,
Мелькнет и нет: известно это.
Хоть мы признаться не хотим.
Уж небо осенью дышало,
Уж реже солнышко блистало,
Короче становился день;
Лесов таинственная сень
С печальным шумом обнажалась,
Ложился на поля туман,

Гусей крикливых караван
Тянулся к югу: приближалась
Довольно скучная пора;
Стоял ноябрь уж у двора.

XLI

Встает заря во мгле холодной;
На нивах шум работ умолк;
С своей волчицою голодной
Выходит на дорогу волк;
Его почуя, конь дорожный
Храпит — и путник осторожный
Несется в гору во весь дух;
На утренней заре пастух
Не гонит уж коров из хлева,
И в час полуденный в кружок
Их не зовет его рожок;
В избушке, распевая, дева²³
Прядет, и, зимних друг ночей,
Трещит лучинка перед ней.

XLII

И вот уже трещат морозы
И серебрятся средь полей...
(Читатель ждет уж рифмы *розы*;
На, вот возьми ее скорей!)
Опрятней модного паркета
Блестает речка, льдом одета.
Мальчишек радостный народ²⁴
Коньками звучно режет лед;
На красных лапках гусь тяжелый,
Задумав плыть по лону вод,

Ступает бережно на лед,
Скользит и падает; веселый
Мелькает, вьется первый снег,
Звездами падая на брег.

XIII

В глуши что делать в это время?
Гулять? — Но голы все места,
Как лысое Сатурна темя
Иль крепостная нищета.
Скакать верхом в степи суровой?
Но конь, притупленной подковой
Неверный зацепляя лед,
Того и жди, что упадет.
Сиди под кровлею пустынной,
Читай: вот Прадт, вот W. Scott.
Не хочешь? — Поверь расход,
Сердись, иль пей, и вечер длинный
Кой-как пройдет, а завтра то ж,
И славно зиму проведешь.

XLIV

Прямым Онегин Чильд Гарольдом
Вдался в задумчивую лень:
Со сна садится в ванну со льдом,
И после, дома целый день,
Один, в расчеты погруженный,
Тупым кием вооруженный,
Он на бильярде в два шара
Играет с самого утра.
Настанет вечер деревенский:
Бильярд оставлен, кий забыт,

Перед камином стол накрыт,
Евгений ждет: вот едет Ленский
На тройке чалых лошадей:
Давай обедать поскорей!

XLV

Вдовы Клико или Мюэа
Благословенное вино
В бутылке мерзлой для поэта
На стол тотчас принесено.
Оно сверкает Инокреной;²⁵
Оно своей игрой и пеной
(Подобием того-сего)
Меня пленяло: за него
Последний бедный лепт, бывало,
Давал я. Помните ль, друзья?
Его волшебная струя
Рождала глупостей не мало,
А сколько шуток и стихов,
И споров, и веселых снов!

XLVI

Но изменяет пеной шумной
Оно желудку моему,
И я Бордо благоразумный
Уж нынче предпочел ему.
К Ан и больше не способен;
Ан любовнице подобен
Блестящей, ветреной, живой,
И своенравной, и пустой...
Но ты, Бордо, подобен другу,
Который, в горе и в беде,

Товарищ всегда, везде,
Готов нам оказать услугу,
Иль тихий разделить досуг.
Да здравствует Бордо, наш друг!

XLVII

Огонь потух; едва золою
Подернут уголь золотой;
Едва заметною струєю
Вьетса пар, и теплотой
Камин чуть дышит. Дым из труб
В трубу уходит. Светлый кубок
Еще шипит среди стола.
Вечерняя находит мгла...
(Люблю я дружеские враки
И дружеский бокал вина
Порою той, что названа
Пора меж волка и собаки,
А почему, не вижу я.)
Теперь беседуют друзья:

XLVIII

«Ну, что соседки? Что Татьяна?
Что Ольга резвая твоя?» —
«Налей еще мне полстакана...
Довольно, милый... Вся семья
Здорова; кланяться велели.
Ах, милый, как похорошели
У Ольги плечи, что за грудь!
Что за душа!.. Когда-нибудь
Заедем к ним; ты их обяжешь;
А то, мой друг, суди ты сам:

Два раза заглянул, а там
Уж к ним и носу не покажешь:
Да вот... какой же я болван!
Ты к ним на той неделе зван».

XLIX

«Я?» — «Да, Татьяны именины
В субботу. Оленька и мать
Велели звать, и нет причины
Тебе на зов не приезжать» —
«Но куча будет там народу
И всякого такого сброду...» —
«И. никого, уверен я!
Кто будет там? Своя семья.
Поедем, сделай одолженье!
Ну, что ж?» — «Согласен».

«Как ты мил!»

При сих словах он осушил
Стакан, соседке приношенье,
Потом разговорился вновь
Про Ольгу: такова любовь!

L

Он весел был. Чрез две недели
Назначен был счастливый срок.
И тайна брачныя постели
И сладостный любви венок
Его восторгов ожидали.
Гимена хлопоты, печали,
Зевоты хладная чреда
Ему не снились никогда.
Меж тем как мы, враги Гимена,

В домашней жизни зрим один
Ряд утомительных картин,
Роман во вкусе Лафонтена...²⁶
Мой бедный Ленский, сердцем он
Для оной жизни был рождён.

II

Он был любим... по крайней мере
Так думал он, и был счастлив.
Стократ блажен, кто предан вере,
Кто, хладный ум угмонив,
Покоится в сердечной неге,
Как пьяный путник на ночлеге,
Или, нежней, как мотылек,
В весенний впившийся цветок;
Но жалок тот, кто всё предвидит,
Чья не кружится голова,
Кто все движенья, все слова
В их переводе ненавидит.
Чье сердце опыт остудил
И забываться запретил!

ГЛАВА ПЯТАЯ

О, не знай сих страшных снов
Ты, моя Светлана!

Жуковский.

I

В тот год осенняя погода
Стояла долго на дворе,
Зимы ждала, ждала природа.
Снег выпал только в январе
На третье в ночь. Проснувшись рано,
В окно увидела Татьяна
Поутру побелевший двор,
Куртины, кровли и забор,
На стеклах легкие узоры,
Деревья в зимнем серебре,
Сорок веселых на дворе
И мягко устланные горы
Зимы блистательным ковром.
Всё ярко, всё бело кругом.

II

Зима!.. Крестьянин торжествуя
На дровнях обновляет путь;
Его лошадка, снег почуя,

Плетется рысью как-нибудь;
Бразды пушистые взрывая,
Летит кибитка удалая;
Ямщик сидит на облучке,
В тулупе, в красном кушаке.
Вот бегают дворовый мальчик,
В салазки Жучку погадив,
Себя в коня преобразив;
Шалуи уж заморозил пальчик:
Ему и больно и смешно,
А мать грозит ему в окно...

III

Но, может быть, такого рода
Картины вас не привлекут:
Всё это низкая природа;
Изящного не много тут.
Согретый вдохновенья богом,
Другой поэт роскошным слогом
Живописал нам первый снег
И все оттенки зимних нег:²⁷
Он вас пленит, я в том уверен
Рисуя в пламенных стихах
Прогулки тайные в санях;
Но я бороться не намерен
Ни с ним покамест, ни с тобой.
Певец Финляндки молодой!²⁸

IV

Татьяна (русская душою,
Сама не зная, почему)
С ее холодной красою
Любила русскую зиму,

На солнце иней в день морозный,
И сани, и зарю поздной
Сиянье розовых снегов,
И мглу крещенских вечеров.
По старине торжествовали
В их доме эти вечера:
Служанки со всего двора
Про барышень своих гадали
И им сулили каждый год
Мужьев военных и поход.

V

Татьяна верила преданьям
Простонародной старины,
И снам, и карточным гаданьям
И предсказаниям луны.
Ее тревожили приметы;
Таинственно ей все предметы
Провозглашали что-нибудь,
Предчувствия теснили грудь.
Жеманный кот, на печке сидя,
Мурлыча, лапкой рыльце мыл:
То несомненный знак ей был,
Что едут гости. Вдруг увидя
Младой двурогий лик луны
На небе с левой стороны,

VI

Она дрожала и бледнела.
Когда ж падающая звезда
По небу темному летела
И рассыпалась, — тогда
В смятеньи Таня торопилась,

Пока звезда еще катилась,
Желанье сердца ей шепнуть.
Когда случалось где-нибудь
Ей встретить черного монаха,
Иль быстрый заяц меж полей
Перебегал дорогу ей,
Не зная, что начать со страха,
Предчувствий горестных полна.
Ждала несчастья уж она.

VII

Что ж? Тайну прелесть находила
И в самом ужасе она:
Так нас природа сотворила,
К противуречию склонна.
Настали святки. То-то радость!
Гадает ветренная младость,
Которой ничего не жаль,
Перед которой жизни даль
Лежит светла, необозрима;
Гадает старость сквозь очки
У гробовой своей доски,
Всё потеряв невозвратно;
И всё равно: надежда им
Лжет детским лепетом своим.

VIII

Татьяна любопытным взором
На воск потопленный глядит:
Он чудно-вылитым узором
Ей что-то чудное гласит;
Из блюда, полного водою,
Выходят кольца чередою;

И вынулось колечко ей
Под песенку старинных дней:
«Там мужички-то все богаты,
Гребут лопатой серебро;
Кому поем, тому добро
И слава!» Но сулит утраты
Сей песни жалостный напев;
Милей кошурка сердцу дев.²⁹

IX

Морозна ночь; всё небо ясно;
Светил небесных дивный хор
Течет так тихо, так согласно...
Татьяна на широкий двор
В открытом платье выходит,
На месяц зеркало наводит;
Но в темном зеркале одна
Дрожит печальная луна...
Чу... снег хрустит... прохожий; дева
К нему на цыпочках летит
И голосок ее звучит
Нежней свирельного напева:
*Как ваше имя?*³⁰ Смотрит он
И ответст: Агафон.

X

Татьяна, по совету няни
Сбираясь ночью ворожить,
Тихонько приказала в бане
На два прибора стол накрыть;
Но стало страшно вдруг Татьяне...
И я — при мысли о Светлане
Мне стало страшно — так и быть...

С Татьяной нам не ворожить.
Татьяна поясок шелковый
Сняла, разделась и в постель
Легла. Над нею вьется Лель,
А под подушкой пуховой
Девичье зеркало лежит.
Утихло всё. Татьяна спит.

XI

И снится чудный сон Татьяне.
Ей снится, будто бы она
Идет по снеговой поляне,
Печальной мглой окружена;
В сугробах снежных перед нею
Шумит, клубит волной своєю
Кипучий, темный и седой
Поток, не скованный зимой;
Две жердочки, склеены льдиной,
Дрожащий, гибельный мосток,
Положены через поток:
И пред шумящею пучиной,
Недоумения полна,
Остановилась она.

XII

Как на досадную разлуку,
Татьяна ропщет на ручей;
Не видит никого, кто руку
С той стороны подал бы ей;
Но вдруг сугроб зашевелился,
И кто ж из-под него явился?
Большой взъерошенный медведь;
Татьяна ах! а он реветь,

И лапу с острыми когтями
Ей протянул; она скрепясь
Дрожащей ручкой оперлась
И боязливими шагами
Перебралась через ручей;
Пошла — и что ж? медведь за ней.

XIII

Она, взглянуть назад не смея,
Поспешный ускоряет шаг;
Но от косматого лакея
Не может убежать никак;
Кряхтя, валит медведь несносный;
Пред ними лес; недвижны сосны
В своей нахмуренной красе;
Отягчены их ветви все
Клоками снега; сквозь вершины
Осин, берез и лип нагих
Сияет луч светил ночных;
Дороги нет; кусты, стремнины
Метелью все занесены,
Глубоко в снег погружены.

XIV

Татьяна в лес; медведь за нею;
Снег рыхлый по колено ей;
То длинный сук ее за шею
Зацепит вдруг, то из ушей
Златые серьги вырвет силой;
То в хрупком снеге с ножки милой
Увязнет мокрый башмачок;
То выронит она платок;
Поднять ей некогда; бонется,

Медведя слышит за собой,
И даже трепетной рукой
Одежды край поднять стыдится;
Она бежит, он всё вослед:
И сил уже бежать ей нет.

XV

Упала в снег; медведь проворно
Ее хватает и несет;
Она бесчувственно-покорна,
Не шевельнется, не дохнет;
Он мчит ее лесной дорогой;
Вдруг меж дерев шалаш убогой;
Кругом всё глушь; отвсюду он
Пустынным снегом занесен,
И ярко светится окошко,
И в шалаше и крик и шум;
Медведь промолвил: *здесь мой кум;*
Погрейся у него немножко!
И в сени прямо он идет,
И на порог ее кладет.

XVI

Опомнилась, глядит Татьяна:
Медведя нет; она в снях;
За дверью крик и звон стакана,
Как на больших похоронах:
Не видя тут ни капли толку,
Глядит она тихонько в щелку;
И что же видит?... за столом
Сидят чудовища кругом:
Один в рогах, с собачьей мордой,
Другой с петушьей головой,

Здесь ведьма с козьей бородой,
Тут остов чопорный и гордый,
Там карла с хвостиком, а вот
Полу-журавль и полу-кот.

XVII

Еще страшней, еще чуднее:
Вот рак верхом на пауке,
Вот череп на гусиной шее
Вертится в красном колпаке,
Вот мельница в присядку пляшет
И крыльями трещит и машет;
Лай, хохот, пенье, свист и хлоп.
Людская молвь и конский топ! ³¹
Но что подумала Татьяна,
Когда узнала меж гостей
Того, кто мил и страшен ей, —
Героя нашего романа!
Он сгинул за столом сидит
И в дверь украдкою глядит.

XVIII

Он знак подаст: и все хлопчут;
Он пьет: все пьют и все кричат;
Он засмеется: все хохочут;
Нахмурит брови: все молчат;
Он там хозяин, это ясно:
И Тани уж не так ужасно,
И любопытная теперь
Немного растворила дверь..
Вдруг ветер дунул, загашая
Огонь светильников ночных;

Смутилась шапка домовых:
Онегин, взорами сверкая,
Из-за стола греми встает;
Все встали: он к дверям идет.

XX

И страшно ей; и торопливо
Татьяна силится бежать:
Нельзя никак; нетерпеливо
Метаясь, хочет закричать:
Не может; дверь толкнул Евгений:
И взорам адских привидений
Явилась дева; ярый смех
Раздался дико; очи всех,
Копыта, хоботы кривые,
Хвосты хохлатые, клыки,
Усы, кровавы языки,
Рога и пальцы костяные,
Всё указывает на нее,
И все кричат: мое! мое!

XX

Мое! сказал Евгений грозно,
И шайка вся сокрылась вдруг;
Осталась во тьме морозной
Младая дева с ним сам-друг;
Онегин тихо увлекает³²
Татьяну в угол и слагает
Ее на шаткую скамью
И клонит голову своєю
К ней на плечо; вдруг Ольга входит,
За нею Ленский; свет блеснул;

Онегин руку замахнул
И дико он очами бродит,
И незванных гостей бранит:
Татьяна чуть жива лежит.

XXI

Спор громче, громче; вдруг Евгений
Хватает длинный нож, и вмиг
Повержен Ленский; страшно тени
Сгустились; нестерпимый крик
Раздался... хижина шатнулась...
И Тая в ужасе проснулась...
Глядит, уж в комнате светло;
В окне сквозь мерзлое стекло
Зари багряный луч играет;
Дверь отворилась. Ольга к ней,
Авроры северной алей
И легче ласточки, влетает;
«Ну, — говорит: — скажи ж ты мне
Кого ты видела во сне?»

XXII

Но та, сестры не замечая,
В постели с книгою лежит,
За листом лист перебирая,
И ничего не говорит.
Хоть не являла книга эта
Ни сладких вымыслов поэта,
Ни мудрых истин, ни картин;
Но ни Вергилий, ни Расин,
Ни Скотт, ни Байрон, ни Сенека,
Ни даже Дамских Мод Журнал

Так никого не занимал:
То был, друзья, Мартын Задека,³³
Глава халдейских мудрецов,
Гадатель, толкователь снов.

XXIII

Сне глубокое творенье
Завез кочующий купец
Однажды к ним в уединенье
И для Татьяны наконец
Его с разрозненной Мальвиной
Он уступил за три с полтиной,
В придачу взяв еще за них
Собрание басен площадных,
Граматику, две Петриады,
Да Мармонтеля третий том.
Мартын Задека стал потом
Любимец Тани... Он отрады
Во всех печалях ей дарит
И безотлучно с нею спит.

XXIV

Ее тревожит сновиденье.
Не зная, как его понять,
Мечтанья страшного значенье
Татьяна хочет отыскать.
Татьяна в оглавлении кратком
Находит азбучным порядком
Слова: бор, бури, ведьма, ель,
Еж, мрак, мосток, мелвель, метель
И прочая. Ее сомнений
Мартын Задека не решит;

Но сон зловеющий ей сулит
Печальных много приключений.
Дней несколько она потом
Всё беспокоилась о том.

XXV

Но вот багряною рукою³⁴
Заря от утренних долин
Выводит с солнцем за собою
Веселый праздник именин.
С утра дом Лариных гостями
Весь полон; целыми семьями
Соседи съехались в возках,
В кибитках, в бричках и в саних.
В передней толкотня, тревога;
В гостиной встреча новых лиц,
Лай мосек, чмоканье девиц,
Шум, хохот, давка у порога,
Поклоны, шарканье гостей,
Кормилиц крик и плач детей.

XXVI

С своей супругою дородной
Приехал толстый Пустяков;
Гвоздин, хозяин превосходный,
Владелец нищих мужиков;
Скотинины, чета седая,
С детьми всех возрастов, считал
От тридцати до двух годов;
Уездный франтик Петушков;
Мой брат двоюродный, Буанов,
В пуху, в картузе с козырьком³⁵

(Как вам конечно он знаком),
И отставной советник Флянов,
Тяжелый сплетник, старый плут
Обжора, взяточник и шут.

XXVII

С семьей Панфила Харликова
Приехал и мосье Трике,
Острик, недавно из Тамбова,
В очках и в рыжем парике.
Как истинный француз, в кармане
Трике привез куплет Татьяне
На голос, знаемый детьми:
Réveillez vous, belle endormie...
Меж ветхих песен альманаха
Был напечатан сей куплет;
Трике, догадливый поэт,
Его на свет явил из праха,
И смело — вместо belle Nina
Поставил belle Tatiana.

XXVIII

И вот из ближнего посада
Созревших барышень кумир,
Уездных матушек отрада,
Приехал ротный командир;
Вошел... Ах, новость, да какая!
Музыка будет полковая!
Полковник сам ее послал.
Какая радость: будет бал!
Девчонки прыгают заране.³⁶
Но кушать подали. Четой

Идут за стол рука с рукой.
Теснятся барышни к Татьяне,
Мужчины против: и крестясь,
Толпа жужжит за стол садясь.

XXIX

На миг умолкли разговоры;
Уста жуют. Со всех сторон
Гремят тарелки и приборы,
Да рюмок раздается звон.
Но вскоре гости понемногу
Подъемят общую тревогу.
Никто не слушает, кричат,
Смеются, спорят и пишат.
Вдруг двери настежь. Ленский входит
И с ним Онегин. «Ах, творец! —
Кричит хозяйка: — наконец!»
Теснятся гости, всяк отводит
Приборы, стулья поскорей:
Зовут, сажают двух друзей.

XXX

Сажают прямо против Тани
И, утренней луны бледней
И трепетней гонимой лани,
Она темнеющих очей
Не подымает: пышет бурно
В ней страстный жар; ей душно, душно;
Она приветствий двух друзей
Не слышит; слезы из очей
Хотят уж капать; уж готова
Бедняжка в обморок упасть;

Но воля и рассудка власть
Превозмогли. Она два слова
Сквозь зубы молвила тишком
И усидела за столом.

XXXI

Траги-нервических явлений,
Девичьих обмороков, слез
Давно терпеть не мог Евгений:
Довольно их он перенес.
Чудак, попав на пир огромный,
Уж был сердит. Но девы томной
Заметья трепетный порыв,
С досады взоры опустив,
Надулся он, и негодуя
Поклялся Ленского взбесить
И уж порядком отомстить.
Теперь, заране торжествуя,
Он стал чертить в душе своей
Карикатуры всех гостей.

XXXII

Конечно не один Евгений
Смятенье Тани видеть мог;
Но целью взоров и суждений
В то время жирный был пирог
(К несчастною, пересоленный);
Да вот в бутылке засмоленной.
Между жарким и блан-манже,
Цымлянское несут уже;
За ним строй рюмок узких, длинных,
Подобных тални твоей,

Зизи, кристалл души моей,
Предмет стихов моих невинных,
Любви приманчивый фиал,
Ты, от кого я пьян бывал!

XXXIII

Освободясь от пробки влажной,
Бутылка хлопнула; вино
Шипит; и вот с осанкой важной,
Куплетом мучимый давно,
Трике встает, пред ним собранье
Хранит глубокое молчанье.
Татьяна чуть жива; Трике,
К ней обратясь с листком в руке,
Запел, фальшивя. Плески, клики
Его приветствуют. Она
Певцу присесть принуждена;
Поэт же скромный, хоть великий,
Ее здоровье первый пьет
И ей куплет передает.

XXXIV

Пошли приветы, поздравленья;
Татьяна всех благодарит.
Когда же дело до Евгенья
Дошло, то девы томный вид,
Ее смущение, усталость
В его душе родили жалость:
Он молча поклонился ей;
Но как-то взор его очей
Был чудно нежен. Оттого ли,
Что он и вправду тронут был,

Иль он, кокетствуя, шалил,
Невольно ль, иль из доброй воли,
Но взор сей нежность изъявил:
Он сердце Тани оживил.

XXXV

Гремят отодвинутые студья;
Толпа в гостиную валит:
Так пчел из лакомого улья
На ниву шумный рой летит.
Довольный праздничным обедом,
Сосед сонит перед соседом;
Подсели дамы к камельку;
Девицы шепчут в уголку;
Столы зеленые раскрыты:
Зовут задорных игроков
Бостон и ломбер стариков,
И вист, доньше знаменитый,
Однообразная семья,
Все жадной скуки сыновья.

XXXVI

Уж восемь робертов сыграли
Герои виста; восемь раз
Они места переменяли;
И чай несут. Люблю я час
Определять обедом, чаем
И ужином. Мы время знаем
В деревне без больших сует:
Желудок — верный наш брегет;
И кстати я замечу в скобках,
Что речь веду в моих строфах

Я столь же часто о пирах,
О разных кушаньях и пробках,
Как ты, божественный Омир
Ты, тридцати веков кумир!

XXXVII. XXXVIII. XXXIX

Но чай несут: девицы чинно
Едва за блюдечки взялись,
Вдруг из-за двери в зале длинной
Флагот и флейта раздались.
Обрадован музыки громом,
Оставя чашку чаю с ромом,
Парис окружных городков,
Подходит к Ольге Петушков,
К Татьяне Ленский, Харликову,
Невесту переспелых лет,
Берет тамбовский мой порт,
Умчал Буянов Пустякову,
И в залу высыпали все,
И бал блестит во всей красе.

XI

В начале моего романа
(Смотрите первую тетрадь)
Хотелось вроде мне Альбана
Бал петербургский описать;
Но, развлечен пустым мечтаньем,
Я занялся воспоминаньем
О ножках мне знакомых дам.
Но вашим узеньким следам,
О ножки, полно заблуждаться!
С изменой юности моей

Пора мне сделаться умней,
В делах и в слоге поправляться,
И эту пятую тетрадь
От отступлений очищать.

XII

Однообразный и безумный,
Как вихорь жизни молодой,
Кружится вальса вихорь шумный;
Чета мелькает за четой.
К минуте мщенья приближаясь,
Онегин, втайне усмехаясь,
Подходит к Ольге. Быстро с ней
Вертится около гостей,
Потом на стул ее сажает,
Заводит речь о том, о сем;
Спустя минуты две потом
Вновь с нею вальс он продолжает;
Все в изумленье. Ленский сам
Не верит собственным глазам.

XIII

Мазурка раздалась. Бывало,
Когда гремел мазурки гром,
В огромной зале всё дрожало,
Паркет трещал под каблуком,
Тряслися, дребезжали рамы;
Теперь не то: и мы, как дамы,
Скользим по лаковым доскам.
Но в городах, по деревням,
Еще мазурка сохранила
Первоначальные красы:

Припрыжки, каблуки, усы
Всё те же: их не изменила
Лихая мода, наш тиран,
Недуг новейших россиян.

XIII. XIV

Буянов, братец мой задорный,
К герою нашему подвел
Татьяну с Ольгою: проворно
Онегин с Ольгою пошел;
Ведет ее, скользя небрежно,
И, наклонясь, ей шепчет нежно
Какой-то пошлый мадригал,
И руку жмет — и запылал
В лице ее самолюбивом
Румянец ярче. Ленский мой
Всё видел: вспыхнул, сам не свой;
В негодовании ревнивом
Поэт конца мазурки ждет
И в котильон ее зовет.

XLV

Но ей нельзя. Нельзя? Но что же?
Да Ольга слово уж дала
Онегину. — О боже, боже!
Что слышит он? Она могла...
Возможно ль? Чуть лишь из пеленок,
Кокетка, ветреный ребенок!
Уж хитрость ведаёт она,
Уж изменять научена!
Не в силах Ленский снести удара;
Проказы женские кляня,

Выходит, требует коня
И скачет. Пистолетов пара,
Две пули — больше ничего —
Вдруг разрешат судьбу его.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

*Là, sotto i giorni nubilosi e brevi,
Nasce una gente a cui 'l morir non dole*
Petr.

I

Заметив, что Владимир скрылся
Онегин, скукой вновь гоним,
Близ Ольги в думу погрузился,
Довольный мщенем своим.
За ним и Оленька зевала,
Глазами Ленского искала,
И бесконечный котильон
Ее томил как тяжкий сон.
Но кончен он. Идут за ужином.
Постели стелют: для гостей
Почлег отводят от сеней
До самой девичьей. Всем нужен
Покойный сон. Онегин мой
Один уехал спать домой.

II

Всё успокоилось: в гостиной
Храпит тяжелый Пустяков
С своей тяжелой половиной.
Гвоздин, Буянов, Петушков
И Флянов, не совсем здоровый,
На стульях улеглись в столовой.
А на полу мосье Трике,

В фуфайке, в старом колпаке,
Девицы в комнатах Татьяны
И Ольги все объаты сном.
Одна, печально под окном,
Озарена лучом Дианы,
Татьяна бедная не спит
И в поле темное глядит.

III

Его неожиданным появленьем,
Мгновенной нежностью очей
И странным с Ольгой поведеньем
До глубины души своей
Она проникнута; не может
Никак понять его; тревожит
Ее ревнивая тоска,
Как будто хладная рука
Ей сердце жмет, как будто бездна
Под ней чернеет и шумит...
«Погибну, — Таня говорит, —
Но гибель от него любезна.
Я не ропщу: зачем роптать?
Не может он мне счастья дать».

IV

Вперед, вперед, моя история!
Лицо нас новое зовет.
В пяти верстах от Красногорья,
Деревни Леяского, живет
И здравствует еще донныне
В философической пустыне
Зарецкий, некогда буян,
Картежной шайки атаман,

Глава повес, трибун трактирный,
Теперь же добрый и простой
Отец семейства холостой,
Надежный друг, помещик мирный
И даже честный человек:
Так исправляется наш век!

V

Бывало, льстивый голос света
В нем злую храбрость выхвалял:
Он, правда, в туз из пистолета
В пяти саженях подал.
И то сказать, что и в сраженьи
Раз в настоящем упоеньи
Он отличился, смело в грязь
С коня калмыцкого сваялся,
Как зюзя пьяный, и французам
Достался в плен: драгой залог!
Новейший Регул, чести бог,
Готовый вновь предаться узам,
Чтоб каждым утром у Веры³⁷
В долг осушать бутылки три.

VI

Бывало, он трунил забавно,
Умел морочить дурака
И много дурачить славно,
Иль явно, иль исподтишка,
Хоть и ему иные штуки
Не проходили без науки,
Хоть иногда и сам впросак
Он попадался, как простак.
Умел он весело поспорить,

Остро и туно отвечать,
Порой расчетливо смолчать,
Порой расчетливо повздорить,
Друзей поссорить молодых
И на барьер поставить их,

VII

Иль помириться их заставит
Дабы позавтракать втроем,
И после тайно обесславить
Веселой шуткою, враньем.
Sed alia тетрога! Удалость
(Как сон любви, другая шалость)
Проходит с юностью живой.
Как я сказал, Зарецкий мой,
Под сень черемух и акаций
От бурь укравшись наконец,
Живет, как истинный мудрец,
Капусту садит, как Горацкий,
Разводит уток и гусей
И учит азбуке детей.

VIII

Он был неглуп; и мой Евгений,
Не уважая сердца в нем,
Любил и дух его суждений,
И здравый толк о том, о сем
Он с удовольствием, бывало,
Видался с ним, и так нимало
Поугру не был удивлен,
Когда его увидел он.
Тот после первого привета,
Прервав начатый разговор,

Онегину, осклабя взор,
Вручил записку от поэта.
К окну Онегин подошел
И про себя ее прочел.

IX

То был приятный, благородный,
Короткий вызов иль *картель*:
Учтиво, с ясностью холодной
Знал друга Ленский на дуэль
Онегин с первого движенья,
К послу такого порученья
Оборотясь, без лишних слов
Сказал, что он всегда готов.
Зарецкий встал без объяснений;
Остаться доле не хотел,
Имея дома много дел,
И тотчас вышел; но Евгений
Наедине с своей душой
Был недоволен сам собой.

X

И поделом: в разборе строгом,
На тайный суд себя призвав,
Он обвинял себя во многом:
Во-первых, он уж был неправ,
Что над любовью робкой, нежной
Так подпугил вечер небрежно.
А во-вторых: пускай поэт
Дурачится; в осьмнадцать лет
Оно простительно. Евгений,
Всем сердцем юношу любя,
Был должен оказать себя

Не мячиком предрассуждений,
Не пылким мальчишкой, бойцом,
Но мужем с честью и с умом.

XI

Он мог бы чувства обнаружить,
А не щетиниться, как зверь;
Он должен был обезоружить
Младое сердце. «Но теперь
Уж поздно; время улетело...
К тому ж — он мыслит — в это дело
Вмешался старый дуэлист;
Он зол, он сплетник, он речист...
Конечно: быть должно презренье
Ценой его забавных слов;
Но шопот, хохотня глупцов...»
И вот общественное мненье!³⁸
Пружина чести, наш кумир!
И вот на чем вертится мир!

XII

Кипит враждой нетерпеливой,
Ответа дома ждет поэт;
И вот сосед велеречивый
Привез торжественный ответ.
Теперь ревнивцу то-то праздник!
Он всё боялся, чтоб проказник
Не отшутился как-нибудь,
Уловку выдумав и грудь
Отворотив от пистолета.
Теперь сомненья решены:
Они на мельницу должны
Приехать завтра до рассвета,

Взвести друг на друга курок
И метить в ляжку иль в висок.

XIII

Решась кокетку ненавидеть,
Кипящий Ленский не хотел
Пред поединком Ольгу видеть,
На солнце, на часы сдюгред,
Махнул рукою напоследок —
И очутился у соседок.
Он думал Оленьку смутить,
Своим приездом поразить;
Не тут-то было: как и прежде,
Навстречу бедного певца
Прыгнула Оленька с крыльца,
Подобно ветреной надежде.
Резва, беспечна, весела,
Ну точно та же, как была.

XIV

«Зачем вечер так рано скрылись?»
Был первый Оленькин вопрос.
Все чувства в Ленском помутились,
И молча он повесил нос.
Исчезла ревность и досада
Пред этой ясностью взгляда,
Пред этой нежной простотой,
Пред этой резвою душой!..
Он смотрит в сладком умиленье;
Он видит: он еще любим!
Уж он, раскаяньем томим,
Готов просить у ней прощенье,
Трепещет, не находит слов,
Он счастлив, он почти здоров...»

И вновь задумчивый, унылый
 Пред милой Ольгою своею,
 Владимир не имеет силы
 Вчерашний день напомнить ей;
 Он мыслит: «буду ей спаситель;
 Не потерплю, чтоб развратитель
 Огнем и вздохов и похвал
 Младое сердце искушал;
 Чтоб червь презренный, ядовитый
 Точил лилеи стебелек;
 Чтобы двухутренний цветок
 Увял еще полураскрытый».
 Всё это значило, друзья:
 С приятелем стреляюсь я.

XVIII

Когда б он знал, какая рана
 Моей Татьяны сердце жгла!
 Когда бы ведала Татьяна,
 Когда бы знать она могла,
 Что завтра Ленский и Евгений
 Заспорят о могильной сени;
 Ах, может быть, ее любовь
 Друзей соединила б вновь!
 Но этой страсти и случайно
 Еще никто не открывал.
 Онегин обо всем молчал;
 Татьяна изнывала тайно;
 Одна бы няня знать могла,
 Да недогадлива была.

XIX

Весь вечер Ленский был рассеян,
 То молчалив, то весел вновь;
 Но тот, кто музою взлелеян,
 Всегда таков: нахмура бровь,
 Садился он за клавикорды,
 И брал на них одни аккорды;
 То к Ольге взоры устремил,
 Шептал: «не правда ль? я счастлив».
 Но поздно; время ехать. Сжалось
 В нем сердце полное тоской;
 Прощаясь с девою молодой,
 Оно как будто разрывалось.
 Она глядит ему в лицо.
 «Что с вами?»—«Так». И на крыльцо.

XX

Домой приехав, пистолеты
 Он осмотрел, потом вложил
 Опять их в ящик, и, раздетый,
 При свечке, Шиллера открыл;
 Но мысль одна его объемлет;
 В нем сердце грустное не дремлет:
 С неизъяснимою красой
 Он видит Ольгу пред собой.
 Владимир книгу закрывает,
 Берет перо; его стихи,
 Полны любовной чепухи,
 Звучат и льются. Их читает
 Он вслух, в лирическом жару,
 Как Дельвиг пьяный на пиру.

Стихи на случай сохранились;
 Я их имею; вот они:
 «Куда, куда вы удалились,
 Весны моей златые дни?
 Что день грядущий мне готовит?
 Его мой взор напрасно ловит,
 В глубокой мгле таится он.
 Нет нужды; прав судьбы закон.
 Паду ли я, стрелой пронзенный,
 Иль мимо пролетит она,
 Всё благо: бдения и сна
 Приходит час определенный;
 Благословен и день забот,
 Благословен и тьмы приход!

Блеснет завтра луч денницы
 И заиграет яркий день;
 А я — быть может, я гробницы
 Сойду в таинственную сень,
 И память юного поэта
 Поглотит медленная Лета,
 Забудет мир меня; но ты
 Придешь ли, дева красоты,
 Слезу пролить над ранней урной
 И думать: он меня любил,
 Он мне единой посвятил
 Рассвет печальной жизни бурной!..
 Сердечный друг, желанный друг,
 Приди, приди: я твой супруг!..»

Так он писал *темно* и *вяло*
 (Что романтизмом мы зовем
 Хоть романтизма тут ни мало
 Не вижу я; да что нам в том?)
 И наконец перед зарею,
 Склонясь усталой головою,
 На модном 'слове *идеал*
 Тихонько Ленский задремал;
 Но только сонным обаяньем
 Он позабылся, уж сосед
 В безмолвный входит кабинет
 И будит Ленского воззваньем:
 «Пора вставать: седьмой уж час.
 Онегин верно ждет уж нас».

Но ошибался он: Евгений
 Спал в это время мертвым сном.
 Уже редекот ночи тени
 И встречен Веспер петухом;
 Онегин спит себе глубоко.
 Уж солнце катится высоко
 И перелетная метель
 Блестит и вьется; но постель
 Еще Евгений не покинул,
 Еще над ним летает сон.
 Вот наконец проснулся он
 И полы завеса раздвинул;
 Глядит — и видит, что пора
 Давно уж ехать со двора.

Он поскорей звонит. Вбегает
 К нему слуга француз Гильо,
 Халат и туфли предлагает
 И подает ему белье.
 Спешит Онегин одеваться,
 Слуге велит приготовляться
 С ним вместе ехать и с собой
 Взять также ящик боевой.
 Готовы санки беговые.
 Он сел, на мельницу летит.
 Примчались. Он слуге велит
*Леважа*³⁹ стволы роковые
 Нести за ним, а лошадям
 Отъехать в поле к двум дубкам.

Опершись на плотину, Ленский
 Давно нетерпеливо ждал;
 Меж тем, механик деревенский,
 Зарецкий жорнок осуждал.
 Идет Онегин с извиненьем.
 «Но где же, — молвил с изумленьем
 Зарецкий, — где ваш секундант?»
 В дуэлях классик и педант,
 Любил методу он из чувства,
 И человека растянуть
 Он позволял — не как-нибудь,
 Но в строгих правилах искусства,
 По всем преданьям старины
 (Что похвалить мы в нем должны).

«Мой секундант? — сказал Евгений,
 Вот он: мой друг, monsieur Guillot.
 Я не предвижу возражений
 На представление мое:
 Хоть человек он неизвестный,
 Но уж конечно малый честный».
 Зарецкий губу закусил.
 Онегин Ленского спросил:
 «Что ж, начинать?» — «Начнем,
 пожалуй», —

Сказал Владимир. И пошли
 За мельницу. Пока вдали
 Зарецкий наш и честный малый
 Вступили в важный договор,
 Враги стоят, потупя взор.

Враги! Давно ли друг от друга
 Их жажда крови отвела?
 Давно ль они часы досуга,
 Трапезу, мысли и дела
 Делили дружно? Ныне злобно,
 Врагам наследственным подобно,
 Как в страшном, непонятном сне,
 Они друг другу в тишине
 Готовят гибель хладнокровно...
 Не засмеяться ль им, пока
 Не обагрилась их рука,
 Не разойтись ль полюбовно?...
 Но дико светская вражда
 Бьется ложного стыда.

Вот пистолеты уж блеснули.
Гремит о шомпол молоток.
В граненый ствол уходят пули
И шелкнул в первый раз курок.
Вот порох струйкой сероватой
На полку сыплется. Зубчатый,
Надежно ввинченный камень
Взведен еще. За ближний пень
Становится Гильо смущенный.
Плащи бросают два врага.
Зарецкий тридцать два шага
Отмерил с точностью отменной,
Друзей развел по крайний след,
И каждый взял свой пистолет.

XXX

«Теперь сходитесь».

Хладнокровно,
Еще не целя, два врага
Походкой твердой, тихо, ровно
Четыре перешли шага,
Четыре смертные ступени.
Свой пистолет тогда Евгений,
Не престаивая наступать,
Стал первый тихо подымать.
Вот пять шагов еще ступили,
И Ленский, жмуря левый глаз,
Стал также целить — но как раз
Онегин выстрелил... Пробила
Часы урочные: поэт
Роняет, молча, пистолет,

На грудь кладет тихонько руку
И падает. Туманный взор
Изображает смерть, не муку.
Так медленно по скату гор,
На солнце искрами блистая,
Спадает глыба снеговая.
Мгновенным холодом облит,
Онегин к юноше спешит,
Глядит, зовет его... напрасно:
Его уж нет. Младой певец
Нашел безвременный конец!
Дохнула буря, цвет прекрасный
Увял на утренней заре,
Потух огонь на алтаре!..

XXXII

Недвижим он лежал, и странен
Был темный мир его чела.
Под грудь он был навьлет ранен;
Дымясь из раны кровь текла.
Тому назад одно мгновенье
В сем сердце билось вдохновенье,
Вражда, надежда и любовь,
Играла жизнь, кипела кровь:
Теперь, как в доме опустелом,
Всё в нем и тихо, и темно;
Замолкло навсегда оно.
Закрыты ставни, окна мелом
Забелены. Хозяйки нет.
А где, бог весть. Процал и след.

Приятно дерзкой эпиграммой
 Забесить оплошного врага;
 Приятно зреть, как он упрямо
 Склонив бодливые рога,
 Невольно в зеркало глядится
 И узнавать себя стыдится;
 Приятней, если он, друзья,
 Завоет сдуру: это я!
 Еще приятнее в молчаньи
 Ему готовить честный гроб
 И тихо целить в бледный лоб
 На благородном расстоянии;
 Но отослать его к отцам
 Едва ль приятно будет вам.

Что ж, если вашим пистолетом
 Сражен приятель молодой,
 Нескромным взглядом, иль ответом,
 Или безделицей иной
 Вас оскорбивший за бутылкой,
 Иль даже сам в досаде пылкой
 Вас гордо вызвавший на бой,
 Скажите: вашею душой
 Какое чувство овладеет,
 Когда недвижим, на земле
 Пред вами с смертью на челе,
 Он постепенно костепест.
 Когда он глух и молчалив
 На ваш отчаянный призыв?

В тоске сердечных угрызений,
 Рукою стиснув пистолет,
 Глядит на Ленского Евгений.
 «Ну, что ж? убит!» — решил сосед.
 Убит!.. Сим страшным восклицаньем
 Сражен, Онегин с содроганьем
 Отходит и людей зовет.
 Зарезный бережно кладет
 На сани труп оледенелый;
 Домой везет он страшный клад.
 Почуют мертвого, храпят
 И бьются кони, пеной белой
 Стальные мочат удила,
 И полетели, как стрела.

Друзья мои, вам жаль поэта:
 Во цвете радостных надежд,
 Их не свершив еще для света,
 Чуть из младенческих одежд.
 Увял! Где жаркое волнение,
 Где благородное стремленье
 И чувств и мыслей молодых,
 Высоких, нежных, удалых?
 Где бурные любви желанья,
 И жажда знаний и труда,
 И страх порока и стыда,
 И вы, заветные мечтанья,
 Вы, призрак жизни неземной,
 Вы, сны поэзии святой!

Быть может, он для блага мира,
 Иль хоть для славы был рожден;
 Его умолкнувшая лира
 Гремучий, непрерывный звон
 В веках поднять могла. Поэта,
 Быть может, на ступенях света
 Ждала высокая ступень.
 Его страдальческая тень,
 Быть может, унесла с собою
 Святую тайну, и для нас
 Погиб животворящий глас.
 И за могильною чертою
 К ней не домычится гимн времен,
 Благословение племен.

XXXVIII. 1 XXXIX

А может быть и то: поэта
 Обыкновенный ждал удел.

¹ XXXVIII строфа, дошедшая до нас в копии без
 двух строк, в рукописи читалась:

XXXVIII

Исполня жизнь свою отравой,
 Не сделав многого добра,
 Увы, он мог бессмертной славой
 Газет наполнить нумера.
 Уча людей, мороча братьев,
 При громе плесков иль проклятий,
 Он совершил мог грозный путь,
 Дабы в последний раздохнуть
 В виду торжественных трофеев,
 Как наш Кутузов, иль Пельсон,
 Иль в ссылке, как Наполеон,
 Иль быть повешен, как Рылев.

Прошли бы юности лета,
 В нем пыл души бы охладел.
 Во многом он бы изменился.
 Расстался б с музами, женился.
 В деревне счастлив и рогат
 Носил бы стеганный халат;
 Узнал бы жизнь на самом деле,
 Подагру б в сорок лет имел.
 Пил, ел, скучал, толстел, хирел,
 И наконец в своей постеле
 Скопчался б посреди детей,
 Плаксивых баб и лекарей.

XL

Но что бы ни было, читатель,
 Увы, любовник молодой,
 Поэт, задумчивый мечтатель
 Убит приятельской рукой!
 Есть место: влево от селенья,
 Где жил питомец вдохновенья,
 Две сосны корнями срослись,
 Под ними струйки извились
 Ручья соседственной долины.
 Там пахарь любит отдыхать,
 И жницы в волны погружать
 Приходят звонкие кувшины;
 Там у ручья в тени густой
 Поставлен памятник простой.

XLI

Под ним (как начинает капать
 Весенний дождь на злак полей)
 Пастух, плетя свой пестрый лапоть,

Поет про волжских рыбаей;
И горожанка молодая,
В деревне лето провождая,
Когда стремглав верхом она
Несется по полям одна,
Коня пред ним останавлиает,
Ремянный повод натянув,
И, флер от шляпы отвернув,
Глазами беглыми читает
Простую надпись — и слеза
Туманит нежные глаза.

XLII

И шагом едет в чистом поле,
В мечтанье погрузись, она;
Душа в ней долго поневоле
Судьбою Ленского полна;
И мыслит: «Что-то с Ольгой стало?
В ней сердце долго ли страдало,
Иль скоро слез прошла пора?
И где теперь ее сестра?
И где ж беглец людей и света,
Красавиц модных модный враг,
Где этот пасмурный чужак,
Убийца юного поэта?»
Современем отчет я вам
Подробно обо всем отдам.

XLIII

Но не теперь. Хоть я сердечно
Люблю героя моего,
Хоть возвращусь к нему конечно,
Но мне теперь не до него.

Летà к суровой прозе клонят,
Лета шалунью рифму гонят,
И я — со вздохом признаюсь —
За ней ленивей волочусь.
Перу старинной нет охоты
Марать летучие листы;
Другие, хладные мечты
Другие, строгие заботы
И в шуме света и в тиши
Тревожат сон моей души.

XLIV

Познал я глас иных желаний,
Познал я новую печаль;
Для первых нет мне упований,
А старой мне печали жаль.
Мечты, мечты! где ваша сладость?
Где, вечная к ней рифма, младость?
Ужель и вправду наконец
Увял, увял ее венец?
Ужель и впрямь, и в самом деле,
Без эгегических затей,
Весна моих промчалась дней
(Что я шутя твердил доселе)?
И ей ужель возврата нет?
Ужель мне скоро тридцать лет?

XLV

Так, полдень мой настал, и нужно
Мне в том сознаться, вижу я.
Но так и быть: простимся дружно,
О юность легкая моя!
Благодарю за наслажденья,

За грусть, за милые мученья,
За шум, за бури, за пиры,
За все, за все твои дары;
Благодарю тебя. Тобою,
Среди тревог и в тишине,
Я наслаждался... и вполне;
Довольно! С ясною душою
Пускаюсь ныне в новый путь
От жизни прошлой отдохнуть.

XLVI

Дай оглянусь. Простите ж, сени,
Где дни мои текли в глуши,
Исполнены страстей и лени
И снов задумчивой души.
А ты, младое вдохновенье,
Волнуй мое воображенье,
Дремоту сердца оживляй,
В мой угол чаще прилетай,
Не дай остыть душе поэта,
Ожесточиться, очерстветь
И наконец окаменеть
В мертвящем упоеньи света,
В сем омуте, где с вами я
Купаюсь милые друзья! ⁴⁰

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Москва, России дочь любящая,
Где равную тебе сыскать?

Дмитриев.

Как не любить родной Москвы?

Баратынский.

Гоненье на Москву! Что значит
видеть свет!

Где ж лучше?

Где нас нет.

Грибоедов.

I

Гонимы внешними лучами,
С окрестных гор уже снега
Сбежали мутными ручьями
На потопленные луга.
Улыбкой ясною природа
Сквозь сон встречает утро года;
Синяя блещут небеса.
Еще прозрачные, леса
Как будто пухом зеленеют.
Пчела за данью полевой
Летит из кельи восковой.
Долины сохнут и пестреют;
Стада шумят, и соловей
Уж пел в безмолвии ночей.

II

Как грустно мне твое явленье
 Весна, весна! пора любви!
 Какое томное волненье
 В моей душе, в моей крови!
 С каким тяжелым умиленьем
 Я наслаждаюсь дуновеньем
 В лицо мне веющей весны,
 На лоне сельской тишины!
 Или мне чуждо наслажденье.
 И всё, что радует, живит,
 Всё, что ликует и блестит,
 Наводит скуку и томленье
 На душу мертвую давно,
 И всё ей кажется темно?

III

Или, не радуясь возврату
 Погибших осенью листов,
 Мы помним горькую утрату,
 Внимая новый шум лесов;
 Или с природой оживленной
 Сближаем думою смущенной
 Мы увяданье наших лет,
 Которым возрожденья нет?
 Быть может, в мысли нам приходит
 Средь поэтического сна
 Иная, старая весна
 И в трепет сердце нам приводит
 Мечтой о дальней стороне,
 О чудной ночи, о луне...

IV

Вот время: добрые ленивцы,
 Эпикурейцы-мудрецы,
 Вы, равнодушные счастливыцы,
 Вы, школы Левшина ⁴¹ птенцы,
 Вы, деревенские Приамы,
 И вы, чувствительные дамы,
 Весна в деревню вас зовет,
 Пора тепла, цветов, работ,
 Пора гуляний вдохновенных
 И соблазнительных ночей.
 В поля, друзья! скорей, скорей,
 В каретах, тяжко нагруженных,
 На долгих иль на почтовых
 Тянитесь из застав градских.

V

И вы, читатель благосклонный,
 В своей коляске выписной,
 Оставьте град неугомонный,
 Где веселитесь вы зимой;
 С моею музой своеобразной
 Пойдемте слушать шум дубравный
 Над безыменной рекой,
 В деревне, где Евгений мой,
 Отшельник праздный и унылый,
 Еще недавно жил зимой
 В соседстве Тани молодой,
 Моей мечтательницы милой;
 Но где его теперь уж нет...
 Где грустный он оставил след.

Меж гор, лежащих полукругом,
 Пойдем туда, где ручеек
 Виясь бежит зеленым лугом
 К реке сквозь липовый лесок.
 Там соловей, весны любовник,
 Всю ночь поет; цветет шиповник,
 И слышен говор ключевой —
 Там виден камень гробовой
 В тени двух сосен устарелых.
 Пришельду надпись говорит:
 «Владимир Ленской здесь лежит,
 Погибший рано смертью смелых,
 В такой-то год, таких-то лет.
 Покойся, юноша-поэт!»

На ветви сосны преклоненной,
 Бывало, ранний ветерок
 Над этой урною смиренной
 Качал таинственный венки;
 Бывало, в поздние досуги
 Сюда ходили две подружки,
 И на могиле, при луне,
 Обнявшись, плакали оне.
 Но ныне... памятник унылый
 Забыт. К нему привычный след
 Заглох. Венка на ветви нет;
 Один под ним, седой и хилый
 Пастух попрежнему поет
 И обувь бедную плетет.

Мой бедный Ленский! изнывая,
 Не долго плакала она.
 Увы! невеста молодая
 Своей печали неверна.
 Другой увлек ее вниманье,
 Другой успел ее страданье
 Любовной ласкою усыпить,
 Улан умел ее пленить,
 Улан любим ее душою...
 И вот уж с ним пред алтарем
 Она стыдливо под венцом
 Стоит с поникшей головою,
 С огнем в потупленных очах,
 С улыбкой легкой на устах.

Мой бедный Ленский! за могилой,
 В пределах вечности глухой,
 Смutilся ли, певец унылый,
 Измены вестью роковой?
 Или над Летою усыпленный
 Поэт, бесчувственным блаженный,
 Уж не смущается ничем,
 И мир ему закрыт и нем?..
 Так! равнодушное забвенье
 За гробом ожидает нас.
 Врагов, друзей, любовниц глас
 Вдруг молкнет. Про одно именье
 Наследников сердитый хор
 Заводит непристойный спор.

И скоро звонкий голос Оли
 В семействе Лариных умолк.
 Улан, своей невольник доли,
 Был должен ехать с нею в полк.
 Слезами горько обливаясь,
 Старушка, с дочерью прощаясь,
 Казалось, чуть жива была,
 Но Таня плакать не могла;
 Лишь смертной бледностью покрылось
 Ее печальное лицо.
 Когда все вышли на крыльцо,
 И всё, прощаясь, суетилось
 Вокруг кареты молодых,
 Татьяна проводила их.

И долго, будто сквозь тумана,
 Она глядела им вслед...
 И вот одна, одна Татьяна!
 Увы! подруга стольких лет,
 Ее голубка молодая,
 Ее наперсница родная,
 Судьбою вдали занесена,
 С ней навсегда разлучена.
 Как тень она без цели бродит
 То смотрит в опустелый сад...
 Нигде, ни в чем ей нет отрад,
 И облегченья не находит
 Она подавленным слезам —
 И сердце рвется пополам.

И в одиночестве жестоком
 Сильнее страсть ее горит,
 И об Онегине далеко
 Ей сердце громче говорит.
 Она его не будет видеть;
 Она должна в нем ненавидеть
 Убийцу брата своего.
 Поэт погиб... но уж его
 Никто не помнит, уж другому
 Его невеста отдалась.
 Поэта память пронеслась
 Как дым по небу голубому.
 О нем два сердца, может быть,
 Еще грустят... На что грустить?..

Был вечер. Небо меркло. Воды
 Струились тихо. Жук жужжал.
 Уж расходились хороводы;
 Уж за рекой, дымясь, пылал
 Огонь рыбацкий. В поле чистом,
 Луны при свете серебристом,
 В свои мечты погружена,
 Татьяна долго шла одна.
 Шла, шла. И вдруг перед собою
 С холма господский видит дом.
 Селенье, рошу под холмом
 И сад над светлою рекою.
 Она глядит — и сердце в ней
 Забилося чаще и сильнее.

Ее сомнения смущают:
 «Пойду ль вперед, пойду ль назад?..
 Его здесь нет. Меня не знают...
 Вглянущу на дом, на этот сад».
 И вот с холма Татьяна сходит,
 Едва дыша; кругом обводит
 Недоуменья полный взор...
 И входит на пустынный двор.
 К ней, лая, кинулись собаки.
 На крик испуганный ее
 Ребят дворовая семья
 Сбежалась шумно. Не без драки
 Мальчишки разогнали псов,
 Взяв барышню под свой покров.

XVII

«Увидеть барский дом нельзя ли?» —
 Спросила Тania. Поскорей
 К Анисье дети побежали
 У ней ключи взять от сеней,
 Анисья тотчас же явилась
 И дверь пред ними отворилась,
 И Тания входит в дом пустой,
 Где жил недавно наш герой.
 Она глядит: забытый в зале
 Кий на бильярде отдыхал,
 На смятом канаве лежал
 Манежный хлыстик. Тания дале;
 Старушка ей: «а вот камия;
 Здесь барин сживал один.

Здесь с ним обеживал зимою
 Покойный Ленский, наш сосед.
 Сюда пожалуйте, за мною.
 Вот это барский кабинет;
 Здесь почивал он, кофеи кушал,
 Приказчика доклады слушал
 И книжку поутру читал...
 И старый барин здесь живал;
 Со мной, бывало, в воскресенье,
 Здесь под окном, надев очки,
 Играть изволил в дурачки.
 Дай бог душе его спасенье,
 А косточкам его покой
 В могиле, в мать-земле сырой!»

XIX

Татьяна взором умиленным
 Вокруг себя на всё глядит,
 И всё ей кажется бесценным,
 Всё душу томную живит
 Полу-мучительной отрадой:
 И стол с померкшею лампадой
 И гряда книг, и под окном
 Кровать, покрытая ковром,
 И вид в окно сквозь сумрак лунный
 И этот бледный полусвет,
 И лорда Байрона портрет;
 И столбик с куклою чугунной
 Под шляпой, с пасмурным челом,
 С руками, сжатыми крестом.

Татьяна долго в келье модной
 Как очарована стоит.
 Но поздно. Ветер встал холодный.
 Темно в долине. Роща спит
 Над отуманенной рекою;
 Луна сокрылась за горою,
 И пилиgrimке молодой
 Пора, давно пора домой.
 И Таня, скрыв свое волнение,
 Не без того, чтоб не вздохнуть,
 Пускается в обратный путь.
 Но прежде просит позволения
 Пустынный замок навещать,
 Чтоб книжки здесь одной читать.

Татьяна с ключницей простилась
 За воротами. Через день
 Уж утром рано вновь явилась
 Она в оставленную сень,
 И в молчаливом кабинете,
 Забыв на время всё на свете,
 Осталась наконец одна,
 И долго плакала она.
 Потом за книги принялась.
 Сперва ей было не до них,
 Но показался выбор их
 Ей странен. Чтенью предалась
 Татьяна жадною душой;
 И ей открылся мир иной.

Хотя мы знаем, что Евгений
 Издавна чтенье разлюбил,
 Однако ж несколько творений
 Он из опалы исключил:
 Певца Гяура и Жуана,
 Да с ним еще два-три романа
 В которых отразился век,
 И современный человек
 Изображен довольно верно
 С его безирравственной душой,
 Себялюбивой и сухой,
 Мечтанью преданной безмерно,
 С его озлобленным умом,
 Кипящим в действии пустом.

Хранили многие страницы
 Отметку резкую погтей;
 Глаза внимательной девицы
 Устремлены на них живей.
 Татьяна видит с трепетаньем,
 Какою мыслью, замечаньем
 Бывал Онегин поражен,
 В чем молча соглашался он
 На их полях она встречает
 Черты его карандаша.
 Везде Онегина душа
 Себя невольно выражает
 То кратким словом, то крестом,
 То вопросительным крючком.

И начинает понемногу
 Моя Татьяна понимать
 Теперь яснее — слава богу —
 Того, по ком она вздыхать
 Осуждена судьбою властной:
 Чудак печальный и опасный,
 Созданье ада иль небес,
 Сей ангел, сей надменный бес,
 Что ж он? Ужели подражанье,
 Ничтожный призрак, иль еще
 Москвич в Гарольдовом плаще,
 Чужих причуд истолкованье,
 Слов модных полный лексикон?..
 Уж не пародия ли он?

XXV

Ужель загадку разрешила?
 Ужели слово найдено?
 Часы бегут; она забыла,
 Что дома ждут ее давно,
 Где собралися два соседа
 И где об ней идет беседа.
 «Как быть? Татьяна не дитя, —
 Старушка молвила крихтя. —
 Ведь Оленька ее моложе.
 Пристроить девушку, ей-ей,
 Пора; а что мне делать с ней?
 Всем наотрез одно и то же:
 Нейду. И всё грустит она,
 Да бродит по лесам одна». —

«Не влюблена ль она?» — В кого же?
 Буянов сватался: отказ.
 Ивану Петушкову — тоже.
 Гусар Пыхтин гостил у нас;
 Уж так он Танею прельщался,
 Как мелким бесом рассыпался!
 Я думала; пойдет авось;
 Куда! и снова дело врозь». —
 «Что ж, матушка? за чем же стало?
 В Москву, на ярманку невест!
 Там, слышно, много праздных
 мест». —
 «Ох, мой отец! доходу мало». —
 «Довольно для одной зимы,
 Не то уж дам хоть я взаймы».

XXVII

Старушка очень полюбила
 Совет разумный и благой;
 Сочлась — и тут же положила
 В Москву отправить зимой.
 И Таня слышит новость эту.
 На суд взыскательному свету
 Представить ясные черты
 Провинциальной простоты,
 И запоздалые наряды,
 И запоздалый склад речей;
 Московских франтов и цирцей
 Привлечь насмешливые взгляды!..
 О страх! нет, лучше и верней
 В глуши лесов остаться ей.

Вставая с первыми лучами,
 Теперь она в поля спешит
 И, умиленными очами
 Их озирая, говорит:
 «Простите, мирные долины,
 И вы, знакомых гор вершины.
 И вы, знакомые леса;
 Прости, небесная краса,
 Прости, веселая природа;
 Меняю милый, тихий свет
 На шум блистательных сует...
 Прости ж и ты, моя свобода!
 Куда, зачем стремлюся я?
 Что мне сулит судьба моя?»

Ее прогулки длятся доле.
 Теперь то холмик, то ручей
 Останавлиют поневоле
 Татьяну прелестью своей.
 Она, как с давними друзьями,
 С своими рощами, лугами
 Еще беседовать спешит.
 Но лето быстрое летит.
 Настала осень золотая.
 Природа трепетна, бледна,
 Как жертва пышно убрана...
 Вот север, тучи нагоняя,
 Дохнул, завыл — и вот сама
 Идет волшебница зима.

Пришла, рассыпалась, клоками
 Повисла на суках дубов,
 Легла волнистыми коврами
 Среди полей, вокруг холмов.
 Брега с недвижною рекою
 Сравняла пухлой пеленою;
 Блеснул мороз. И рады мы
 Проказам матушки зимы.
 Не радо ей лишь сердце Тани.
 Нейдет она зиму встречать,
 Морозной пылью подышать
 И первым снегом с кровли бани
 Умыть лицо, плеча и грудь:
 Татьяне страшен зимний путь.

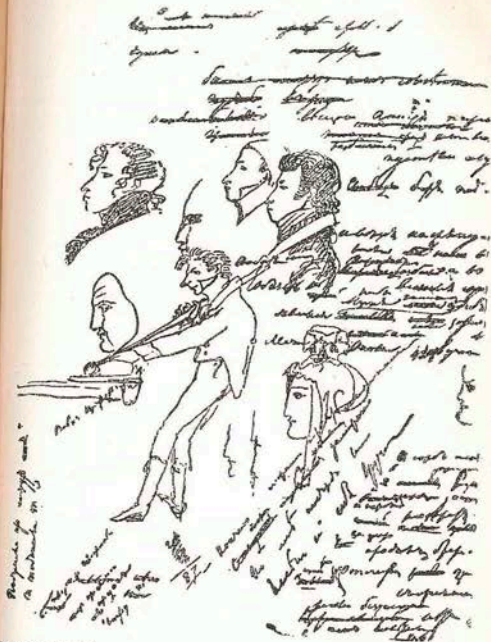
Отъезда день давно просрочен
 Проходит и последний срок;
 Осмотрен, вновь обит, упрочен
 Забвенью брошенный возок.
 Обоз обычный, три кибитки
 Везут домашние пожитки,
 Кастрюльки, стулья, сундуки,
 Варенье в банках, тюфяки,
 Перины, клетки с петухами,
 Горшки, тазы et cetera.
 Ну, много всякого добра.
 И вот в избе между слугами
 Поднялся шум, прощальный плач:
 Ведут на двор осьмнадцать кляч,

В возок боярский их впрягают,
 Готовят завтрак повара,
 Горой кибитки нагружают,
 Бранятся бабы, кучера.
 На кляче тощей и косматой
 Сидит форейтор бородатый.
 Сбежалась челядь у ворот
 Прощаться с барями. И вот
 Уселись, и возок почтенный,
 Скользя, ползет за ворота.
 «Простите, мирные места!
 Прости, приют уединенный!
 Увижу ль вас?..» И слез ручей
 У Тани льется из очей.

XXXIII

Когда благому просвещенью
 Отдвинем более границ,
 Современем (по расчисленью
 Философических таблиц,
 Лет чрез пятьсот) дороги верно
 У нас изменятся безмерно:
 Шоссе Россию здесь и тут,
 Соединив, пересекут,
 Мосты чугунные чрез воды
 Шагнут широкою дугой,
 Раздвинем горы, под водой
 Пророем дерзостные своды,
 И заведет крещеный мир
 На каждой станции трактир.

Рисунки Пушкина на рукописи «Евгения Онегина»

XXXIV

Теперь у нас дороги плохи,⁴²
 Мосты забытые гниют,
 На станциях клопы да блохи
 Заснуть минуты не дают;
 Трактиров нет. В избе холодной
 Высокопарный, но голодный
 Для виду преysкрант висит
 И тщетный дразнит аппетит,
 Меж тем, как сельские циклопы
 Перед медлительным огнем
 Российским печат молотком
 Изделье легкое Европы,
 Благословляя колени
 И рвы отеческой земли.

XXXV

Зато зимы порой холодной
 Езда приятна и легка.
 Как стих без мысли в песне модной,
 Дорога зимняя гладка.
 Автомедоны наши бойки,
 Неутомимы наши тройки,
 И версты, теща праздный взор,⁴³
 В глазах мелькают, как забор.
 К несчастью Ларина тащилась,
 Боясь прогонов дорогих,
 Не на почтовых, на своих,
 И наша дева насладилась
 Дорожной скукою вполне:
 Семь суток ехали оне.

Но вот уж близко. Перед ними
 Уж белокаменной Москвы,
 Как жар, крестами золотыми
 Горят старинные главы.
 Ах, братцы! как я был доволен,
 Когда церквей и колоколен,
 Садов, чертогов полукруг
 Открылся предо мною вдруг!
 Как часто в горестной разлуке,
 В моей блуждающей судьбе,
 Москва, я думал о тебе!
 Москва... как много в этом звуке
 Для сердца русского слилось!
 Как много в нем отозвалось!

XXXVII

Вот, окружен своей дубравой,
 Петровский замо́к. Мрачно он
 Недавнею гордится славой.
 Напрасно ждал Наполеон,
 Последним счастьем упоенный,
 Москвы коленапоклоненной
 С ключами старого Кремля:
 Нет, не пошла Москва моя
 К нему с повинной головою.
 Не праздник, не приемный дар,
 Она готовила пожар
 Нетерпеливому герою.
 Отселе, в думу погружен,
 Глядел на грозный пламень он.

Прощай, свидетель падшей славы,
 Петровский замо́к. Ну! не стой,
 Пошел! Уже столбы заставы
 Белеют; вот уж по Тверской
 Возок несется чрез ухабы.
 Мелькают мимо будки, бабы,
 Мальчишки, лавки, фонари,
 Дворцы, сады, монастыри,
 Бухарцы, сани, огороды,
 Кушцы, лачужки, мужики,
 Бульвары, башни, казаки,
 Аптеки, магазины моды,
 Балконы, львы на воротах
 И стаи галок на крестах.

XXXIX. XI

В сей утомительной прогулке
 Проходит час-другой, и вот
 У Харитонья в переулке
 Возок пред домом у ворот
 Остановился. К старой тетке,
 Четвертый год больной в чахотке,
 Они приехали теперь.
 Им настезь отворяет дверь
 В очках, в изорванном кафтане,
 С чулком в руке, седой калмык.
 Встречает их в гостинной крик
 Княжны, простертой на диване.
 Старушки с плачем обнялись,
 И восклицанья полились.

«Княжна, mon ange!» — «Pachette!» —
 «Алина!» —
 «Кто б мог подумать?» — «Как давно!» —
 «Надолго ль? — «Милая! Кузина!» —
 «Садись — как это мудрено!
 Ей-богу, сцена из романа...» —
 «А это дочь моя, Татьяна». —
 «Ах, Таня! подойди ко мне —
 Как будто брежу я во сне...
 Кузина, помнишь Грандисона?» —
 «Как, Грандисон?.. а, Грандисон!
 Да, помню, помню. Где же он?» —
 «В Москве, живет у Симеона;
 Меня в сочельник навестил:
 Недавно сына он женил.

А тот... но после всё расскажем.
 Не правда ль? Всей ее родне
 Мы Таню завтра же покажем.
 Жаль, разъезжать нет мочи мне:
 Едва, едва таскаю ноги.
 Но вы замучены с дороги;
 Пойдемте вместе отдохнуть...
 Ох, силы нет... устала грудь...
 Мне тяжела теперь и радость,
 Не только грусть... душа моя,
 Уж никуда не годна я...
 Под старость жизнь такая гадость».
 И тут, совсем утомлена,
 В слезах раскашлялась она.

Больной и ласки и веселье
 Татьяну трогают; но ей
 Не хорошо на новоселье,
 Привыкшей к горнице своей.
 Под занавескою шелковой
 Не спится ей в постеле новой,
 И ранний звон колоколов,
 Предтеча утренних трудов,
 Ее с постели подымает.
 Садится Таня у окна.
 Редает сумрак; но она
 Своих полей не различает:
 Пред нею незнакомый двор,
 Конюшня, кухня и забор.

И вот по родственным обедам
 Развозят Таню каждый день
 Представить бабушкам и дедам
 Ее рассеянную лень.
 Родне прибывшей издалеча
 Повсюду ласковая встреча,
 И восклицанья, и хлеб-соль.
 «Как Таня выросла! Давно ль
 Я, кажется, тебя крестила?
 А я так на руки брала!
 А я так за уши драла!
 А я так пряником кормила!»
 И хором бабушки твердят:
 «Как наши годы-то летят!»

Но в них не видно перемены;
 Всё в них на старый образец:
 У тетушки княжны Елены
 Всё тот же тюлевый чепец;
 Всё белится Лукерья Львовна,
 Всё то же жлет Любовь Петровна,
 Иван Петрович так же глух,
 Семен Петрович так же скуц,
 У Пелагеи Николовны
 Всё тот же друг мосё Финмуш,
 И тот же шпиц, и тот же муж;
 А он, всё клуба член исправный,
 Всё так же смирен, так же глух,
 И так же ест и пьет за двух.

XLVI

Их дочки Таню обнимают.
 Младые графини Москвы
 Сначала молча озирают
 Татьяну с ног до головы;
 Ее находят что-то странной,
 Провинциальной и жеманной,
 И что-то бледной и худой,
 А впрочем очень недурной;
 Потом, покорствуя природе,
 Дружатся с ней, к себе ведут,
 Целуют, нежно руки жмут,
 Взбивают кудри ей по моде,
 И поверяют нараспев
 Сердечны тайны, тайны дев,

Чужие и свои победы,
 Надежды, шалости, мечты.
 Текут невинные беседы
 С прикраской легкой клеветы.
 Потом, в отплату лепетанья,
 Ее сердечного признанья
 Умильно требуют оне.
 Но Таня, точно как во сне,
 Их речи слышит без участия,
 Не понимает ничего,
 И тайну сердца своего,
 Заветный клад и слез и счастья,
 Хранит безмолвно между тем
 И им не делится ни с кем.

XLVIII

Татьяна вслушаться желает
 В беседы, в общий разговор:
 Но всех в гостиной занимает
 Такой бессвязный, пошлый вздор;
 Всё в них так бледно, равнодушно;
 Они клеветуют даже скучно;
 В бесплодной сухости речей,
 Расспросов, сплетен и вестей,
 Не вспыхнет мысли в целы сутки,
 Хоть невзначай, хоть наобум;
 Не улыбнется томный ум,
 Не дрогнет сердце хоть для шутки,
 И даже глупости смешной
 В тебе не встретишь, свет пустой!

Архивны юноши толпою
 На Таню чопорно глядят,
 И про нее между собою
 Неблагодарно говорят.
 Один какой-то шут печальный
 Ее находит идеальной,
 И, прислонившись у дверей,
 Элегню готовит ей.
 У скучной тетки Таню встретя,
 К ней как-то Вяземский подсел
 И душу ей занять успел.
 И близ него ее заметя,
 Об ней, поправя свой парик,
 Осведомляется старик.

L

Но там, где Мельпомены бурной
 Протяжный раздается вой,
 Где машет мантией мишурной
 Она пред хладною толпой,
 Где Талия тихонько дремлет
 И плескам дружеским не внемлет,
 Где Терпсихоре лишь одной
 Дивится зритель молодой
 (Что было также в прежни леты,
 Во время ваше и мое),
 Не обратились на нее
 Ни дам ревнивые лорнеты,
 Ни трубки модных знатоков
 Из лож и кресельных рядов.

LI

Ее привозят и в Собрание.
 Там теснота, волнение, жар,
 Музыка грохот, свеч блистанье,
 Мельканье, вихорь быстрых пар.
 Красавиц легкие уборы,
 Людми пестреющие хоры,
 Невест обширный полукруг
 Все чувства поражает вдруг.
 Здесь кажут франты записные
 Свое нахальство, свой жилет
 И невнимательный лорнет.
 Сюда гусары отпускные
 Спешат явиться, прогреметь,
 Блеснуть, пленить и улететь.

LII

У ночи много звезд прелестных,
 Красавиц много на Москве,
 Но ярче всех подруг небесных
 Луна в воздушной синеве.
 Но та, которую не смею
 Тревожить лирою моею,
 Как величавая луна
 Среди жен и дев блеснит одна
 С какою гордостью небесной
 Земли касается она!
 Как негой грудь ее полна!
 Как томен взор ее чудесный!...
 Но полно, полно; перестань:
 Ты заплатил безумству дань.

Шум, хохот, бегодня, поклоны,
 Галоп, мазурка, вальс... Меж тем
 Между двух теток, у колонны,
 Не замечаема никем,
 Татьяна смотрит и не видит,
 Волнение света ненавидит;
 Ей душно здесь... она мечтой
 Стремится к жизни полевой,
 В деревню, к бедным поселанам,
 В уединенный уголок,
 Где льется светлый ручеек,
 К своим цветам, к своим романам
 И в сумрак липовых аллей,
 Туда, где он являлся ей.

Так мысль ее далече бродит:
 Забыт и свет и шумный бал,
 А глаз меж тем с нее не сводит
 Какой-то важный генерал.
 Друг другу тетушки мигнули,
 И локтем Таню враз толкнули,
 И каждая шепнула ей:
 «Взгляни налево поскорей». —
 «Налево? где? что там такое?» —
 «Ну, что бы ни было, гляди...
 В той кучке, видишь? впереди,
 Там, где еще в мундирах двое...
 Вот отошел... вот боком стал...» —
 «Кто? толстый этот генерал?»

Но здесь с победою поздравим
 Татьяну милую мою,
 И в сторону свой путь направим,
 Чтоб не забыть, о ком пою...
 Да кстати, здесь о том два слова:
 Пою приятеля младого
 И множество его причуд.
 Благослови мой долгий труд,
 О ты, эпическая Муза!
 И верный посох мне вручай,
 Не дай блуждать мне вкось и вкряк
 Довольно. С плеч долой обуза!
 Я классицизму отдал честь:
 Хоть поздно, а вступленье есть.

ГЛАВА ОСЬМАЯ

Fare thee well, and if for ever
Still for ever, fare thee well.

Вугол.

I

В те дни, когда в садах Лицея
Я безмятежно расцветал,
Читал охотно Апудея,
А Цицерона не читал;
В те дни, в таинственных долинах,
Весной, при кликах лебединых,
Близ вод, сиявших в тишине,
Являться Муза стала мне.
Моя студенческая келья
Вдруг озарилась: Муза в ней
Открыла пир молодых затей,
Воспела детские веселья,
И славу нашей старины,
И сердца трепетные сны.

II

И свет ее улыбки встретил;
Успех нас первый окрылил;
Старик Державин нас заметил
И, в гроб сходя, благословил.

III

И я, в закон себе вменяя
Страстей единый произвол,
С толпою чувства разделяя,
Я Музу резвую привел
На шум пиров и буйных споров,
Грозы полуночных дозоров;
И к ним в безумные пиры
Она несла свои дары
И как Вакханочка резвилась,
За чашей пела для гостей.
И молодежь минувших дней
За нею буйно волочилась —
А я гордился меж друзей
Подругой ветреной моей.

IV

Но Рок мне бросил взоры тнева
И вдаль занес... она за мной.
Как часто ласковая дева
Мне услаждала час ночной
Волшебством тайного рассказа!
Как часто, по скалам Кавказа,
Она Лепорой, при луне,

Со мной скакала на коне!
Как часто по берегам Тавриды
Она меня во мгле ночной
Водила слушать шум морской,
Немолчный шопот Нереиды,
Глубокий, вечный хор валов,
Хвалебный гимн отду миров.

V

И позабыв столицы дальней
И блеск, и шумные пиры,
В глуши Молдавии печальной
Она смиренные шатры
Племен бродящих посещала,
И между ими одичала,
И позабыла речь богов
Для скудных, странных языков,
Для песен степи ей любезной...
По дунул ветер, грянул гром,
И вот она в саду моем
Явилась барышней уездной,
С печальной думою в очах,
С французской книжкой в руках.

VI

И ныне Музу я впервые
На светский раут⁴⁴ привожу:
На прелести ее степные
С ревнивой робостью гляжу.
Сквозь тесный ряд аристократов,
Военных франтов, дипломатов
И гордых дам она скользит;
Вот села тихо и глядит,

Любуясь шумной теснотою,
Мельканьем платьев и речей,
Явленьем медленным гостей
Перед хозяйкой молодою,
И темной рамою мужчин
Вкруг дам как около картин.

VII

Ей нравится порядок стройный
Олигархических бесед,
И холод гордости спокойной,
И эта смесь чинов и лет.
Но это кто в толпе избранной
Стоит безмолвный и туманный?
Для всех он кажется чужим.
Мелькают лица перед ним,
Как ряд докучных привидений.
Что, сплин иль страждущая спесь
В его лице? Зачем он здесь?
Кто он таков? Ужель Евгений?
Ужели он?.. Так, точно он.
— Давно ли к нам он занесли?

VIII

Всё тот же ль он, иль усмирился?
Иль корчит так же чудака?
Скажите, чем он возвратился?
Что нам представит он пока?
Чем ныне явится? Мельмотом,
Космополитом, патриотом,
Гарольдом, квакером, ханжой,
Иль маской щегольнет иной?
Иль просто будет добрый малый,

Как вы да я, как целый свет?
По крайней мере мой совет:
Отстать от моды обветшалою.
Довольно он морочил свет...
— Знаком он вам? — И да и нет.

IX

— Зачем же так неблагоприятно
Вы отзываетесь о нем?
За то ль, что мы неутомонно
Хлопочем, судим обо всем,
Что пылких душ неосторожность
Самолюбивую ничтожность
Иль оскорбляет иль смешит,
Что ум, любя простор, теснит,
Что слишком часто разговоры
Принять мы рады за дела,
Что глупость ветрена и зла.
Что важным людям важны вздоры,
И что посредственность одна
Нам по плечу и не странна?

X

Блажен, кто смолоду был молод,
Блажен, кто во-время созрел,
Кто постепенно жизни холод
С годами вытерпеть умел,
Кто странным снам не предавался,
Кто черни светской не чуждался,
Кто в двадцать лет был франт иль
хвват,
А в тридцать выгодно женат;
Кто в пятьдесят освободился

От частных и других долгов,
Кто славы, денег и чинов
Спокойно в очередь добился,
О ком твердили целый век:
N. N. прекрасный человек.

XI

Но грустно думать, что напрасно
Была нам молодость дана,
Что изменяли ей всечасно,
Что обманула нас она;
Что наши лучшие желанья,
Что наши свежии мечтанья
Истлели быстрой чередой,
Как листья осенью гнилой.
Несносно видеть пред собою
Одних обедов длинный ряд,
Глядеть на жизнь, как на обряд,
И вслед за чинною толпою
Идти, не разделяя с ней
Ни общих мнений, ни страстей.

XII

Предметом став суждений шумных,
Несносно (согласитесь в том)
Между людей благоразумных
Прослыть притворным чудаком,
Или печальным сумасбродом,
Иль сатаническим уродом,
Иль даже Демоном моим.
Онегин (вновь займуся им),
Убив на поединке друга.
Дожив без цели, без трудов

До двадцати шести годов
Томясь в бездействии досуга
Без службы, без жены, без дел,
Ничем заняться не умел.

XIII

Им овладело беспокойство,
Охота к перемене мест
(Весьма мучительное свойство,
Немногих добровольный крест).
Оставил он свое селенье,
Лесов и нив уединенье,
Где окровавленная тень
Ему являлась каждый день,
И начал странствия без цели,
Доступный чувству одному;
И путешествия ему,
Как всё на свете, надоели;
Он возвратился и понал,
Как Чацкий, с корабля на бал.

XIV

Но вот толпа заколебалась,
По зале шопот пробежал...
К хозяйке дама приближалась,
За нею важный генерал.
Она была не тороплива,
Не холодна, не говорлива,
Без взора наглого для всех,
Без притязаний на успех,
Без этих маленьких ужимок,
Без подражательных затей...

Всё тихо, просто было в ней.
Она казалась верный снимок
Di comme il faut... (Шишков, прости,
Не знаю, как перевести.)

XV

К ней дамы подвигались ближе;
Старушки улыбались ей;
Мужчины кланялися ниже,
Ловили взор ее очей;
Девуцы проходили тише
Пред ней по зале: и всех выше
И нос и плечи подымал
Вошедший с нею генерал.
Никто б не мог ее прекрасной
Назвать: но с головы до ног
Никто бы в ней найти не мог
Того, что модой самовластной
В высоком лондонском кругу
Зовется *vulgar*. (Не могу...

XVI

Люблю я очень это слово,
Но не могу перевести;
Оно у нас покамест ново,
И вряд ли быть ему в чести.
Оно б годилось в эниграмме...)
Но обращаюсь к нашей даме.
Беспечной прелестью мила,
Она сидела у стола
С блестящей Ниной Воронскою,
Сей Клеопатрою Невы:

И верно б согласились вы,
Что Пина мраморной красою
Затмить соседку не могла,
Хоть ослепительна была.

XVII

«Ужели, — думает Евгений: —
Ужель она? Но точно... Нет...
Как! из глуши степных селений...»
И неотвязчивый дорнет
Он обращает поминутно
На ту, чей вид напомнил смутно
Ему забытые черты.
«Скажи мне, князь, не знаешь ты,
Кто там в малиновом берете
С послем испанским говорит?»
Князь на Онегина глядит.
«Ага! давно ж ты не был в свете.
Постой, тебя представлю я...» —
«Да кто ж она?» — «Жена моя». —

XVIII

«Так ты женат! не знал я ране!
Давно ли?» — «Около двух лет». —
«На ком?» — «На Лариной». —
«Татьяне!» —
«Ты ей знаком?» — «Я им сосед». —
«О, так пойдем же». Князь подходит
К своей жене и ей подводит
Родно и друга своего.
Княгиня смотрит на него...
И что ей душу ни смутило,
Как сильно ни была она

Удивлена, поражена,
Но ей ничто не изменило:
В ней сохранился тот же тон,
Был так же тих ее поклон.

XIX

Ей-ей! не то, чтоб содрогнулась,
Иль стала вдруг бледна, красна...
У ней и бровь не шевельнулась;
Не сжала даже губ она.
Хоть он глядел нельзя прилежней,
Но и следов Татьяны прежней
Не мог Онегин обрести.
С ней речь хотел он завести
И — и не мог. Она спросила,
Давно ль он здесь, откуда он
И не из их ли уж сторон?
Потом к супругу обратила
Усталый взгляд; скользнула вон...
И недвижим остался он.

XX

Ужель та самая Татьяна,
Которой он наедине,
В начале нашего романа,
В глухой, далекой стороне,
В благом пылу правоученья,
Читал когда-то наставленья, —
Та, от которой он хранит
Письмо, где сердце говорит,
Где всё наружу, всё на воле,
Та девочка... иль это сон?..
Та девочка, которой он

Пренебрегал в смиренной доле,
Ужели с ним сейчас была
Так равнодушна, так смела?

XXI

Он оставляет раут тесный,
Домой задумчив едет он;
Мечтой то грустной, то прелестной
Его встревожен поздний сон.
Проснулся он; ему приносят
Письмо: князь N покорно просит
Его на вечер. «Боже! к ней!..
О буду, буду!» — и скорей
Марает он ответ учтивый.
Что с ним? в каком он странном сне!
Что шевельнулось в глубине
Души холодной и ленивой?
Досада? суетность? иль вновь
Забота юности — любовь?

XXII

Онегин вновь часы считает,
Вновь не дождется дня конца.
Но десять бьет; он выезжает,
Он полетел, он у крыльца,
Он с трепетом к княгине входит;
Татьяну он одну находит,
И вместе несколько минут
Они сидят. Слова нейдут
Из уст Онегина. Угрюмый,
Неловкий, он едва, едва
Ей отвечает. Голова

Его полна упрямой думой.
Упрямо смотрит он: она
Сидит покойна и вольна.

XXIII

Приходит муж. Он прерывает
Сей неприятный tête-à-tête;
С Онегиным он вспоминает
Проказы, шутки прежних лет.
Они смеются. Входят гости.
Вот крупной солью светской злости
Стал оживляться разговор;
Перед хозяйкой легкий вздор
Сверкал без глухого жеманства,
И прерывал его меж тем
Разумный толк без пошлых тем,
Без вечных истин, без педантизма,
И не пугал ничьих ушей
Свободной живостью своей.

XXIV

Тут был однако цвет столицы,
И знать и моды образцы,
Везде встречаемые лица,
Необходимые глупцы;
Тут были дамы пожилые
В чепцах и в розах, с виду злые;
Тут было несколько девиц,
Не улыбающихся лиц;
Тут был посланник, говоривший
О государственных делах;
Тут был в душистых сединах

Старик, по-старому шутивший:
Отменно тонко и умно,
Что нынче несколько смешно.

XXV

Тут был на эпиграммы падкий
На всё сердитый господин:
На чай хозяйский слишком сладкий,
На плоскость дам, на тон мужчин,
На толки про роман туманный,
На вензель, двум сестрицам данный,
На ложь журналов, на войну,
На снег и на свою жену.
.....
.....
.....
.....
.....

XXVI

Тут был Проласов, заслуживший
Известность низостью души,
Во всех альбомах притупивший,
St.-Priest, твои карандаши;
В дверях другой диктатор бальный
Стоял картинкою журнальной,
Румян — как вербный херувим,
Затянут, нем и недвижим,
И путешественник залетный,
Перекрахмаленный нахал,
В гостях улыбку возбуждал
Своей осанкою заботной,
И молча обмененный взор
Ему был общий приговор.

XXVII

Но мой Онегин вечер целый
Татьяной занят был одной,
Не этой девочкой несмелой,
Влюбленной, бедной и простой,
Но равнодушною княгиней,
Но неприступною богиней
Роскошной, царственной Невы.
О люди! все похожи вы
На прародительницу Еву:
Что вам дано, то не влечет;
Вас непрестанно змий зовет
К себе, к таинственному древу:
Запретный плод вам подавай,
А без того вам рай не рай.

XXVIII

Как изменилася Татьяна!
Как твердо в роль свою вошла!
Как утеснительного сана
Приемы скоро приняла!
Кто б смел искать девчонки нежной
В сей величавой, в сей небрежной
Законодательнице зал?
И он ей сердце волновал!
Об нем она во мраке ночи,
Пока Морфей не прилетит,
Бывало, девственно грустит,
К луне подъемлет томны очи,
Мечтал с ним когда-нибудь
Свершить смиренный жизни путь!

XXIX

Любви все возрасты покорны;
 Но юным, девственным сердцам
 Ее порывы благотворны,
 Как бури вешние полям:
 В дожде страстей они свежеют,
 И обновляются, и зреют —
 И жизнь могучая дает
 И пышный цвет, и сладкий плод.
 Но в возраст поздний и бесплодный,
 На повороте наших лет,
 Печален страсти мертвый след:
 Так бури осени холодной
 В болото обращают луг
 И обнажают лес вокруг.

XXX

Сомненья нет: увы! Евгений
 В Татьяну как дитя влюблен;
 В тоске любовных помышлений
 И день и ночь проводит он.
 Ума не внемля строгим пеням,
 К ее крыльцу, стеклянним сеням
 Он подъезжает каждый день;
 За ней он гонится как тень;
 Он счастлив, если ей накинет
 Боа пушистый на плечо,
 Или коснется горячо
 Ее руки, или раздвинет
 Пред нею пестрый полк ливрей,
 Или платок поднимет ей.

XXXI

Она его не замечает,
 Как он ни бейся, хоть умри.
 Свободно дома принимает,
 В гостях с ним молвит слова три,
 Порой одним поклоном встретит,
 Порою вовсе не заметит:
 Кокетства в ней ни капли нет —
 Его не терпит высший свет.
 Бледнеть Онегин начинает:
 Ей иль не видно, иль не жаль,
 Онегин сохнет, и едва ль
 Уж не чахоткою страдает.
 Все шлют Онегина к врачам,
 Те хором шлют его к водам.

XXXII

А он не едет; он заране
 Писать ко прадедам готов
 О скорой встрече; а Татьяне
 И дела нет (их пол таков);
 А он упрям, отстать не хочет,
 Еще надеется, хлопочет;
 Смелей здорового, больной
 Княгине слабою рукой
 Он пишет страстное посланье.
 Хоть толку мало вообще
 Он в письмах видел не вотще;
 Но, знать, сердечное страданье
 Уже пришло ему не в мочь.
 Вот вам письмо его точь в точь.

ПИСЬМО ОНЕГИИНА ТАТЬЯНЕ

Предвижу всё: вас оскорбит
Печальной тайны объясненье.
Какое горькое презренье
Ваш гордый взгляд изобразит!
Чего хочу? с какою целью
Открою душу вам свою?
Какому злобному веселью,
Быть может, повод подаю!

Случайно вас когда-то встречу,
В вас искру нежности заметя,
Я ей поверить не посмел:
Привычке милой не дал ходу;
Свою посылую свободу
Я потерять не захотел.
Еще одно нас разлучило...
Несчастной жертвой Ленской пал...
Ото всего, что сердцу мило,
Тогда я сердце оторвал;
Чужой для всех, ничем не связан,
Я думал: вольность и покой
Замена счастью. Боже мой!
Как я ошибся, как наказан!

Нет, поминутно видеть вас,
Повсюду следовать за вами,
Улыбку уст, движенье глаз
Ловить влюбленными глазами,
Внимать вам долго, понимать
Душой всё ваше совершенство,
Пред вами в муках замирать,
Бледнеть и гаснуть... вот блаженство!

И я лишен того: для вас
Тащусь повсюду наудачу;
Мне дорог день, мне дорог час:
А я в напрасной скуке трачу
Судьбой отсчитанные дни.
И так уж тягостны они.
Я знаю: век уж мой измерен;
Но чтоб продлилась жизнь моя,
Я утром должен быть уверен,
Что с вами днем увижусь я...

Боюсь: в мольбе моей смиренной
Увидит ваш суровый взор
Затеи хитрости презренной —
И слышу гневный ваш укор.
Когда б вы знали, как ужасно
Томиться жаждою любви,
Пылать — и разумом всечасно
Смирять волнение в крови;
Желать обнять у вас колени,
И, зарыдав, у ваших ног
Излить мольбы, признанья, пени,
Всё, всё, что выразить бы мог.
А между тем притворным хладом
Вооружать и речь и взор,
Вести спокойный разговор,
Глядеть на вас веселым взглядом!..

Но так и быть: я сам себе
Противиться не в силах боле;
Всё решено: я в вашей воле,
И предаюсь моей судьбе.

XXXIII

Ответа нет. Он вновь посланье:
 Второму, третьему письму
 Ответа нет. В одно собранье
 Он едет; лишь вошел... ему
 Она навстречу. Как сурова!
 Его не видят, с ним ни слова;
 У! как теперь окружена
 Крещенским холодом она!
 Как удержать негодованье
 Уста упрямые хотят!
 Вперед Онегин зоркий взгляд:
 Где, где смятенье, состраданье?
 Где пятна слез?... Их нет, их нет!
 На сем лице лишь гнева след...

XXXIV

Да, может быть, боязни тайной,
 Чтоб муж или свет не угадал
 Проказы, слабости случайной...
 Всего, что мой Онегин знал...
 Надежды нет! Он уезжает,
 Свое безумство проклинает —
 И, в нем глубоко погружен,
 От света вновь отрекся он.
 И в молчаливом кабинете
 Ему припомнилась пора,
 Когда жестокая хандра
 За ним гналася в шумном свете,
 Поймала, за ворот взяла
 И в темный угол заперла.

XXXV

Стал вновь читать он без разбора.
 Прочел он Гиббона, Руссо,
 Манзони, Гердера, Шамфора,
 Madame de Staël, Биша, Тиссо,
 Прочел скептического Беля,
 Прочел творенья Фонтенеля,
 Прочел из наших кой-кого,
 Не отвергая ничего:
 И альманахи, и журналы,
 Где поученья нам твердят,
 Где нынче так меня бранят,
 А где такие мадригалы
 Себе встречал я иногда:
E sempre bene, господа.

XXXVI

И что ж? Глаза его читали,
 Но мысли были далеко;
 Мечты, желанья, печали
 Теснились в душу глубоко.
 Он меж печатными строками
 Читал духовными глазами
 Другие строки. В них-то он
 Был совершенно углублен.
 То были тайные преданья
 Сердечной, темной старины,
 Ни с чем не связанные сны,
 Угрозы, толки, предсказанья,
 Или длинной сказки вздор живой,
 Или письма дeвы молодой.

XXXVII

И постепенно в усыпленье
 И чувств и дум впадает он,
 А перед ним Воображенье
 Свой пестрый мечет фараон.
 То видит он: на талом снеге,
 Как будто спящий на ночлеге,
 Недвижим юноша лежит,
 И слышит голос: что ж? убит!
 То видит он врагов забвенных,
 Клеветников, и трусов злых,
 И рой изменниц молодых,
 И круг товарищей презренных,
 То сельский дом — и у окна
 Сидит она... и всё она!..

XXXVIII

Он так привык теряться в этом,
 Что чуть с ума не своротил,
 Или не сделался поэтом.
 Признаться, то-то б одолжил!
 А точно: силой магнетизма
 Стихов российских механизма
 Едва в то время не постиг
 Мой бестолковый ученик.
 Как походил он на поэта,
 Когда в углу сидел один,
 И перед ним пылал камин,
 И он мурлыкал: *Benedetta*
 Иль *Idol mio* и ронял
 В огонь то туфлю, то журнал.

XXXIX

Дни мчались; в воздухе нагретом
 Уж разрешалась зима;
 И он не сделался поэтом,
 Не умер, не сошел с ума.
 Весна живит его: впервые
 Свои покои запертые,
 Где зимовал он как сурок,
 Двойные окна, камелек
 Он ясным утром оставляет,
 Несется вдоль Невы в санях.
 На синих, иссеченных льдах
 Играет солнце; грязно тает
 На улицах разрытый снег.
 Куда по нем свой быстрый бег

XL

Стремит Онегин? Вы заране
 Уж угадали; точно так:
 Примчался к ней, к своей Татьяне
 Мой неисправленный чудак.
 Идет, на мертвеца похожий.
 Нет ни одной души в прихожей.
 Он в залу; дальше: никого.
 Дверь отворил он. Что ж его
 С такою силой поражает?
 Княгиня перед ним, одна,
 Сидит, небубрана, бледна,
 Письмо какое-то читает
 И тихо слезы льет рекой,
 Опершись на руку щекой.

О, кто б немых ее страданий
 В сей быстрый миг не прочитал?
 Кто прежней Тани, бедной Тани
 Теперь в княгине б не узнал!
 В тоске безумных сожалений
 К ее ногам упал Евгений;
 Она вздрогнула и молчит;
 И на Онегина глядит
 Без удивления, без гнева...
 Его больной, угасший взор,
 Молящий вид, немой укор,
 Ей внятно всё. Простая дева,
 С мечтами, сердцем прежних дней
 Теперь опять воскресла в ней.

Она его не подымает,
 И, не сводя с него очей,
 От жадных уст не отымает
 Бесчувственной руки своей...
 О чем теперь ее мечтанье?...
 Проходит долгое молчанье,
 И тихо наконец она:
 «Довольно; встаньте. Я должна
 Вам объясниться откровенно.
 Онегин, помните ль тот час,
 Когда в саду, в аллее нас
 Судьба свела, и так смиренно
 Урок ваш выслушала я?
 Сегодня очередь моя.

Онегин, я тогда моложе,
 Я лучше, кажется, была,
 И я любила вас; и что же?
 Что в сердце вашем я нашла?
 Какой ответ? одну суровость.
 Не правда ль? Вам была не новость
 Смиренной девочки любовь?
 И нынче — боже! — стынет кровь,
 Как только вспомню взгляд холодный
 И эту проповедь... Но вас
 Я не виню: в тот страшный час
 Вы поступили благородно,
 Вы были правы предо мной:
 Я благодарна всей душой...

Тогда — не правда ли? — в пустыне,
 Вдали от суетной Молвы,
 Я вам не правилась... Что ж ныне
 Меня преследуете вы?
 Зачем у вас я на примете?
 Не потому ль, что в высшем свете
 Теперь являться я должна,
 Что я богата и знатна,
 Что муж в сраженьях изувечен,
 Что нас за то ласкает двор?
 Не потому ль, что мой позор
 Теперь бы всеми был замечен,
 И мог бы в обществе принести
 Вам соблазнительную честь?

XLV

Я плачу... Если вашей Тани
 Вы не забыли до сих пор,
 То знайте: колкость вашей брани,
 Холодный, строгий разговор,
 Когда б в моей лишь было власти,
 Я предпочла б обидной страсти
 И этим письмам и слезам.
 К моим младенческим мечтам
 Тогда имели вы хоть жалость,
 Хоть уважение к летам...
 А нынче! — что к моим ногам
 Вас привело? какая малость!
 Как с вашим сердцем и умом
 Быть чувства мелкого рабом?

XLVI

А мне, Онегин, пышность эта,
 Постылой жизни мишура,
 Мои успехи в вихре света,
 Мой модный дом и вечера,
 Что в них? Сейчас отдать я рада
 Всю эту ветошь маскарада,
 Весь этот блеск, и шум и чад
 За полку книг, за дикий сад,
 За наше бедное жилище,
 За те места, где в первый раз,
 Онегин, видела я вас,
 Да за смиренное кладбище,
 Где нынче крест и тень ветвей
 Над бедной нянею моей...

XLVII

А счастье было так возможно,
 Так близко!.. Но судьба моя
 Уж решена. Неосторожно,
 Быть может, поступила я:
 Меня с слезами заклиняннй
 Молила мать; для бедной Тани
 Все были жребии равны...
 Я вышла замуж. Вы должны,
 Я вас прошу, меня оставить;
 Я знаю: в вашем сердце есть
 И гордость и прямая честь.
 Я вас люблю (к чему лукавить?),
 Но я другому отдана;
 Я буду век ему верна».

XLVIII

Она ушла. Стоит Евгений,
 Как будто громом поражен.
 В какую бурю ощущений
 Теперь он сердцем погружен!
 Но шпор внезапный звон раздался,
 И муж Татьянин показался...
 И здесь героя моего,
 В минуту, злую для него,
 Читатель мы теперь оставим,
 Надолго... навсегда. За ним
 Довольно мы путем одним
 Бродили по свету. Поздравим
 Друг друга с берегом. Ура!
 Давно б (не правда ли?) пора!

Кто б ни был ты, о мой читатель,
 Друг, недруг, я хочу с тобой
 Расстаться нынче как приятель.
 Прости. Чего бы ты за мной
 Здесь ни искал в строфах небрежных:
 Воспоминаний ли мятежных,
 Отдохновенья ль от трудов,
 Живых картин, иль острых слов,
 Иль грамматических ошибок,
 Дай бог, чтоб в этой книжке ты
 Для развлечения, для мечты,
 Для сердца, для журнальных ошибок
 Хотя крупицу мог найти.
 Засим расстанемся, прости!

L

Прости ж и ты, мой спутник странный,
 И ты, мой верный Идеал,
 И ты, живой и постоянный,
 Хоть малый труд. Я с вами знал
 Всё, что завидно для поэта:
 Забвенья жизни в бурях света,
 Беседу сладкую друзей.
 Промчалось много, много дней
 С тех пор, как юная Татьяна
 И с ней Онегин в смутном сне
 Явились впервые мне —
 И даль свободного романа
 Я сквозь магический кристалл
 Еще не ясно различал.

Но те, которым в дружной встрече
 Я строфы первые читал...
 Иных уж нет, а те далече,
 Как Сади некогда сказал.
 Без них Онегин дорисован.
 А та, с которой образован
 Татьяны милый Идеал...
 О много, много Рок отъял!
 Блажен, кто праздник Жизни рано
 Оставил, не допив до дна
 Бокала полного вина,
 Кто не дочел ее романа
 И вдруг умел расстаться с ним,
 Как я с Онегиным моим.

ПРИМЕЧАНИЯ К «ЕВГЕНИЮ ОНЕГИНУ»

¹ Писано в Бессарабии.

² Dandy, фронт.

³ Шляпа à la Bolivar.

⁴ Известный ресторатор.

⁵ Черта охлажденного чувства, достойная Чайльд-Гарольда. Балеты г. Дидло исполнены живости воображения и прелести необыкновенной. Один из наших романтических писателей находил в них гораздо более поэзии, нежели во всей французской литературе.

⁶ Tout le monde sut qu'il mettait du blanc; et moi, qui n'en croyais rien, je commençai de le croire, non seulement par l'embellissement de son teint et pour avoir trouvé des tasses de blanc sur sa toilette, mais sur ce qu'entrant un matin dans sa chambre, je le trouvai brossant ses ongles avec une petite vergette faite exprès, ouvrage qu'il continuait fièrement devant moi. Je jugeai qu'un homme qui passe deux heures tous les matins à brosser ses ongles, peut bien passer quelques instants à remplir de blanc les creux de sa peau.

(Confessions de J. J. Rousseau)

Грим опередил свой век: ныне во всей просвещенной Европе чистят ногти особенною щеточкой.

⁷ Вся сия пролическая строфа не что иное, как тонкая похвала прекрасным нашим соотечественникам. Так Буало, под видом укоризны, хвалит Лудовика XIV. Наши дамы соединяют просвещение с любовью и строгую чистоту нравов с этою восточною прелестию, столь пленившею г-жу Сталь.

(См. Dix ans d'exil)

⁸ Читатели помнят прелестное описание петербургской ночи в идиллии Гнедича:

Вот ночь; но не меркнут златистые полосы
облак.

Без звезд и без месяца вся озаряется
дальность.

На взморье далеко сребристые видны
ветрила

Чуть видных судов, как по синему небу
плывущих.

Сияньем бессумрачным небо ночное сияет,
И пурпур заката сливается с златом востока:
Как будто денница за вечером следом

выводит
Румяное утро. — Была то година златая,
Как летние дни похищают владычество ночи;
Как взор иноземца на северном небе пленяет
Слиянье волшебное тени и сладкого света,
Каким никогда не украшено небо полудня;

Та ясность, подобная престелям северной
девы,

Которой глаза голубые и алые щеки
Едва оттеняются русыми локоп волнами.

Тогда над Невой и над пышным Петрополем
видят

Без сумрака вечер и быстрые ночи без тени,
Тогда филомела полночные песни лишь

И песни заводит, приветствуя день
кончит,

Но поздно; повеяла свежесть; на невские
восходящий.

Роса опустилась. . . . .
тундры

Вот полночь; шумевшая вечером тысячью
весел,

Нева не колыхнет; разъехались гости
градские;

Ни гласа на бреге, ни зыби на влаге, всё
тихо:

Лишь изредка гул от мостов пробежит над
водою.

Лишь крик протяженный из дальней
промчится деревни.

Где в ночь окликается ратная стража со
стражей.

Всё спит. . . . .

⁹ Въявь богиню благосклонну
Зрит восторженный пиит,
Что проводит ночь бессонну,
Опершися на гранит.

(Муравьев. Богине Невы)

¹⁰ Писано в Одессе.

¹¹ См. первое издание Евгения Онегина.

¹² Из первой части Днепровской Русалки.

¹³ Сладкозвучнейшие греческие имена, каковы, например: Агафон, Филат, Федора, Фекла и проч., употребляются у нас только между простолудинами.

¹⁴ Грандисон и Ловлас, герои двух славных романов.

¹⁵ Si j'avais la folie de croire encore au bonheur, je le chercherais dans l'habitude (Шатобриан).

¹⁶ Бедный Иорик! — Восклицание Гамлета над черепом шута. (См. Шекспира и Стерна.)

¹⁷ В прежнем издании, вместо *домой летят*, было ошибкою напечатано *зимой летят* (что не имело никакого смысла). Критики, того не разобрав, находили анахронизм в следующих строфах. Смеем уверить, что в нашем романе время расчислено по календарю.

¹⁸ Юлия Вольмар, Новая Элоиза. Малек-Адель, герой посредственного романа *М-me Cottin*. Густав де Линар, герой престелной повести баронессы Крюднер.

¹⁹ Вампир — повесть, неправильно приписанная лорду Байрону. Мельмот, гениальное произведение Матюрина. *Jean Sbogar*, известный роман Карла Нодье.

²⁰ *Lasciate ogni speranza, voi ch'entrate*. Скромный автор наш перевел только первую половину славного стиха.

²¹ Журнал, некогда издаваемый покойным А. Измайловым довольно неисправно. Издатель однажды печатно извинялся перед публикою тем, что он на праздниках гулял.

²² Е. А. Баратынский.

²³ В журналах удивлялись, как можно было назвать девою простую крестьянку, между тем как благородные барышни, немного ниже, названы *замечонками!*

²⁴ «Это значит», — замечает один из наших критиков: — что «мальчишки катаются на коньках». Справедливо.

²⁵ В лета красные мои

Поэтический Аи

Нравился мне пеной шумной,

Сим подобием любви

Или юности безумной, и проч.

(Послание к Л. П.)

²⁶ Август Лафонтен, автор множества семейственных романов.

²⁷ См. *Первый снег*, стихотворение князя Вяземского.

²⁸ См. описание финляндской зимы в «Эде» Баратынского.

²⁹ Зовет кот кошку

В печурку спать.

Предвещание свадьбы; первая песня предрекает смерть.

³⁰ Таким образом узнают имя будущего жениха.

³¹ В журналах осуждали слова: *хлоп*, *моль* и *топ*, как неудачное нововведение. Слова сии коренные русские. «Вышел Бова

из шатра прохладиться и услышал в чистом поле людскую моль и конский топ». (Сказка о Бове Королевиче.) Хлоп употребляется в просторечии вместо хлопание, как шип вместо шипения.

Он шип пустил по-зменному.

(Древние русские стихотворения)

Не должно мешать свободе нашего богатого и прекрасного языка.

³² Один из наших критиков, кажется, находит в этих стихах непонятную для нас неблагопристойность.

³³ Гадательные книги издаются у нас под фирмою Мартына Задеки, почтенного человека, не писавшего никогда гадательных книг, как замечает Б. М. Федоров.

³⁴ Пародия известных стихов Ломоносова:

Заря багряною рукою

От утренних спокойных вод

Выводит с солнцем за собою, и проч.

³⁵ Буянов, мой сосед,

Пришел ко мне вчера, с небритыми усами,
Растрепанный, в пуху, в картузе с
козырьком...

(Опасный сосед)

³⁶ Наши критики, верные почитатели прекрасного пола, сильно осуждали неприличие сего стиха.

³⁷ Парижский ресторатор.

³⁸ Стих Грибоедова.

³⁹ Славный ружейный мастер.

⁴⁰ В первом издании шестая глава оканчивалась следующим образом:

А ты, младое вдохновенье,
Волну мое воображенье,
Дремоту сердца оживляй,
В мой угол чаще прилетай,
Не дай остыть душе поэта,
Ожесточиться, очерстветь
И наконец окаменеть
В мертвящем упоеньи света,
Среди бездушных гордецов,
Среди блистательных глупцов,

XLVII

Среди лукавых, малодушных,
Шальных, балованных детей,
Злодеев и смешных и скучных,
Тупых, привязчивых судей,
Среди кокеток богомольных,
Среди холопов добровольных,
Среди вседневных, модных сцен,
Учливых, ласковых измен,
Среди холодных приговоров
Жестокосердой суеты,
Среди досадной пустоты
Расчетов, дум и разговоров,
В сем омуте, где с вами я
Купаюсь милые друзья.

⁴¹ Левшин, автор многих сочинений по части хозяйственной.

⁴² Дороги наши — сад для глаз:
Дерева, с дерном вал, канавы:
Работы много, много славы,
Да жаль: проезда нет подчас.
С деревьев на часах стоящих,
Проезжим мало барыша,
Дорога, скажешь, хороша —
И вспомнишь стих: для *проходящих!*
Свободна русская езда
В двух только случаях: когда
Наш *Мак-Адам*, или *Мак-Ева*
Зима свершит, треща от гнева,
Опустошительный набег,
Путь окует чугуном льдыстым,
И запорошит ранний снег
Следы ее песком пушистым.
Или когда поля проймет
Такая знойная засуха,
Что через лужу может в брод
Пройти, глаза зажмуря, муха,
(*Станция. Князь Вяземский*)

⁴³ Сравнение, заимствованное у К**, столь известного игривостию воображения. К... рассказывал, что, будучи однажды послан курьером от князя Потемкина к императрице, он ехал так скоро, что шпага его, высунувшись концом из тележки, стучала по верстам, как по частоколу.

⁴⁴ Rout, вечернее собрание без танцев, собственно, значит толпа.

ОТРЫВКИ ИЗ ПУТЕШЕСТВИЯ ОНЕГИНА

Последняя глава «Евгения Онегина» издана была особо, с следующим предисловием:

«Пропущенные строфы подавали неоднократно повод к порицанию и насмешкам (впрочем, весьма справедливым и остроумным). Автор чистосердечно признается, что он выпустил из своего романа целую главу, в коей описано было путешествие Онегина по России. От него зависело означить сию выпущенную главу точками или цифром; но во избежание соблазна решился он лучше выставить вместо девятого номера осьмой над последней главою Евгения Онегина, и пожертвовать одною из окончательных строф:

Пора: перо покоя просит;
Я девять песен написал;
На берег радостный выносит
Мою ладью девятый вал —
Хвала вам, девяти Каменам, и проч.»

П. А. Катенин (кoмy прекрасный поэтический талант не мешаеt быть и тонким

критиком) заметил нам, что сие исключение, может быть и выгодное для читателей, вредит однако ж плану целого сочинения; ибо через то переход от Татьяны, уездной барышни, к Татьяне, знатной даме, становится слишком неожиданным и необъяснимым. — Замечание, обличающее опытного художника. Автор сам чувствует справедливость оного, но решился выпустить эту главу по причинам, важным для него, а не для публики. Некоторые отрывки были напечатаны; мы здесь их помещаем, присовокупив к ним еще несколько строф.

Е. Онегин из Москвы едет в Нижний Новгород:

.....перед ним
Макарьев суетно хлопочет,
Кипит обилием своим.
Сюда жемчуг привез индеец,
Поддельны вины европеец.
Табун бракованных коней
Пригнал заводчик из степей,
Игрок привез свои колоды
И горсть услужливых костей,
Помещик — спелых дочерей,
А дочки — прошлогодни моды.
Всяк суетится, жлет за двух
И всюду меркантильный дух.

*

Тоска!..

Онегин едет в Астрахань, оттуда на
Кавказ.

Он видит: Терек своенравный
Крутые роет берега;
Пред ним парит орел державный.
Стоит олень, склонив рога;
Верблюд лежит в тени утеса,
В лугах несется конь черкеса,
И вокруг кочующих шатров
Пасутся овцы калмыков,
Вдали — кавказские громады:
К ним путь открыт. Пробилась брань
За их естественную грань,
Через их опасные преграды;
Брега Арагвы и Куры
Узрели русские шатры.

*

Уже пустыни сторож вечный,
Степной холмами вокруг,
Стоит Бешту остроконечный
И зеленеющий Машук,
Машук, податель струй целебных,
Вокруг ручьев его волшебных
Больных теснится бледный рой;
Кто жертва чести боевой,
Кто Почечуя, кто Киприды;
Страдалец мыслит жизни нить
В волнах чудесных укрепить,
Кокетка злых годов обиды
На дне оставить, а старик
Помолодеть — хотя на миг.

*

Питая горьки размышленья,
Среди печальной их семьи,
Онегин взором сожаленья
Глядит на дымные струи
И мыслит, грустью отуманен:
Зачем я пулей в грудь не ранен?
Зачем не хилый я старик,
Как этот бедный откупщик?
Зачем, как тульский заседатель,
Я не лежу в параличе?
Зачем не чувствую в плече
Хоть ревматизма? — ах, создатель!
Я молод, жизнь во мне крепка;
Чего мне ждать? тоска, тоска!..

Онегин посещает потом Тавриду:

Воображенью край священный.
С Атридом спорил там Пилад,
Там закололся Митридат,
Там пел Мицкевич вдохновенный
И, посреди прибрежных скал,
Свою Литву воспоминал.

*

Прекрасны вы, берега Тавриды,
Когда вас видишь с корабля
При свете утренней Киприды,
Как вас впервые увидел я;
Вы мне предстали в блеске брачном:
На небе синем и прозрачном
Сияли груди ваших гор,
Долин, деревьев, сёл узор

Разостлан был передо мною.
А там, меж хижинок татар...
Какой во мне проснулся жар!
Какой волшебною тоскою
Стеснялась пламенная грудь!
Но, Муза! прошлое забудь.

*

Какие б чувства ни таились
Тогда во мне — теперь их нет:
Они прошли иль изменились...
Мир вам, тревоги прошлых лет!
В ту пору мне казались нужны
Пустыни воли, края жемчужны,
И моря шум, и груды скал,
И гордой девы идеал,
И безыменные страданья...
Другие дни, другие сны;
Смирились вы, мой весны
Высокопарные мечтанья,
И в портический бокал
Воды я много подмешал.

*

Иные нужны мне картины:
Люблю песчаный косогор,
Перед избушкой две рябины,
Калитку, сломанный забор,
На небе серенькие тучи,
Перед гумном соломы кучи —
Да пруд под сенью ив густых,
Раздолье уток молодых;
Теперь мила мне балалайка

Да пьяный тонот трепака
Перед порогом кабака.
Мой идеал теперь — хозяйка,
Мои желанья — покой,
Да щей горшок да сам большой.

*

Порой дождливою намедни
Я, завернув на скотный двор...
Тьфу! прозаические бредни,
Фламандской школы пестрый сор!
Таков ли был я, расцветая?
Скажи, Фонтан Бахчисарая!
Такие ль мысли мне на ум
Навел твой бесконечный шум,
Когда безмолвно пред тобою
Зарему я воображал
Средь пышных, опустелых зал...
Спустя три года, вслед за мною,
Скитаясь в той же стороне,
Опегин вспомнил обо мне.

*

Я жил тогда в Одессе пыльной...
Там долго ясны небеса,
Там хлопотливо торг обильный
Свой подьемлет паруса;
Там всё Европой дышит, веет,
Всё блещет Югом и пестреет
Разнообразием живой.
Язык Италии златой
Звучит по улице веселой,
Где ходит гордый славянин,

Француз, испанец, армянин,
И грек, и молдаван тяжелый,
И сын египетской земли,
Корсар в отставке, Морали.

*

Одессу звучными стихами
Наш друг Туманский описал,
Но он пристрастными глазами
В то время на нее взирал.
Приехав, он прямым поэтом
Пошел бродить с своим лорнетом
Один над морем — и потом
Очаровательным пером
Сады одесские прославил.
Всё хорошо, но дело в том,
Что степь нагая там кругом;
Кой-где недавный труд заставил
Младые ветви в знойный день
Давать насильственную тень.

*

А где, бишь, мой рассказ несвязный?
В Одессе пыльной, я сказал.
Я б мог сказать: в Одессе грязной —
И тут бы право не солгал.
В году недель пять-шесть Одесса,
По воле бурного Зевеса,
Потоплена, запружена,
В густой грязи погружена.
Все дома на аршин загрязнут,
Лишь на ходулях пешеход

По улице дерзает вброд;
Кареты, люди тонут, вязнут.
И в дрожках вод, рога склоня,
Сменяет хилого коня.

*

Но уж дробит камня молот,
И скоро звонкой мостовой
Покроется спасенный город,
Как будто кованой броней.
Однако в сей Одессе влажной
Еще есть недостаток важный;
Чего б вы думали? — воды.
Потребны тяжкие труды...
Что ж? это небольшое горе,
Особенно, когда вино
Без пошлыны привезено.
Но солнце южное, но море...
Чего ж вам более, друзья?
Благословенные края!

*

Бывало, пушка зоревая
Лишь только грянет с корабля,
С крутого берега сбегаю,
Уж к морю отправляюсь я.
Потом за трубкой раскаленной,
Водой соленой оживленный,
Как мусульман в своем раю,
С восточной гущей кофе пью.
Иду гулять. Уж благосклонный
Открыт Casino; чашек звон

Там раздаётся; на балкон
Маркёр выходит полусонный
С метлой в руках, и у крыльца
Уже сошлись два купца.

*

Глядишь и площадь заестрела.
Всё оживилось; здесь и там
Бегут за делом и без дела,
Однако больше по делам.
Дитя расчёта и отваги,
Идет купец взглянуть на флаги,
Проведать, шлют ли небеса
Ему знакомы паруса.
Какие новые товары
Вступили нынче в карантин?
Пришли ли бочки жданных вин?
И что чума? и где пожары?
И нет ли голода, войны,
Или подобной новизны?

*

Но мы, ребята без печали,
Среди заботливых купцов,
Мы только устриц ожидали
От цареградских берегов.
Что устрицы? пришли! О радость!
Летит обжорливая младость
Глотать из раковин морских
Затворниц жирных и живых,
Слегка обрызгнутых лимоном.
Шум, споры — легкое вино
Из погребов принесено

На стол услужливым Отаном;¹
Часы летят, а грозный счет
Меж тем невидимо растёт.

*

Но уж темнеет вечер синий,
Пора нам в Оперу скорей:
Там упительный Росснии,
Европы баловень — Орфей.
Не внемля критике сурозой,
Он вечно тот же, вечно новый,
Он звуки льёт — они кипят;
Они текут, они горят,
Как поделуи молодые,
Все в неге, в пламени любви,
Как зашнившего Ан
Струя и брызги золотые...
Но, господа, позволено ль
С вином равнять do-te mi-sol?

*

А только ль там очарований?
А разыскательный лорнет?
А закулисные свиданья?
А prima dona? а балет?
А ложа, где красой блестяя,
Негоцианка молодая,
Самолюбива и томна,
Толпой рабов окружена?
Она и внемлет и не внемлет
И каватине, и мольбам,

¹ Известный ресторатор в Одессе.

И шутке с лестью пополам...
А муж — в углу за нею дремлет,
В просонках фора закричит,
Зевнет — и снова захрапит.

*

Финал гремит; пустеет зала;
Шумя, торопится разъезд;
Толпа на площадь побежала
При блеске фонарей и звезд.
Сыны Авзонии счастливой
Слегка поют мотив игривый,
Его невольно затвердив,
А мы ревом речитатив.
Но поздно. Тихо спит Одесса:
И бездыханна и тепла
Немая ночь. Луна взошла,
Прозрачно-легкая завеса
Объемлет небо. Всё молчит;
Лишь море Черное шумит...

*

Итак, я жил тогда в Одессе...

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ *

I

Властитель слабый и лукавый,
Плешивый щеголь, враг труда,
Нечаянно пригретый славой,
Над нами царствовала тогда.

II

Его мы очень смирным знали,
Когда не наши повара
Орла двуглавого щипали
У Бонапартова шатра.

III

Гроза двенадцатого года
Настала — кто тут нам помог?
Остервенение народа,
Барклай, зима иль русский бог?

IV

Но бог помог — стал ропот ниже,
И скоро силою вещей

* См. примечание к этой главе на стр. 468. Ред.

Мы очутились в Париже,
А русский царь главой царей.

V

И чем жирнее, тем тяжеле;
О русский глупый наш народ,
Скажи, зачем ты в самом деле

VI

Авось, о Шиболет народный,
Тебе б я оду посвятил,
Но стихоплет великородный
Меня уже предупредил.

Моря досталась Альбиону.

VII

Авось, аренды забывая,
Ханжа запрется в монастырь,
Авось, по манью Николая
Семействам возвратит Сибирь

Авось дороги нам исправят

VIII

Сей муж судьбы, сей странник бранный,
Пред кем унизились цари,
Сей всадник, Папою венчаный,
Исчезнувший как тень зари

Измучен казнию покоя

IX

Тряслися грозно Пиренеи,
Волкан Неаполи пылал,
Безрукий князь друзьям Морен
Из Кишинева уж мигал.

Княжак   тень

X

«Я всех уйму с моим народом!» —
Нашь царь в покое говорил,

А про тебя и в ус не дует.
Ты, Александровский холоп

XI

Потешный полк Петра-титана,
Дружина старых усачей,
Предавших некогда тирана
Свирепой шайке палачей

XII

Россия присмирела снова,
И пуше царь пошел кутить,
Но искра пламени иного
Уже издавна может быть

XIII

У них свои бывали сходки,
Они за чашею вина,
Они за рюмкой русской водки
. . . . .

XIV

Витийством резким знамениты,
Сбирались члены сей семьи
У беспокойного Никиты,
У осторожного Ильи.
. . . . .

XV

Друг Марса, Вакха и Венеры,
Тут Луни дерзко предлагал
Свои решительные меры
И вдохновенно бормотал.
Читал свои Норли Пушкин,
Меланхолический Якушкин,
Казалось, молча обнажал
Цареубийственный кинжал.
Одну Россию в мире видя,
Преследуя свой идеал,
Хромой Тургенев им внимая
И, плети рабства ненавидя,
Предвидел в сей толпе дворян
Освободителей крестьян.

XVI

Так было над Невою льдистой,
Но там, где ранее весна
Влестит над Каменкой тенистой

И над холмами Тульчина,
Где Витгенштейновы дружины
Днепром подмытые равнины
И степи Буга облегли,
Дела иные уж пошли.
Там Пестель для тиранов
И рать набирал
Холоднокровный генерал,
И Муравьев, его склоняя,
Исполнен дерзости и сил,
Минуты вспышки торопил.

XVII

Сначала эти заговоры
Между лафитом и клико,
Лишь были дружеские споры
И не входила глубоко
В сердца мятежная наука —
Всё это было только скука,
Безделие молодых умов,
Забавы взрослых шалунов.
Казалось: но

узлы к узлам
И постепенно сетью тайной
Россия
Наш царь дремал

**ДРАМАТИЧЕСКИЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ**

15 А. Пушкин, в. III

БОРИС ГОДУНОВ

КРЕМЛЕВСКИЕ ПАЛАТЫ

(1598 года 20 февраля)

Князя Шуйский и Воротынскийя.

ВОРОТЫНСКИЙ

Наряжены мы вместе город ведать,
Но, кажется, нам не за кем смотреть:
Москва пуста; вослед за патриархом
К монастырю пошел и весь народ.
Как думаешь, чем кончится тревога?

ШУЙСКИЙ

Чем кончится? узнать не мудрено:
Народ еще повоюет, да поплачет,
Борис еще поморщится немного,
Что пьяница пред чаркою вина,
И наконец по милости своей
Принять венец смиренно согласится;
А там — а там он будет нами править
По прежнему.

ВОРОТЫНСКИЙ

Но месяц уж протек,
Как, затворясь в монастыре с сестрою,

Он, кажется, покинул всё мирское.
Ни патриарх, ни думные бояре
Склонить его доселе не могли;
Не внемлет он ни слезным увещаньям,
Ни их мольбам, ни воплю всей Москвы,
Ни голосу Великого Собора.
Его сестру напрасно умоляли
Благословить Бориса на державу;
Печальная монахиня-царица
Как он тверда, как он неумолима.
Знать сам Борис сей дух в нее вселил;
Что ежели Правитель в самом деле
Державными заботами наскучил
И на престол безвластный не взойдет?
Что скажешь ты?

шуйский

Скажу, что понапрасну
Лилась кровь царевича-младенца;
Что если так, Дмитрий мог бы жить.

воротынский

Ужасное злодейство! Полно, точно ль
Царевича сгубил Борис?

шуйский

А кто же?
Кто подкупал напрасно Чепчугова?
Кто подослал обоих Битяговских
С Качаловым? Я в Углич послан был
Исследовать на месте это дело:
Наехал я на свежие следы;
Весь город был свидетель злодеянья;

Все граждане согласно показали;
И, возвратясь, я мог единым словом
Изобличить сокрытого злодея.

воротынский

Зачем же ты его не уничтожил?

шуйский

Он, признаюсь, тогда меня смутил
Спокойствием, бесстыдностью неожиданой.
Он мне в глаза смотрел, как будто
правый:
Расспрашивал, в подробности входил —
И перед ним я повторил нелепость,
Которую мне сам он напештал.

воротынский

Нечисто, князь.

шуйский

А что мне было делать?
Всё объявить Феодору? но царь-
На всё глядел очами Годунова,
Всему внимал ушами Годунова:
Пускай его б уверил я во всем;
Борис тотчас его бы разуверил,
А там меня ж сослали б в заточенье,
Да в добрый час, как дядю моего,
В глухой тюрьме тихонько б задавили.
Не хвастаюсь, а в случае конечно
Никая казнь меня не утратит;
Я сам не трус, но также не глупец
И в петлю лезть не соглашуся даром.

В О Р О Т Ы Н С К И Й

Ужасное злодейство! Слушай, верно
Губителя раскаянье тревожит:
Конечно кровь невинного младенца
Ему ступить мешает на престол.

Ш У Й С К И Й

Перешагнет; Борис не так-то робок!
Какая честь для нас, для всей Руси!
Вчерашний раб, татарин, зять Малюты,
Зять палача и сам в душе палач,
Возьмет венец и бармы Мономаха...

В О Р О Т Ы Н С К И Й

Так, родом он незнатен; мы знатнее.

Ш У Й С К И Й

Да, кажется.

В О Р О Т Ы Н С К И Й

Ведь Шуйский, Воротынский...
Легко сказать, природные князья.

Ш У Й С К И Й

Природные, и рюриковой крови.

В О Р О Т Ы Н С К И Й

А слушай, князь, ведь мы б имели право
Наследовать Феодору.

Ш У Й С К И Й

Чем Годунов.

Да, боле,

В О Р О Т Ы Н С К И Й

Ведь в самом деле!

Ш У Й С К И Й

Что ж?

Когда Борис хитрить не перестанет,
Давай народ искусно волновать,
Пуускай они оставят Годунова,
Своих князей у них довольно, пусть
Себе в цари любого изберут.

В О Р О Т Ы Н С К И Й

Не мало нас наследников Варяга,
Да трудно нам тягаться с Годуновым:
Народ отвык в нас видеть древнюю
отрасль

Воинственных властителей своих.
Уже давно лишились мы уделов,
Давно царям подручниками служим,
А он умел и страхом и любовью
И славою народ очаровать.

Ш У Й С К И Й (глядит в окно)

Он смел, вот всё — а мы... Но полно.

Видишь

Народ идет, рассыпавшись, назад —
Пойдем скорей; узнаем, решено ли.

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ

Народ.

один

Неумолим! Он от себя прогнал
Святителей, бояр и патриарха.
Они пред ним напрасно пали ниц;
Его страшит сияние престола.

другой

О боже мой, кто будет нами править?
О горе нам!

третий

Да вот верховный дьяк
Выходит нам сказать решение Думы.

народ

Молчать! молчать! дьяк думный говорит;
Ш-ш — слушайте!

ЩЕЛКАЛОВ (с Красного Крыльда)

Собором положили
В последний раз отведать силу просьбы
Над скорбною Правителя душой.
Завтра вновь святейший патриарх,

В Кремле отпев торжественно молебей,
Предшествуем хоругвями святыми,
С иконами Владимирской, Донской
Воздвигется; а с ним синклит, бояре,
Да сонм дворян, да выборные люди
И весь народ московский православный,
Мы все пойдем молить царицу вновь,
Да сжалится над сиротою Москвою
И на венец благословит Бориса —
Идите же вы с богом по домам,
Молитесь — да взйдет к небесам
Усердная молитва православных.

Народ расходится.

ДЕВИЧЬЕ ПОЛЕ, НОВОДЕВИЧИЙ
МОНАСТЫРЬ

Народ.

один

Теперь они пошли в царице в келью,
Туда вошли Борис и патриарх
С толпой бояр.

другой

Что слышно?

третий

Всё еще
Упрямятся; однако есть надежда.

БАБА (с ребенком)

Агу! не плачь, не плачь; вот бука, бука
Тебя возьмет! агу, агу!.. не плачь!

один

Нельзя ли нам пробраться за ограду?

другой

Нельзя. Куды! и в поле даже тесно,
Не только там. Легко ли? Вся Москва
Сперлася здесь; смотри: ограда, кровли,

Все ярусы соборной колокольни,
Главы церквей и самые кресты
Унизаны народом.

первый

Право, любо!

один

Что там за шум?

другой

Послушай! что за шум?
Народ завыл, там падают, что волны,
За рядом ряд... еще... еще... Ну, брат,
Дошло до нас; скорее! на колени!

НАРОД (на коленях. Вой и плач)

Ах, смилуйся, отец наш! властвуй нами!
Будь наш отец, наш царь!

один (тихо)

О чем там плачут?

другой

А как нам знать? то ведают бояре,
Не нам чета.

БАБА (с ребенком)

Ну, что ж? как надо плакать,
Так и затих! вот я тебя! вот бука!
Плачь, баловень!

Бросает его о земь. Ребенок пищит.

Ну, то-то же.

ОДИН

Заплачем, брат, и мы.

Все плачут,

ДРУГОЙ

Да не могу.

Я силюсь, брат,

ПЕРВЫЙ

Потрем глаза.

Я также. Нет ли луку?

ВТОРОЙ

Что там еще?

Нет, я слюней помажу.

ПЕРВЫЙ

Да кто их разберет?

НАРОД

Венец за ним! он царь! он согласился!
Борис наш царь! да здравствует Борис!

КРЕМЛЕВСКИЕ ПАЛАТЫ

Борис, патриарх, бояре.

БОРИС

Ты, отче патриарх, вы все, бояре,
Обнажена моя душа пред вами:
Вы видели, что я приемлю власть
Великую со страхом и смиреньем.
Сколь тяжела обязанность моя!
Наследую могущим Иоаннам—
Наследую и ангелу-царю!.....
О праведник! о мой отец державный!
Воззри с небес на слезы верных слуг
И ниспошли тому, кого любил ты,
Кого ты здесь столь дивно возвеличил,
Священное на власть благословенье:
Да правлю я во славе свой народ,
Да буду благ и праведен, как ты.
От вас я жду содействия, бояре.
Служите мне, как вы ему служили,
Когда труды я ваши разделял,
Не избранный еще народной волей.

БОЯРЕ

Не изменим присяге, нами данной.

БОРИС

Теперь пойдем, поклонимся гробам
Почиющих властителей России —
А там, сзывать весь наш народ на нир,
Всех, от вельмож до нищего слепца;
Всем вольный вход, все гости дороге.

Уходит, за ним и болре.

ВОРОТЫНСКИЙ *(останавливая
Шуйского)*

Ты угадал.

ШУЙСКИЙ

А что?

ВОРОТЫНСКИЙ

Да здесь, намедня,

Ты помнишь?

ШУЙСКИЙ

Нет, не помню ничего.

ВОРОТЫНСКИЙ

Когда народ ходил в Девичье поле,
Ты говорил —

ШУЙСКИЙ

Теперь не время помнить,

Советую порой и забывать.
А впрочем я злословием притворным
Тогда желал тебя лишь испытать,

Верней узнать твой тайный образ
мыслей;
Но вот — народ приветствует царя —
Отсутствие мое заметить могут —
Иду за ним.

ВОРОТЫНСКИЙ

Лукавый царедворец!

НОЧЬ. КЕЛЬЯ В ЧУДОВОМ
МОНАСТЫРЕ

(1603 года)

Отец Пимен, Григорий спящий.

ПИМЕН (пишет перед лампадой)

Еще одно, последнее сказанье —
И летопись окончена моя,
Исполнен долг, завещанный от бога
Мне, грешному. Недаром многих лет
Свидетелем господь меня поставил
И книжному искусству вразумил;
Когда-нибудь монах трудолюбивый
Найдет мой труд усердный, безымянный,
Засветит он, как я, свою лампаду —
И, пыль веков от хартий отряхнув,
Правдивые сказанья перепишет,
Да ведают потомки православных
Земли родной минувшую судьбу,
Своих царей великих поминают
За их труды, за славу, за добро —
А за грехи, за темные деянья,
Спасителя смиренно умоляют.
На старости я сызнова живу,
Минувшее проходит предо мною —
Давно ль оно неслось событий полно,

Волнуясь, как море-окиян?
Теперь оно безмолвно и спокойно:
Немного лиц мне память сохранила,
Немного слов доходят до меня,
А прочее погребло невозвратно.
Но близок день, лампада догорает —
Еще одно, последнее сказанье.

(Пишет)

ГРИГОРИЙ (пробуждается)

Всё тот же сон! возможно ль? в третий
раз!

Проклятый сон!.. А всё перед лампадой
Старик сидит, да пишет — и дремотой
Знать во всю ночь он не смыкал очей.
Как я люблю его спокойный вид,
Когда, душой в минувшем погруженный,
Он летопись свою ведет, и часто
Я угадать хотел, о чем он пишет?
О темном ли владычестве татар?
О казнях ли свирепых Иоанна?
О бурном ли новгородском вече?
О славе ли отечества? напрасно.
Ни на челе высоком, ни во взорах
Нельзя прочесть его сокрытых дум;
Всё тот же вид смиренный, величавый.
Так точно дьяк, в приказах поседелый,
Спокойно зрит на правых и виновных,
Добру и злу внимая равнодушно,
Не ведая ни жалости ни гнева.

ПИМЕН

Проснулся, брат.

ГРИГОРИЙ

Благослови меня,
Честный отец.

ПИМЕН

Благослови, господь,
Тебя и днесь и присно и во веки.

ГРИГОРИЙ

Ты всё писал и сном не позабылся,
А мой покой бесовское мечтанье
Тревожило, и враг меня мутил.
Мне снилось, что лестница крутая
Меня вела на башню; с высоты
Мне виделась Москва, что муравейник;
Внизу народ на площади кипел
И на меня указывал со смехом,
И стыдно мне и страшно становилось —
И, падая стремглав, я пробуждался...
И три раза мне снился тот же сон.
Не чудно ли?

ПИМЕН

Младая кровь играет;
Смирй себя молитвой и постом,
И сны твои видений легких будут
Исполнены. Доныне — если я,
Невольною дремотой обессилен,
Не сотворю молитвы долгой к ночи —
Мой старый сон не тих и не безгрешен,
Мне чудятся то шумные пиры,
То ратный стан, то схватки боевые,
Безумные потехи юных лет!

ГРИГОРИЙ

Как весело провел свою ты младость!
Ты воевал под башнями Казани,
Ты рать Литвы при Шуйском отражал,
Ты видел двор и роскошь Иоанна!
Счастливи! а я от отроческих лет
По келиям скитаюсь, бедный инок!
Зачем и мне не тешиться в боях,
Не пировать за царскою трапезой?
Успел бы я, как ты, на старость лет
От суеты, от мира отложиться,
Произнести монашества обет
И в тихую обитель затвориться.

ПИМЕН

Не сетуй, брат, что рано грешный свет
Покинул ты, что мало искушений
Послал тебе всевышний. Верь ты мне:
Нас издали пленяет слава, роскошь
И женская лукавая любовь.
Я долго жил и многим наслаждался;
Но с той поры лишь ведаю блаженство,
Как в монастырь господь меня привел.
Подумай, сын, ты о царях великих.
Кто выше их? Единный бог. Кто смеет
Противу их? Никто. А что же? Часто
Златый венец тяжел им становился:
Они его меняли на клобук.
Царь Иоанн искал успокоенья
В подобии монашеских трудов.
Его дворец, любимцев гордых полный,
Монастыря вид новый принимал:

Кромешники в тафьях и власяницах
Послушными являлись чернецами,
А грозный царь игумном богомольным.
Я видел здесь — вот в этой самой келье
(В ней жил тогда Кирилл

много-страдальный,

Муж праведный. Тогда уж и меня
Сподобил бог уразуметь ничтожность
Мирских сует), здесь видел я царя,
Усталого от гневных дум и казней.
Задумчив, тих сидел меж нами Грозный,
Мы перед ним недвижимо стояли,
И тихо он беседу с нами вел.
Он говорил игумну и всей братье:
«Отцы мои, желанный день придет,
Предстану здесь, алкающий спасенья.
Ты, Никодим, ты, Сергей, ты, Кирилл,
Вы все — обет примите мой духовный:
Прииду к вам преступник окаянный
И схиму здесь четную восприму,
К стопам твоим, святой отец, принадлеши».
Так говорил державный государь,
И сладко речь из уст его лилася —
И плакал он. А мы в слезах молились,
Да ниспошлет господь любовь и мир
Его душе страдающей и бурной.
А сын его Феодор? На престоле
Он вздыхал о мирном житии
Молчальника. Он царские чертоги
Преобразил в молитвенную келью;
Там тяжкие, державные печали
Святой души его не возмущали.
Бог возлюбил смирение царя,

И Русь при нем во славе безмятежной
Утешилась — а в час его кончины
Свершилось неслыханное чудо;
К его одру, царю едину зримый,
Явился муж необычайно светел,
И начал с ним беседовать Феодор
И называть великим патриархом.
И все кругом объаты были страхом,
Уразумев небесное виденье,
Зане святой владыка пред царем
Во храмине тогда не находился.
Когда же он преставился, палаты
Исполнились святым благоуханьем
И лик его как солнце просиял —
Уж не видать такого нам царя.
О страшное, невиданное горе!
Прогневали мы бога, согрешили:
Владыкою себе цареубийцу
Мы нарекли.

ГРИГОРИЙ

Давно, честный отец,
Хотелось мне тебя спросить о смерти
Димитрия царевича; в то время
Ты, говорят, был в Угличе.

ПИМЕН

Ох, помню!
Привел меня бог видеть злое дело,
Кровавый грех. Тогда я в дальний Углич
На некое был услан послушанье,
Пришел я в ночь. Наутро в час обедни
Вдруг слышу звон, ударили в набат,

Крик, шум. Бегут на двор царицы. Я
Спешу туда ж — а там уже весь город.
Гляжу: лежит зарезанный царевич;
Царица мать в беспамятстве над ним,
Кормилица в отчаяньи рыдает,
А тут народ остервенясь волочит
Безбожную предательницу-мамку....
Вдруг между их, свиреп, от злости бледен,
Является Иуда Битяговский.
«Вот, вот злодей!» раздался общий вопль,
И вмиг его не стало. Тут народ
Вслед бросился безавшим трем убийцам;
Укрывшихся злодеев захватили
И привели пред теплый труп младенца,
И чудо — вдруг мертвец затрепетал —
«Покайтесь!» народ им завопил:
И в ужасе под топором злодеи
Покаялись — и назвали Бориса.

Г Р И Г О Р И Й

Каких был лет царевич убиенный?

П И М Е Н

Да лет семи; ему бы ныне было —
(Тому прошло уж десять лет... нет,
больше:
Двенадцать лет) — он был бы твой
ровесник

И царствовал; но бог судил иное.
Сей повестью плачевной заключу
Я летопись свою; с тех пор я мало
Вникал в дела мирские. Брат Григорий,
Ты грамотой свой разум просветил,

Тебе свой груз передаю. В часы,
Свободные от подвигов духовных,
Описывай, не мудрствуя лукаво
Всё то, чему свидетель в жизни будешь:
Войну и мир, управу государей,
Угодников святые чудеса,
Пророчества и знаменья небесны —
А мне пора, пора уж отдохнуть
И погасить лампаду... Но звонят
К заутрени... благослови, господь,
Своих рабов!.. подай костыль, Григорий.

(Уходит)

Г Р И Г О Р И Й

Борис, Борис! всё пред тобой трепещет,
Никто тебе не смеет и напомнить
О жребию несчастного младенца —
А между тем отшельник в темной келье
Здесь на тебя донос ужасный пишет:
И не уйдешь ты от суда мирского
Как не уйдешь от божьего суда.

ПАЛАТЫ ПАТРИАРХА

Патриарх, игумен Чудова монастыря.

ПАТРИАРХ

И он убежал, отец игумен?

ИГУМЕН

Убежал, святой владыка. Вот уж тому третий день.

ПАТРИАРХ

Пострел, окаянный! Да какого он роду?

ИГУМЕН

Из роду Отрепьевых, галицких боярских детей. Смолоду постригся неведомо где, жил в Суздале, в Ефимьевском монастыре, ушел оттуда. шатался по разным обителям, наконец пришел к моей Чудовской братии, а я, видя, что он еще млад и не разумен, отдал его под начал отцу Пимену, старцу кроткому и смиренному; и был он весьма грамотен; читал наши летописи, сочинял каноны святым; но звать грамота далася ему не от господя-бога...

ПАТРИАРХ

Уж эти мне грамотей! что еще выдумал! буду царем на Москве! Ах, он сосуд дьявольский! Однако нечего царю и докладывать об этом; что тревожить отца-государя? Довольно будет объявить о побеге дьяку Смирнову али дьяку Ефимьеву; эдака ересь! буду царем на Москве!.. Поймать, поймать врагоугодника, да и сослать в Соловецкий на вечное покаяние. Ведь это ересь, отец игумен.

ИГУМЕН

Ересь, святой владыка, сущая ересь.

ЦАРСКИЕ ПАЛАТЫ

Два стольника.

ПЕРВЫЙ

Где государь?

ВТОРОЙ

В своей опочивальне

Он заперся с каким-то колдуном.

ПЕРВЫЙ

Так, вот его любимая беседа:

Кудесники, гадатели, колдуны.

Всё ворожит, что красная невеста.

Желал бы знать, о чем гадают он?

ВТОРОЙ

Вот он идет. Угодно ли спросить?

ПЕРВЫЙ

Как он угрюм!

(Уходит)

ЦАРЬ (входит)

Достиг я высшей власти;

Шестой уж год я царствую спокойно.

Но счастья нет моей душе. Не так ли
Мы смолоду влюбляемся и алчем
Утех любви, но только утолим
Сердечный глад мгновенным обладаньем,
Уж охладев, скучаем и томимся?...

Напрасно мне кудесники сулят
Дни долгие, дни власти безматежной —
Ни власть, ни жизнь меня не веселят;
Предчувствую небесный гром и горе.
Мне счастья нет. Я думал свой народ
В довольствии, во славе успокоить,
Щедротами любовь его снискать —

Но отложил пустое пощеченье:
Живая власть для черни ненавистна.
Они любить умеют только мертвых.
Безумны мы, когда народный плеск
Иль ярый вопль тревожит сердце наше!

Бог насылал на землю нашу глад,
Народ завыл, в мученьях погибая;
Я отворил им житницы, я злато
Рассыпал им, я им сыскал работы —
Они ж меня, беснуясь, проклинали!

Пожарный огонь их дома истребил,
Я выстроил им новые жилища.
Они ж меня пожаром упрекали!
Вот черни суд: ищи ж ее любви.
В семье моей я мнил найти отраду,

Я дочь мою мнил осчастливить браком —
Как буря, смерть уносит жениха....
И тут молва лукаво нарекает
Виновником дочернего вдовства —
Меня, меня, несчастного отца!....

Кто ни умрет, я всех убийца тайный:

Я ускорил Феодора кончину,
Я отравил свою сестру царицу —
Монахиню смиренную... всё я!
Ах! чувствую: ничто не может нас
Среди мирских печалей успокоить;
Ничто, ничто... едина разве совесть.
Так, здравая, она восторжествует
Над злобою, над темной клеветою.
Но если в ней единое пятно,
Единое, случайно завелось,
Тогда — беда! как язвой моровой
Душа сгорит, нальется сердце ядом,
Как молотком, стучит в ушах упрек,
И всё топшнит, и голова кружится,
И мальчики кровавые в глазах.....
И рад бежать, да некуда... ужасно!
Да, жалок тот, в ком совесть нечиста.

КОРЧМА НА ЛИТОВСКОЙ ГРАНИЦЕ

Мисаил и Варлаам, бродяги-чернецы;
Григорий Отрешьев, мирянином; хозяйка.

ХОЗЯЙКА

Чем-то мне вас потчевать, старцы че-
стные?

ВАРЛААМ

Чем бог пошлет, хозяйошка. Нет ли
вина?

ХОЗЯЙКА

Как не быть, отцы мои! сейчас вывесу.

(Уходит)

МИСАИЛ

Что ж ты закручинился, товарищ? Вот
и граница Литовская, до которой так хо-
телось тебе добраться.

ГРИГОРИЙ

Пока не буду в Литве, до тех пор не
буду спокоен.

ВАРЛААМ

Что тебе Литва так слюбилась? Вот мы, отец Мисаил, да я грешный, как утekli из монастыря, так ни о чем уж и не думаем. Литва ли, Русь ли, что гудок, что гусли: всё нам равно, было бы вино... да вот и оно!..

МИСАИЛ

Складно сказано, отец Варлаам.

ХОЗЯЙКА (входит)

Вот вам, отцы мои. Пейте на здоровье.

МИСАИЛ

Спасибо, родная, бог тебя благослови.

Монахи пьют; Варлаам затягивает песню:

Как во городе было во Казани...

ВАРЛААМ (Григорию)

Что же ты не подтягиваешь, да и не потягиваешь?

ГРИГОРИЙ

Не хочу.

МИСАИЛ

Вольному воля...

ВАРЛААМ

А пьяному рай. отец Мисаил! Выпьем же чарочку за шинкарочку....

Однако, отец Мисаил, когда я пью так трезвых не люблю; иное дело пьянство, а иное чванство; хочешь жить как мы, милости просим — нет, так убирайся, проваливай: скоморох попу не товарищ.

ГРИГОРИЙ

Пей, да про себя разумеи, отец Варлаам! Видишь: и я порой складно говорить умею.

ВАРЛААМ

А что мне про себя разуметь?

МИСАИЛ

Оставь его, отец Варлаам.

ВАРЛААМ

Да что он за постник? Сам же к нам навязался в товарищи, неведомо кто, неведомо откуда — да еще и спесивится; может быть, кобылу нюхал...

Пьет и поет: Молодой чернец постригся.

ГРИГОРИЙ (хозяйке)

Куда ведет эта дорога?

ХОЗЯЙКА

В Литву, мой кормилец, к Луёвым горам.

ГРИГОРИЙ

А далече ли до Луёвых гор?

ХОЗЯЙКА

Недалече, к вечеру можно бы туда попеть, кабы не заставы царские, да сторожевые приставы.

ГРИГОРИЙ

Как, заставы! что это значит?

ХОЗЯЙКА

Кто-то бежал из Москвы, а велено всех задерживать, да осматривать.

ГРИГОРИЙ *(про себя)*

Вот тебе, бабушка, Юрьев день.

ВАРЛААМ

Эй, товарищ! да ты к хозяйке приседелся. Знать не нужна тебе водка, а нужна молодка, дело, брат, дело! у всякого свой обычай; а у нас с отцом Мисаилом одна заботушка: пьем до донупка, выпьем, поворотим и в донушко поколотим.

МИСАИЛ

Складно сказано, отец Варлаам...

ГРИГОРИЙ

Да кого ж им надобно? Кто бежал из Москвы?

ХОЗЯЙКА

А господь его ведает, вор ли, разбойник — только здесь и добрым людям нынче

прохода нет — а что из того будет? ничего; ни лысого беса не поймают: будто в Литву нет и другого пути, как столбовая дорога! Вот хоть отсюда свороти влево, да бором иди по тропинке до часовни, что на Чеканском ручью, а там прямо через болото на Хлопино, а оттуда на Захарьево, а тут уж всякий мальчишка доведет до Луёвых гор. От этих приставов только и толку, что притесняют прохожих, да обирают нас бедных.

Слышен шум.

Что там еще? Ах, вот они, проклятые! дозором идут.

ГРИГОРИЙ

Хозяйка! нет ли в избе другого угла?

ХОЗЯЙКА

Нету, родимый. Рада бы сама спрятаться. Только слава, что дозором ходят, а подавай им и вина и хлеба, и неведомо чего — чтоб им издохнуть, окаянным! чтоб им...

Входят приставы.

ПРИСТАВ

Здорово, хозяйка!

ХОЗЯЙКА

Добро пожаловать, гости дорогие, милости просим.

один пристав (другому)

Ба! да здесь попойка идет; будет чем поживиться. (Монахам) Вы что за люди?

ВАРЛААМ

Мы божи старцы, иноки смиренные, ходим по селениям, да собираем милостыню христианскую на монастырь.

ПРИСТАВ (Григорию)

А ты?

МИСАИЛ

Наш товарищ...

ГРИГОРИЙ

Мирянин из пригорода: проводил старцев до рубежа, отसेде иду восвоися.

МИСАИЛ

Так ты раздумал.....

ГРИГОРИЙ (тихо)

Молчи.

ПРИСТАВ

Хозяйка, выставь-ка еще вина — а мы здесь со старцами поьем, да побеседуем.

ДРУГОЙ ПРИСТАВ (тихо)

Парень-то, кажется, гол, с него взять нечего; зато старцы...

ПЕРВЫЙ

Молчи, сейчас до них доберемся. — Что, отцы мои? какво промышляете?

ВАРЛААМ

Плохо, сыне, плохо! ныне христиане етали скупы; деньгу любят, деньгу прячут. Мало богу дают. Прииде грех велий на языцы земнии. Все пустилися в торги, в мытарства; думают о мирском богатстве, не о спасении души. Ходишь, ходишь; молишь, молишь; иногда в три дни трех полшек не вымолишь. Такой грех! Пройдет неделя, другая, заглянешь в мошонку, ан в ней так мало, что совестно в монастырь показаться; что делать? с горя и остальное пропьешь; беда да и только. — Ох, плохо, знать пришли наши последние времена.....

ХОЗЯЙКА (плачет)

Господь помилуй и спаси!

В продолжение Варлаамовой речи, первый пристав значительно всматривается в Мисаила.

ПЕРВЫЙ ПРИСТАВ

Алеха! при тебе ли царский указ?

ВТОРОЙ

При мне.

ПЕРВЫЙ

Подай-ка сюда.

МИСАИЛ

Что ты на меня так пристально смотришь?

ПЕРВЫЙ ПРИСТАВ

А вот что: из Москвы бежал некоторый злой еретик, Гришка Отрепьев, слышал ли ты это?

МИСАИЛ

Не слышал.

ПРИСТАВ

Не слышал? ладно. А того беглого еретика царь приказал изловить и повесить. Знаешь ли ты это?

МИСАИЛ

Не знаю.

ПРИСТАВ (*Варлааму*)

Умеешь ли ты читать?

ВАРЛААМ

Смолоду знал, да разучился.

ПРИСТАВ (*Мисаилу*)

А ты?

МИСАИЛ

Не умудрил господь.

ПРИСТАВ

Так вот тебе царский указ.

МИСАИЛ

На что мне его?—

ПРИСТАВ

Мне сдается, что этот беглый еретик, вор, мошенник— ты.

МИСАИЛ

Я! помилуй! что ты?

ПРИСТАВ

Постой! держи двери. Вот мы сейчас и справимся.

ХОЗЯЙКА

Ах, они окаянные мучители! и старцато в покое не оставят!

ПРИСТАВ

Кто здесь грамотный?

ГРИГОРИЙ (*выступает вперед*)

Я грамотный.

ПРИСТАВ

Вот на! А у кого же ты научился?

ГРИГОРИЙ

У нашего пономаря.

ПРИСТАВ (*дает ему указ*)

Читай же вслух.

ГРИГОРИЙ (*читает*)

«Чудова монастыря недостойный чернец, Григорий, из роду Отрепьевых, впал в ересь и дерзнул, наученный диаволом, возмущать святую братию всякими соблазнами и беззакониями. А по справкам оказалось, отбежал он, окаянный Гришка, к границе Литовской...»

ПРИСТАВ (*Мисаилу*)

Как же не ты?

ГРИГОРИЙ

«И царь повелел изловить его...»

ПРИСТАВ

И повесить.

ГРИГОРИЙ

Тут не сказано повесить.

ПРИСТАВ

Врешь: не всяко слово в строку пишется. Читай: изловить и повесить.

ГРИГОРИЙ

«И повесить. А лет ему вору Гришке от роду... (*Смотря на Варлаама*) за 50, а росту он среднего, лоб имеет плешивый, бороду седую, брюхо толстое...»

Все глядят на Варлаама.

ПЕРВЫЙ ПРИСТАВ

Ребята! здесь Гришка! держите, вяжите его! Вот уж не думал, не гадал.

ВАРЛААМ (*вырывая бумагу*)

Отстаньте, сукины дети! что я за Гришка? — как! 50 лет, борода седая, брюхо толстое! нет, брат! молод еще надо мною шутки шутить. Я давно не читывал и худо разбираю, а тут уж разберу, как дело до петли доходит. (*Читает по складам*) «А лет ему от роду... 20». — Что, брат? где тут 50? видишь 20.

ВТОРОЙ ПРИСТАВ

Да, помнится, 20. Так и нам было сказано.

ПЕРВЫЙ ПРИСТАВ (*Григорию*)

Да ты, брат, видно забавник.

Во время чтения Григорий стоит потупя голову, с рукою за пазухой.

ВАРЛААМ (*продолжает*)

«А ростом он мал, грудь широкая, одна рука короче другой, глаза голубые, волосы рыжие, на щеке бородавка, на лбу другая». Да это, друг, уж не ты ли?

Григорий вдруг вынимает книжал; все перед ним расступаются, он бросается в окно.

ПРИСТАВЫ

Держи! держи!

Все бегут в беспорядке.

МОСКВА, ДОМ ШУЙСКОГО

Шуйский, множество гостей. Ужин.

ШУЙСКИЙ

Вина еще. *(Встает, за ним и все)* Ну,
гости дорогие,
Последний ковч! Читай молитву,
мальчик.

МАЛЬЧИК

Царю небес, везде и присно сущий,
Своих рабов молению вземли:
Помолимся о нашем государе,
Об избранном тобой, благочестивом,
Всех христиан царе самодержавном.
Храни его в палатах, в поле ратном,
И на путях, и на одре ночлега.
Подай ему победу на враги,
Да славится он от моря до моря.
Да здравием цветет его семья,
Да осенят ее драгие ветви
Весь мир земной — а к нам, своим
рабам,
Да будет он, как прежде, благодатен,
И милостив и долготерпелив,
Да мудрости его неисощимой

Проистекут источники на нас;
И, царскую на то воздвигнув чашу,
Мы молимся тебе, царю небес.

ШУЙСКИЙ *(пьет)*

Да здравствует великий государь!
Простите же вы, гости дорогие;
Благодарю, что вы мой хлеб-солью
Не презрели. Простите, добрый сон.
Гости уходят, он провожает их до дверей.

ПУШКИН

Насилу убралась; ну, князь Василий
Иванович, я уж думал, что нам не удастся
и переговорить.

ШУЙСКИЙ *(слугам)*

Вы что рот разинули? Всё бы вам го-
спод подслушивать. Сбирайте со стола, да
ступайте вон. — Что такое, Афанасий Ми-
хайлович?

ПУШКИН

Чудеса да и только.

Племянник мой, Гаврила Пушкин, мне
Из Кракова гонца прислал сегодня.

ШУЙСКИЙ

Ну.

ПУШКИН

Странную племянник пишет новость.
Сын Грозного... постой.

(Идет к дверям и осматривает)

Державный отрок,
По манию Бориса убиенный...

ш у й с к и й
Да это уж не ново.

п у ш к и н
Погоди:
Димитрий жив.

ш у й с к и й
Вот-на! какая весть!
Царевич жив! ну подлинно чудесно.
И только-то?

п у ш к и н
Послушай до конца.
Кто б ни был он, спасенный ли царевич,
Иль некий дух во образе его,
Иль смелый плут, бесстыдный самозванец.
Но только там Димитрий появился.

ш у й с к и й
Не может быть.

п у ш к и н
Его сам Пушкин видел,
Как приезжал впервой он во дворец
И съвзвез ряды литовских панов прямо
Шел в тайную палату короля.

ш у й с к и й
Кто ж он такой? откуда он?

п у ш к и н
Не знают.
Известно то, что он слугою был
У Вишневецкого, что на одре болезни
Открылся он духовному отцу,
Что гордый пан, его проведая тайну,
Ходил за ним, поднял его с одра
И с ним потом уехал к Сигизмунду.

ш у й с к и й
Что ж говорят об этом удалце?

п у ш к и н
Да слышно, он умен, приветлив, ловок,
По праву всем. Московских беглецов
Обворожил. Латинские пошты
С ним заодно. Король его ласкает,
И, говорят, помогу обещал.

ш у й с к и й
Всё это, брат, такая кутерьма,
Что голова кругом пойдет невольню.
Сомненья нет, что это самозванец,
Но, признаюсь, опасность не мала.
Весть важная! и если до народа
Она дойдет, то быть грозе великой.

п у ш к и н
Такой грозе, что вряд царю Борису
Сдержат венец на умной голове.

И поделом ему! он правит нами,
Как царь Иван (не к ночи будь помянут).
Что пользы в том, что явных казней нет,
Что на колу кровавом, всенародно
Мы не поем канонов Иисусу,
Что нас не жгут на площади, а царь
Своим жезлом не подгребаёт углей?
Уверены ль мы в бедной жизни нашей?
Нас каждый день опала ожидает,
Тюрьма, Сибирь, клобук, иль кандалы,
А там — в глуши голодна смерть иль петля.
Знатнейшие меж нами роды — где?
Где Сицкие князья, где Шестуновы,
Романовы, отечества надежда?
Заточены, замучены в изгнаныи.
Дай срок: тебе такая ж будет участь.
Легко ль, скажи! мы дома, как Литвой,
Осаждены неверными рабами;
Всё языки, готовые продать,
Правительством подкупленные воры.
Зависим мы от первого холопа,
Которого захочем наказать.
Вот — Юрьев день задумал уничтожить.
Не властны мы в поместьях своих.
Не смей согнать ленивца! Рад не рад,
Корми его; не смей переманить
Работника! — Не то, в Приказ Холопий.
Ну, слыхано ль хоть при царе Иване
Такое зло? А легче ли народу?
Спроси его. Попробуй самозванец
Им посулить старинный Юрьев день,
Так и пойдет потеха.

шуйский

Прав ты, Пушкин.

Но знаешь ли? Об этом обо всем
Мы помолчим до времени.

. ПУШКИН

Вестимо,

Знай про себя. Ты человек разумный;
Всегда с тобой беседовать я рад,
И если что меня подчас тревожит,
Не вытерплю, чтоб не сказать тебе.
К тому ж твой мед, да бархатное пиво
Сегодня так язык мне развязали...
Прощай же, князь.

шуйский

Прощай, брат, до свиданья.

(Провожает Пушкина)

ЦАРСКИЕ ПАЛАТЫ

Царевич, чертит географическую карту. Царевна, мамка царевны.

КСЕНИЯ (*целует портрет*)

Милый мой жених, прекрасный королевич, не мне ты достался, не своей невесте — а темной могилке, на чужой стороне. Никогда не утешусь, вечно по тебе буду плакать.

МАМКА

И, царевна! девица плачет, что роса падет: взойдет солнце, росу высушит. Будет у тебя другой жених и прекрасный и приветливый. Полюбишь его, дитя наше ненаглядное, забудешь своего королевича.

КСЕНИЯ

Нет, мамушка, я и мертвому буду ему верна.

Входит Борис.

ЦАРЬ

Что, Ксения, что, милая моя?
В невестах уж печальная вдовица!

Всё плачешь ты о мертвом женихе.
Дитя мое! судьба мне не судила
Винovníком быть вашего блаженства.
Я, может быть, прогневал небеса,
Я счастье твое не мог устроить.
Безви́нная, зачем же ты страдаешь? —
А ты, мой сын, чем занят? Это что?

ФЕОДОР

Чертеж земли московской; наше царство
Из края в край. Вот видишь: тут Москва,
Тут Новгород, тут Астрахань. Вот море,
Вот пермские дремучие леса,
А вот Сибирь.

ЦАРЬ

А это что такое
Узором здесь вьется?

ФЕОДОР

Это Волга.

ЦАРЬ

Как хорошо! вот сладкий плод ученья!
Как с облаков ты можешь обозреть
Всё царство вдруг: границы, грады, реки.
Учись, мой сын: наука сокращает
Нам опыты быстротекущей жизни —
Когда-нибудь, и скоро, может быть,
Все области, которые ты ныне
Изобразил так хитро на бумаге,
Все под руку достанутся твою —
Учись, мой сын, и легче и яснее
Державный труд ты будешь постигать.

Входит Семен Годунов.

Вот Годунов идет ко мне с докладом.

(Ксении)

Душа моя, поди в свою светлицу;
Прости, мой друг. Утешь тебя господь.

Ксения с мамкою уходит.

Что скажешь мне, Семен Никитич?

СЕМЕН ГОДУНОВ

Нынче

Ко мне, чем свет, дворецкий князь-
Василья
И Пушкина слуга пришли с доносом.

ЦАРЬ

Ну.

СЕМЕН ГОДУНОВ

Пушкина слуга донес сперва,
Что поутру вчера к ним в дом приехал
Из Кракова гонец — и через час
Без грамоты отослан был обратно.

ЦАРЬ

Гонца схватить.

СЕМЕН ГОДУНОВ

Уж послано в догону.

ЦАРЬ

О Шуйском что?

272

СЕМЕН ГОДУНОВ

Вечор он угощал

Своих друзей, обоих Милославских,
Бутурлиных, Михайла Салтыкова
Да Пушкина — да несколько других;
А разошлись уж поздно. Только Пушкин
Наедине с козяином остался
И долго с ним беседовал еще.

ЦАРЬ

Сейчас послать за Шуйским.

СЕМЕН ГОДУНОВ

Государь!

Он здесь уже.

ЦАРЬ

Позвать его сюда.

Годунов уходит.

Сношения с Литвою! это что?..
Противен мне род Пушкиных мятежный.
А Шуйскому не должно доверять:
Уклончивый, но смелый и лукавый.....

Входит Шуйский.

Мне нужно, князь, с тобою говорить
Но, кажется, ты сам пришел за делом:
И выслушать хочу тебя сперва.

ШУЙСКИЙ

Так, государь: мой долг тебе поведать
Весть важную.

18 А. Пушкин, т. III 273

ЦАРЬ

Я слушаю тебя.

шуйский (тихо указывая на Феодора)
Но, государь...

ЦАРЬ

Царевич может знать,
Что ведает князь Шуйский. Говори.

шуйский

Царь, из Литвы пришла нам весть...

ЦАРЬ

Не та ли,
Что Пушкину привез весточка гонец.

шуйский

Всё знает он! — Я думал, государь,
Что ты еще не ведаешь сей тайны.

ЦАРЬ

Нет нужды, князь: хочу сообразить
Известия; иначе не узнаем
Мы истины.

шуйский

Я знаю только то,
Что в Кракове явился самозванец,
И что король и паны за него.

ЦАРЬ

Что ж говорят? Кто этот самозванец?

274

шуйский

Не ведаю.

ЦАРЬ

Но... чем опасен он.

шуйский

Конечно, царь: сильна твоя держава,
Ты милостью, раденьем и щедротой
Усыновил сердца своих рабов.
Но знаешь сам: бессмысленная чернь
Изменчива, мятежна, суеверна,
Легко пустой надежде предана,
Мгновенному внушению послушна,
Для истины глуха и равнодушна,
А баснями питается она.
Ей нравится бесстыдная отвага.
Так если сей неведомый бродяга
Литовскую границу перейдет,
К нему толпу безумцев привлечет
Димитрия воскреснувшее имя.

ЦАРЬ

Димитрия!.. как? этого младенца!
Димитрия!.. Царевич, удались.

шуйский

Он покраснел: быть буре!...

ФЕОДОР

Дозволишь ли....

Государь,

275

*

ЦАРЬ

Нельзя, мой сын, поди.

Феодор уходит.

Димитрия!..

шуйский

Он ничего не знал.

ЦАРЬ

Послушай! князь: взять меры сей же час:
Чтоб от Литвы Россия оградилась
Заставами; чтоб ни одна душа
Не перешла за эту грань; чтоб заяц
Не прибежал из Польши к нам; чтоб
Не прилетел из Кракова. Ступай.

ворон

шуйский

Иду.

ЦАРЬ

Постой. Не правда ль, эта весть
Затейлива? Слышал ли ты когда,
Чтоб мертвые из гроба выходили
Допрашивать царей, царей законных,
Назначенных, избранных всенародно,
Увенчанных великим патриархом?
Смешно? а? что? что ж не смеешься ты?

шуйский

Я, государь?...

ЦАРЬ

Послушай, князь Василий:

Как я узнал, что отрока сего...
Что отрок сей лишился как-то жизни,
Ты послан был на следствие: теперь
Тебя крестом и богом заклинаю,
По совести мне правду объяви:
Узнал ли ты убитого младенца
И не было ль подмена? Отвечай.

шуйский

Клянусь тебе....

ЦАРЬ

Нет, Шуйский, не клянись,
Но отвечай: то был царевич?

шуйский

Он.

ЦАРЬ

Подумай, князь. Я милость обещаю,
Прошедшей лжи опалю напрасной
Не накажу. Но если ты теперь
Со мной хитришь, то головою сына
Клянусь — тебя постигнет злая казнь:
Такая казнь, что царь Иван Васильич
От ужаса во гробе содрогнется.

шуйский

Не казнь страшна; страшна твоя немилость;
Перед тобой дерзну ли я лукавить?
И мог ли я так слепо обмануться,

Что не узнал Дмитрия? Три дня
Я труп его в соборе посещал,
Всем Угличем туда сопровождаемый.
Вокруг его тринадцать тел лежало,
Растерзанных народом, и по ним
Уж тленне приметно проступало,
Но детский лик царевича был ясен
И свеж и тих, как будто усыпленный;
Глубокая не запекалась язва,
Черты ж лица совсем не изменились.
Нет, государь, сомненья нет: Дмитрий
Во гробе спит.

ЦАРЬ *(спокойно)*

Довольно, удались.

Шуйский уходит.

Ух, тяжело!.. дай дух переведу...
Я чувствовал: вся кровь моя в лицо
Мне кинулась — и тязко опускалась....
Так вот зачем тринадцать лет мне сряду
Всё снилося убитое дитя!
Да, да — вот что! теперь я понимаю.
Но кто же он, мой грозный супостат?
Кто на меня? Пустое имя, тень —
Ужели тень сорвет с меня порфиру,
Иль звук лишит детей моих наследства?
Безумец я! чего ж я испугался?
На призрак сей подуи — и нет его.
Так решено: не окажу я страха —
Но презирать не должно ничего... —
Ох, тяжела ты, шапка Мономаха!

КРАКОВ. ДОМ ВИШНЕВЕЦКОГО

Самозванец и Ратер Черниковский.

САМОЗВАНЕЦ

Нет, мой отец, не будет затрудненья;
Я знаю дух народа моего;
В нем набожность не знает иступленья:
Ему священ пример царя его.
Всегда, к тому ж, терпимость равнодушна.
Ручаюсь я, что прежде двух годов
Весь мой народ, вся Северная церковь
Признают власть наместника Петра.

РАТЕР

Вспомоществуй тебе святой Игнатий,
Когда придут иные времена.
А между тем небесной благодати
Таи в душе, царевич, семена.
Притворствовать пред оглашенным светом
Нам иногда духовный долг велит;
Твои слова, деянья судят люди,
Намеренья единый видит бог.

САМОЗВАНЕЦ

Аминь Кто там!

Входит слуга.

Сказать: мы принимаем.

Отворяются двери; входит толпа русских и поляков.

Товарищи! мы выступаем завтра
Из Кракова. Я, Мнишек, у тебя
Остановлюсь в Самборе на три дня.
Я знаю: твой гостеприимный замок
И пышностью блистает благородной
И славится хозяйкой молодой —
Прелестную Марину я надеюсь
Увидеть там. А вы, мои друзья,
Литва и Русь, вы, братские знамена
Поднявшие на общего врага,
На моего коварного злодея,
Сыны славян, я скоро поведу
В желанный бой дружины ваши грозны.
Но между вас я вижу новы лица.

ГАВРИЛА ПУШКИН

Они пришли у милости твоей
Просить меча и службы.

САМОЗВАНЕЦ

Рад вам, дети.
Ко мне, друзья. — Но кто, скажи мне,
Красавец сей?

ПУШКИН

Князь Курбский.

САМОЗВАНЕЦ

(Курбскому)

Ты родственник казанскому герою?

КУРБСКИЙ

Я сын его.

САМОЗВАНЕЦ

Он жив еще?

КУРБСКИЙ

"

Нет, умер.

САМОЗВАНЕЦ

Великий ум! муж битвы и совета!
Но с той поры, когда явился он,
Своих обид ожесточенный мститель,
С литовцами под ветхий город Ольгин,
Молва об нем умолкла.

КУРБСКИЙ

Мой отец

В Волынии провел остаток жизни,
В поместьях, дарованных ему
Баторием. Уединен и тих,
В науках он искал себе отрады;
Но мирный труд его не утешал:
Он юности своей отчизну помнил
И до конца по ней он тосковал.

САМОЗВАНЕЦ

Несчастный вождь! как ярко просиял
Восход его шумящей, бурной жизни.
Я радуюсь, великородный витязь,
Что кровь его с отечеством мирится.
Вины отцов не должно вспоминать;
Мир гробу их! приближься, Курбский. Рук:

— Не странно ли? сын Курбского ведет
На трон, кого? да — сына Иоанна...
Всё за меня: и люди и судьба. —
Ты кто такой?

ПОЛЯК

Собаньский, шляхтич вольный.

САМОЗВАНЕЦ

Хвала и честь тебе, свободы чадо!
Вперед ему треть жалованья выдать. —
Но эти кто? я узнаю на них
Земли родной одежду. Это наши.

ХРУЩОВ (бьет челом)

Так, государь, отец наш. Мы твои
Усердные, гонимые холопы.
Мы из Москвы, опальные, бежали
К тебе, наш царь — и за тебя готовы
Главами лечь, да будут наши трусы
На царский трон ступенями тебе.

САМОЗВАНЕЦ

Мужайтесь, безвинные страдальцы —
Лишь дайте мне добраться до Москвы,
А там Борис расплатится во всем.
Ты кто?

КАРЕЛА

Казак. К тебе я с Дона послан
От вольных войск, от храбрых атаманов.
От казаков верховых и низовых,
Узреть твои царевы ясны очи
И кланяться тебе их головами.

САМОЗВАНЕЦ

Я знал донцов. Но сомневался видеть
В своих рядах казачьи бунчуки.
Благодарим Донское наше войско.
Мы ведаем, что ныне казаки
Неправедно притеснены, гонимы;
Но если бог поможет нам вступить
На трон отцов, то мы по старине
Пожалуем наш верный вольный Дон.

ПОЭТ (приближается, кланяясь низко
и хватая Гришку за полу)

Великий принц, светлейший королевич!

САМОЗВАНЕЦ

Что хочешь ты?

ПОЭТ (подает ему бумагу)

Примите благосклонно
Сей бедный плод усердного труда.

САМОЗВАНЕЦ

Что вижу я? Латинские стихи!
Стократ священ союз меча и лиры,
Единый лавр их дружно обвивает.
Родился я под небом полунощным,
Но мне знаком латинской музы голос,
И я люблю парнасские цветы.
Я верую в пророчества пиитов.
Нет, не вотще в их пламенной груди
Кипит восторг: благословится подвиг,
Егож они прославили заране!

Приблизься, друг. В мое воспоминаье
Прими сей дар.

(Дает ему перстень)

Когда со мной свершится
Судьбы завет, когда корону предков
Надену я, — надеюсь вновь услышать
Твой сладкий глас, твой вдохновенный
гимн.

Musa gloriam coronat, gloriaque musam.
И так друзья, до завтра, до свиданья.

В С Е

В поход, в поход! Да здравствует

Димитрий,
Да здравствует великий князь московский!

ЗАМОК ВОЕВОДЫ МНИШКА В САМБОРЕ

Ряд освещенных комнат. Музыка.
Вишневецкий, Мнишек.

МНИШЕК

Он говорит с одной моей Мариной,
Мариною одною занят он...
А дело-то на свадьбу страх похоже;
Ну — думал ты, признайся, Вишневецкий,
Что дочь моя царицей будет? а?

ВИШНЕВЕЦКИЙ

Да, чудеса... и думал ли ты, Мнишек,
Что мой слуга взойдет на трон московский?

МНИШЕК

А какова, скажи, моя Марина!
Я только ей промолвил: ну, смотри!
Не упускай Димитрия!.. и вот
Всё кончено. Уж он в ее сетях.

Музыка играет польский. Самозванец
идет с Мариною в первой паре.

МАРИНА (тихо Димитрию)

Да, ввечеру, в одиннадцать часов,
В аллее лиц, я завтра у фонтана.

Расходятся. Другая пара.

КАВАЛЕР

Что в ней нашел Дмитрий?

ДАМА

Как! она

Красавица.

КАВАЛЕР

Да, мраморная нимфа:
Глаза, уста без жизни, без улыбки...

Новая пара.

ДАМА

Он некрасив, но вид его приятен,
И царская порода в нем видна.

Новая пара.

ДАМА

Когда ж поход?

КАВАЛЕР

Когда велит царевич,
Готовы мы; но видно, панна Мнишек
С Дмитрием задержит нас в плену.

ДАМА

Приятный плен.

КАВАЛЕР

Конечно, если вы...
Расходятся. Комнаты пустеют.

26

МНИШЕК

Мы, старики, уж нынче не танцуем,
Музыки гром не подзывает нас,
Прелестных рук не жмем и не целуем —
Ох, не забыл старинных я проказ!
Теперь не то, не то, что прежде было:
И молодежь, ей-ей — не так смела,
И красота не так уж весела —
Признайся, друг: всё как-то приуныло,
Оставим их; пойдем, товарищ мой,
Венгерского, обросшую травой,
Велим открыть бутылку вековую,
Да в уголок потянем-ка вдвоем
Душистый ток, струю, как жир, густую,
А между тем посудим кой о чем.
Пойдем же, брат.

ВИШНЕВЕЦКИЙ

И дело, друг, пойдем.

НОЧЬ. САД. ФОНТАН

САМОВЗВАНЕЦ (входит)

Вот и фонтан; она сюда придет.
Я, кажется, рожден не боязливым;
Перед собой вблизи видал я смерть,
Пред смертью душа не содрогалась.
Мне вечная неволя угрожала,
За мной гнались — я духом не смутился
И дерзостью неволи избежал.
Но что ж теперь теснит мое дыханье?
Что значит сей неодолимый трепет?
Иль это дрожь желаний напряженных?
Нет — это страх. День целый ожидал
Я тайного свидания с Мариной,
Обдумывал всё то, что ей скажу,
Как обольщу ее надменный ум,
Как назову московскою царицей —
Но час настал — и ничего не помню;
Не нахожу затверженных речей;
Любовь мутит мое воображенье...
Но что-то вдруг мелькнуло... шорох...
тише...

Нет, это свет обманчивой луны,
И прошумел здесь ветерок.

МАРИНА (входит)

Царевич!

САМОВЗВАНЕЦ

Она!.. Вся кровь во мне остановилась.

МАРИНА

Димитрий? Вы?

САМОВЗВАНЕЦ

Волшебный, сладкий голос!

(Идет к ней)

Ты ль наконец? Тебя ли вижу я,
Одну со мной, под сенью тихой ночи?
Как медленно катился скучный день!
Как медленно заря вечерня гасла!
Как долго ждал во мраке я ночном!

МАРИНА

Часы бегут, и дорого мне время —
Я здесь тебе назначила свиданье
Не для того, чтоб слушать нежны речи
Любовника. Слова не нужны. Верю,
Что любишь ты; но слушай: я решилась
С твоей судьбой и бурной и неверной
Соединить судьбу мою; то в праве
Я требовать, Димитрий, одного:
Я требую, чтоб ты души своей
Мне тайные открыл теперь надежды,
Намеренья и даже опасенья —
Чтоб об руку с тобой могла я смело
Пуститься в жизнь — не с детской слепотой,
Не как раба желаний легких мужа,
Наложница безмолвная твоя —
Но как тебя достойная супруга,
Помощница московского царя.

САМОЗВАНЕЦ

О, дай забыть хоть на единый час
 Моей судьбы заботы и тревоги!
 Забудь сама, что видишь пред собой
 Царевича. Марина! зри во мне
 Любовника, избранного тобою,
 Счастливого твоим единым взором —
 О, выслушай моления любви,
 Дай высказать всё то, чем сердце полно.

МАРИНА

Не время, князь. Ты медлишь — и меж тем
 Приверженность твоих клеветов слынет,
 Час от часу опасность и труды
 Становятся опасней и труднее,
 Уж носятся сомнительные слухи,
 Уж новизна сменяет новизну;
 А Годунов свои приемлет меры...

САМОЗВАНЕЦ

Что Годунов? во власти ли Бориса
 Твоя любовь, одно мое блаженство?
 Нет, нет. Теперь гляжу я равнодушно
 На трон его, на царственную власть.
 Твоя любовь... что без нее мне жизнь,
 И славы блеск, и русская держава?
 В глухой степи, в землянке бедной — ты,
 Ты заменишь мне царскую корону,
 Твоя любовь...

МАРИНА

Стыдись; не забывай
 Высокого, святого назначенья:

Тебе твой сан дороже должен быть
 Всех радостей, всех обольщений жизни.
 Его ни с чем не можешь ты равнять.
 Не юноше князю, безумно
 Плененному моею красотой,
 Знай: отдаю торжественно я руку
 Наследнику московского престола,
 Царевичу, спасенному судьбой.

САМОЗВАНЕЦ

Не мучь меня, прелестная Марина,
 Не говори, что сан, а не меня
 Избрала ты. Марина! ты не знаешь,
 Как больно тем ты сердце мне извистишь —
 Как! ежели... о страшное сомненье! —
 Скажи: когда б не царское рожденье
 Назначила слепая мне судьба,
 Когда б я был не Иоаннов сын,
 Не сей, давно забытый миром отрок:
 Тогда б... тогда б любила ль ты меня?..

МАРИНА

Димитрий ты и быть иным не можешь;
 Другого мне любить нельзя.

САМОЗВАНЕЦ

Нет! полно:
 Я не хочу делиться с мертвецом
 Любовницей, ему принадлежащей.
 Нет, полно мне притворствоваться! скажу
 Всю истину: так знай же: твой Димитрий
 Давно погиб, зарыт — и не воскреснет;
 А хочешь ли ты знать, кто я таков?

Изволь; скажу: я бедный черноризец;
Монашеской неволею скучая,
Под клобуком свой замысел отважный
Обдумал я, готовил миру чудо —
И наконец из келии бежал
К украинцам, в их буйные курени,
Владеть конем и саблей научился;
Явился к вам; Димитрием назвался
И поляков безмозглых обманул.
Что скажешь ты, надменная Марина?
Довольна ль ты признанием моим?
Что ж ты молчишь?

МАРИНА

О стыд! о горе мне!
Молчание.

САМОЗВАНЕЦ (*тихо*)

Куда завлек меня порыв досады!
С таким трудом устроенное счастье
Я, может быть, навеки погубил.
Что сделал я, безумец?

(*Вслух*)

Вижу, вижу:
Стыдишься ты не княжеской любви.
Так вымолви ж мне роковое слово;
В твоих руках теперь моя судьба,
Решн: я жду.

(*Бросается на колени*)

МАРИНА

Встань, бедный самозванец.
Не мнишь ли ты колснопреклоненьем,

Как девочки доверчивой и слабой,
Тщеславное мне сердце умилишь?
Ошибся, друг: у ног своих видала
Я рыцарей и графов благородных;
Но их мольбы я хладно отвергала.
Не для того, чтоб беглого монаха...

САМОЗВАНЕЦ (*встает*)

Не презирай младого самозванца;
В нем доблести таятся, может быть,
Достойные московского престола,
Достойные руки твоей бесценной...

МАРИНА

Достойные позорной петли, дерзкий!

САМОЗВАНЕЦ

Винювен я: гордыней обуянный,
Обманывал я бога и царей,
Я миру лгал; но не тебе, Марина,
Меня казнить; я прав перед тобою.
Нет, я не мог обманывать тебя.
Ты мне была единственной святыней,
Пред ней же я притворствовать не смел.
Любовь, любовь ревнивая, слепая,
Одна любовь принудила меня
Всё высказать.

МАРИНА

Чем хвалится безумец!
Кто требовал признанья твоего?
Уж если ты, бродяга безымянный,
Мог ослепить чудесно два народа,
Так должен уж, по крайней мере, ты

Достоин быть успеха своего
И свой обман отважный обеспечить
Упорною, глубокой, вечной тайной.
Могу ль, скажи, предаться я тебе,
Могу ль, забыв свой род и стыд девичий,
Соединить судьбу мою с твоею,
Когда ты сам с такою простотою,
Так ветрено позор свой обличаешь?
Он из любви со мною проболтался!
Дивлюся: как перед моим отцом
Из дружбы ты доселе не открылся,
От радости пред нашим королем,
Или еще пред паном Вишневецким
Из верного усердия слуги.

САМОЗВАНЕЦ

Клянусь тебе, что сердца моего
Ты вымучить одна могла признанье.
Клянусь тебе, что никогда, нигде,
Ни в пиршестве за чашею безумства,
Ни в дружеском, заветном разговоре,
Ни под ножом, ни в муках истязаний
Сих тяжких тайн не выдаст мой язык.

МАРИНА

Клянешься ты! и так должна я верить —
О верю я! — но чем, нельзя ль узнать,
Клянешься ты? не именем ли бога,
Как набожный примыши езуитов?
Иль честию, как витязь благородный,
Иль, может быть, единым царским словом,
Как царский сын? не так ли? говори.

ДИМИТРИЙ (гордо)

Тень Грозного меня усыновила,
Димитрием из гроба нарекла,
Вокруг меня народы возмутила
И в жертву мне Бориса обрекла —
Царевич я. Довольно, стыдно мне
Пред гордою полячкой унижаться. —
Прощай навек. Игра войны кровавой,
Судьбы моей обширные заботы
Тоску любви, надеюсь, заглушат —
О, как тебя я стану ненавидеть,
Когда пройдет постыдной страсти жар!
Теперь иду — погибель иль венец
Мою главу в России ожидает,
Найду ли смерть, как вои в битве
честной.

Иль как злодей на плахе площадной,
Не будешь ты подругою моею,
Моей судьбы не разделишь со мною;
Но — может быть! ты будешь сожалеть
Об участи, отвергнутой тобою.

МАРИНА

А если я твой дерзостный обман
Заранее пред всеми обнаружу?

САМОЗВАНЕЦ

Не мнишь ли ты, что я тебя боюсь?
Что более поверят польской деве,
Чем русскому царевичу? — Но знай,
Что ни король, ни папа, ни вельможи —
Не думают о правде слов моих.

Димитрий я, или нет — что им за дело?
Но я предлог раздоров и войны.
Им это лишь и нужно, и тебя,
Мятежница! поверь, молчать заставят.
Прощай.

МАРИНА

Постой, царевич. Наконец
Я слышу речь не мальчика, но мужа.
С тобою, князь — она меня мирит.
Безумный твой порыв я забываю
И вижу вновь Димитрия. Но — слушай.
Пора, пора! проснись, не медли боле,
Веди полки скорее на Москву —
Очисти Кремль, садись на трон
московский —
Тогда за мной шли брачного посла;
Но — слышит бог — пока твоя нога
Не оперлась на тронные ступени,
Пока тобой не свержен Годунов,
Любви речей не буду слушать я.
(Уходит)

САМОВАНЕЦ

Нет — легче мне сражаться с Годуновым,
Или хитрить с придворным езуитом,
Чем с женщиной — чорт с ними: мочи нет.
И пугает, и вьется, и ползет,
Скользит из рук, шипит, грозит и жалит.
Змея! змея! — Недаром я дрожал.
Она меня чуть-чуть не погубила.
Но решено: завтра двину рать.

ГРАНИЦА ЛИТОВСКАЯ

(1604 года, 16 октября)

Князь Курбский и Самозванец, оба верхами.
Полки приближаются к границе.

КУРБСКИЙ (прискакав первый)

Вот, вот она! вот русская граница!
Святая Русь, отечество! я твой!
Чужбины прах с презреньем отряхую
С моих одежд — пью жадно воздух новый:
Он мне родной!.. теперь твоя душа,
О мой отец, утешится, и в гробе
Опальные возрадуются кости! —
Блеснул опять наследственный наш меч,
Сей славный меч, гроза Казани темной,
Сей добрый меч, слуга царей московских!
В своем пиру теперь он загуляет
За своего надежу-государя!.....

САМОВАНЕЦ (едет тихо
с поникшей головой)

Как счастлив он! как чистая душа
В нем радостью и славой разыгралась!
О витязь мой! завидую тебе.
Сын Курбского, воспитанный в изгнании,
Забыв отцом снесенные обиды,

Его вину за гробом искупив —
Ты кровь излить за сына Иоанна
Готовишься; законного цари
Ты возратить отечеству.... ты прав,
Душа твоя должна пылать весельем.

КУРЬСКИЙ

Ужель и ты не веселишься духом?
Вот наша Русь: она твоя, царевич.
Там ждут тебя сердца твоих людей:
Твоя Москва, твой Кремль, твоя держава.

САМОВЗВАНЕЦ

Кровь русская, о Курбский, потечет —
Вы за цари подъяли меч, вы чисты,
Я ж вас веду на братьев; я Литву
Позвал на Русь, я в красную Москву
Кажу врагам завегную дорогу!...
Но пусть мой грех падет не на меня —
А на тебя, Борис-царевубийца! —
Вперед!

КУРЬСКИЙ

Вперед! и горе Годунову!
Скачут. Полки переходят границу.

ЦАРСКАЯ ДУМА

Царь, патриарх и бояре.

ЦАРЬ

Возможно ли? расстрига, беглый иннок
На нас ведет злодейские дружины,
Дерзает нам писать угрозы! Полно,
Пора смирить безумца! — Поезжайте
Ты, Трубецкой, и ты, Басманов; помочь
Нужна моим усердным воеводам.
Бунтовщиком Чернигов осажден.
Спасайте град и граждан.

БАСМАНОВ

Государь,
Трех месяцев отныне не пройдет,
И замолчит и слух о самозванце;
Его в Москву мы привезем, как зверя
Заморского, в железной клетки. Богом
Тебе клянусь.

(Уходит с Трубецким)

ЦАРЬ

Мне свейский государь
Через послов союз свой предложил;
Но не нужна нам чуждая помощь;

Своих людей у нас довольно ратных,
Чтоб отразить изменников и ляха.
Я отказал.

Щелкалов! разослать
Во все концы указы к воеводам,
Чтоб на коня сажались и людей
По старине на службу высылали;
В монастырях подобно отобрать
Служителей причетных. В прежни годы,
Когда бедой отечеству грозило,
Отшельники на битву сами шли —
Но не хотим тревожить ныне их;
Пусть молятся за нас они — таков
Указ царя и приговор боярский.
Теперь вопрос мы важный разрешим:
Вы знаете, что наглый Самозванец
Коварные промчал повсюду слухи;
Повсюду им разосланные письма
Посеяли тревогу и сомненье;
На площадях мятежный бродит шопот,
Умы кипят. . . . их нужно остудить —
Предупредить желал бы казни я,
Но чем и как? решим теперь. Ты первый,
Святой отец, свою поведай мысль.

ПАТРИАРХ

Благословен всевышний, поселивший
Дух милости и кроткого терпенья
В душе твоей, великий государь;
Ты грешному погибели не хочешь,
Ты тихо ждешь, — да пройдет
заблужденье;
Оно пройдет и солнце правды вечной

Всех озарит. —

Твой верный богомолец,
В делах мирских не мудрый судия,
Дерзает днесь подать тебе свой голос.
Бесовский сын, расстрига окаанный,
Прослыть умел Димитрием в народе;
Он именем царевича, как ризой
Украденной, бесстыдно облачился:
Но стоит лишь ее раздрать — и сам
Он наготой своею посрамится.

Сам бог на то нам средство посылает:
Знай, государь, тому прошло шесть лет —
В тот самый год, когда тебя господь
Благословил на царскую державу —
В вечерний час ко мне пришел однажды
Простой пастух, уже маститый старец,
И чудную поведал он мне тайну:
«В младых летах, — сказал он, — я

ослеп

И с той поры не знал ни дня, ни ночи
До старости: напрасно я лечился
И зельем и тайным нашептаньем;
Напрасно я ходил на поклоненье
В обители к великим чудотворцам;
Напрасно я из кладязей святых
Кропил водой целебной темны очи;
Не посылал господь мне исцеленья.
Вот наконец утратил я надежду,
И к тьме своей привык, и даже сны
Мне виданных вещей уж не являли,
А сиилися мне только звуки. Раз
В глубоком сне, я слышу, детский голос
Мне говорит: встань, дедушка, поди

Ты в Углич-град, в собор Преображенья;
Там помолись ты над моей могилкой,
Бог милостив — и я тебя прошу.
— Но кто же ты? — спросил я детский
голос.

«Царевич я Димитрий. Царь небесный
Приял меня в лик ангелов своих,
И я теперь великий чудотворец! —
Иди, старик». Проснулся я и думал:
«Что ж? может быть и в самом деле бог
Мне позднее дарует исцеленье.
Пойду» — и в путь отправился далекий.
Вот Углича достиг я, прихожу
В святыи собор, и слушаю обедню
И, разгорясь душой усердной, плачу,
Так сладостно, как будто слепота
Из глаз моих слезами вытекала.
Когда народ стал выходить, я внуку
Сказал: «Иван, веди меня на гроб
Царевича Димитрия». И мальчик
Повел меня — и только перед гробом
Я тихую молитву сотворил,
Глаза мои прозрели; я увидёл
И божий свет, и внука, и могилку.
Вот, государь, что мне поведал старец.

Общее смущение. В продолжение сей речи Борис
несколько раз отирает лицо платком.

Я посылаю тогда нарочно в Углич,
И сведано, что многие страдальцы
Спасение подобно обретали
У гробовой царевича доски.

Вот мой совет: во Кремль святыи мощи
Перенести, поставить их в соборе
Архангельском; народ увидит ясно
Тогда обман безбожного злодея,
И мощь бесов исчезнет яко прах.
Молчанье.

КНЯЗЬ ШУЙСКИЙ

Святыи отец, кто ведает пути
Всесвышнего? Не мне его судить.
Нетленный сон и силу чудотворства
Он может дать младенческим останкам,
Но надлежит народную молву
Исследовать прилежно и бесстрастно;
А в бурные ль смятений времена
Нам помышлять о столь великом деле?
Не скажут ли, что мы святыню дерзко
В делах мирских орудием творим?
Народ и так колеблется безумно,
И так уж есть довольно шумных толков:
Умы людей не время волновать
Нежданую, столь важной новизною.
Сам вижу я: необходимо слух,
Рассеянный расстригой, уничтожить;
Но есть на то иные средства — прощю. —
Так, государь — когда изволишь ты,
Я сам явлюсь на площади народной,
Уговорю, усовещу безумство
И злой обман бродяги обнаружу. —

ЦАРЬ

Да будет так! Владыко патриарх,
Прошу тебя пожаловать в палату:

Сегодня мне нужна твоя беседа.

Уходит. За ним и все бояре.

ОДИН БОЯРИН (тихо другому)
Заметил ты, как государь бледнел
И крупный пот с лица его закапал?

ДРУГОЙ

Я — признаюсь — не смел поднять очей,
Не смел вздохнуть, не только
шевелинуться.

ПЕРВЫЙ

А выручил князь Шуйский. Молодец! —

РАВНИНА БЛИЗ НОВГОРОДА-СЕВЕРСКОГО
(1604 года, 21 декабря)

Битва.

ВОИНЫ (бегут в беспорядке)
Беда, беда! Царевич! Ляхи! Вот они!
вот они!

Входят капитаны Маржерет и
Вальтер Розен.

МАРЖЕРЕТ

Куда, куда? Allons... пошоль назад!

ОДИН ИЗ БЕГЛЕЦОВ

Сам пошоль, коли есть охота, прокля-
тый басурман.

МАРЖЕРЕТ

Quoi? quoi?

ДРУГОЙ

Ква! ква! тебе любо, лягушка заморская,
квакать на русского царевича; а ведь мы
православные.

МАРЖЕРЕТ

Qu'est-ce à dire *pravoslavni*... *Sacrés*
gueux, *maudites canailles*! *Mordieu*, *meïa*.

Herr, j'enrage: on dirait que ça n'a pas des bras pour frapper, ça n'a que des jambes pour foutre le camp.

В. РОЗЕН

Es ist Schande.

МАРЖЕРЕТ

Ventre-saint-gris! Je ne bouge plus d'un pas — puisque le vin est tiré, il faut le boire. Qu'en dites vous, mein Herr?

В. РОЗЕН

Sie haben Recht.

МАРЖЕРЕТ

Tudieu, il y fait chaud! Ce diable de Samozvanetz, comme ils l'appellent, est un bougre qui a du poil au cul. Qu'en pensez vous, mein Herr?

В. РОЗЕН

Oh, ja!

МАРЖЕРЕТ

Hé! voyez donc, voyez donc! L'action s'engage sur les derrières de l'ennemi. Ce doit être le brave Basmanoff qui aurait fait une sortie.

В. РОЗЕН

Ich glaube das.

Входят немцы.

306

МАРЖЕРЕТ

Ha, ha! voici nos Allemands... Messieurs!.. Mein Herr, dites leur donc de se rallier et, sacrebleu, chargeons!

В. РОЗЕН

Sehr gut. Halt!

Немцы строятся.

Marsch!

НЕМЦЫ (идут)

Hilf Cott!

Сражение. Русские снова бегут.

ЛЯХИ

Победа! победа! Слава царю Димитрию.

ДИМИТРИЙ (верхом)

Ударять отбой! Мы победили. Довольно; шадите русскую кровь. Отбой!

Трубят, бьют барабаны.

ПЛОЩАДЬ ПЕРЕД СОБОРОМ В МОСКВЕ

Народ.

один

Скоро ли царь выйдет из собора?

другой

Обедня кончилась; теперь идет молебен.

первый

Что? уж проклинали того?

другой

Я стоял на паперти и слышал, как дьякон завопил: Гришка Отрепьев — анафема!

первый

Пускай себе проклинают; царевичу дела нет до Отрепьева.

другой

А царевичу поют теперь вечную память.

первый

Вечную память живому! Вот ужо им будет, безбожникам.

ТРЕТИЙ

Чу! шум. Не царь ли?

ЧЕТВЕРТЫЙ

Нет; это юродивый.

Входит юродивый в железной шапке, обвешанный веригами, окруженный мальчишками.

МАЛЬЧИШКИ

Николка, Николка — железный колпак! ..
тр р р р.....

СТАРУХА

Отвяжитесь, бесенята, от блаженного. —
Помолись, Николка, за меня грешную.

ЮРОДИВЫЙ

Дай, дай, дай копеечку.

СТАРУХА

Вот тебе копеечка; помани же меня.

ЮРОДИВЫЙ (*садится на землю и поет*)

Месяц светит,
Котенок плачет,
Юродивый, вставай,
Богу помолился!

Мальчишки окружают его снова.

ОДИН ИЗ НИХ

Здравствуй, Николка; что же ты шапке не снимаешь? (*Щелкает его по железной шапке*) Эх она звонит!

ЮРОДИВЫЙ

А у меня копеечка есть.

МАЛЬЧИШКА

Неправда! ну, покажи.

(Вырывает копеечку и убегает)

ЮРОДИВЫЙ *(плачет)*

Взяли мою копеечку; обижают Николку!

НАРОД

Царь, царь идет.

Царь выходит из собора. Боярши впереди раздает нищим милостыню. Бояре.

ЮРОДИВЫЙ

Борис, Борис! Николку дети обижают.

ЦАРЬ

Подать ему милостыню. О чем он плачет?

ЮРОДИВЫЙ

Николку маленькие дети обижают... Вели их зарезать, как зарезал ты маленького царевича.

БОЯРЕ

Поди прочь, дурак! схватите дурака!

ЦАРЬ

Оставьте его. Молись за меня, бедный Николка.

(Уходит)

ЮРОДИВЫЙ *(ему вслед)*

Нет, нет! нельзя молиться за царя Ирода — богородица не велит.

СЕВСК

Самозванец, окруженный своими.

САМОЗВАНЕЦ

Где пленный?

ЛЯХ

Здесь.

САМОЗВАНЕЦ

Позвать его ко мне.

Входит русский пленник.

Кто ты?

ПЛЕННИК

Рожнов, московский дворянин.

САМОЗВАНЕЦ

Давно ли ты на службе?

ПЛЕННИК

С месяц будет.

САМОЗВАНЕЦ

Не совестно, Рожнов, что на меня
Ты поднял меч?

ПЛЕННИК

Как быть, не наша воля.

САМОЗВАНЕЦ

Сражался ты под Северским? —

ПЛЕННИК

Я прибыл

Неделю две по битве из Москвы.

САМОЗВАНЕЦ

Что Годунов?

ПЛЕННИК

Он очень был встревожен

Потерею сражения и раной
Мстиславского, и Шуйского послал
Начальствовать над войском.

САМОЗВАНЕЦ

А зачем

Он отозвал Басманова в Москву?

ПЛЕННИК

Царь наградил его заслуги честью
И золотом. Басманов в царской Думе
Теперь сидит.

САМОЗВАНЕЦ

Он в войске был нужнее.

Ну, что в Москве?

ПЛЕННИК

Всё, слава богу, тихо.

САМОЗВАНЕЦ

Что? ждут меня?

ПЛЕННИК

Бог знает. О тебе

Там говорить не слишком нынче смеют.

Кому язык отрежут, а кому

И голову — такая право притча!

Что день, то казнь. Тюрьмы битком

набиты.

На площади, где человека три

Сойдутся — глядь — лагутчик уж и вьется,

А государь досужною порою

Доносчиков допрашивает сам.

Как раз беда; так лучше уж молчать.

САМОЗВАНЕЦ

Завидна жизнь Борисовых людей!

Ну, войско что?

ПЛЕННИК

Что с ним? одето, сыто,

Довольно всем.

САМОЗВАНЕЦ

Да много ли его?

ПЛЕННИК

Бог ведает.

САМОЗВАНЕЦ

А будет тысяч тридцать?

ПЛЕННИК

Да наберешь и тысяч пятьдесят.

Самозванец задумывается. Окружающие смотрят друг на друга.

САМОЗВАНЕЦ

Ну! обо мне как судят в вашем стане?

ПЛЕННИК

А говорят о милости твоей,
Что ты дескать (будь не во гнев) и вор,
А молодец.

САМОЗВАНЕЦ (смеясь)

Так это я на деле

Им докажу: друзья, не станем ждать

Мы Шуйского; я поздравляю вас:

На завтра бой.

(Уходит)

ВСЕ

Да здравствует Димитрий!

ЛЯХ

На завтра бой! их тысяч пятьдесят,

А нас всего едва ль пятнадцать тысячч.

С ума сошел.

Да отстегнуть подругу. Пусть на воле
Издохнет он.

Разуздывает и расседывает коня. Входят
несколько ляхов.

Здорово, господа.

Что ж Курбского не вижу между вами?
Я видел, как сегодня в гущу боя
Он врзался; тьмы сабель молодца,
Что зыбкие колосья, облепили;
Но меч его всех выше подымался,
А грозный клик все клики заглушал.
Где ж витязь мой?

Ля х

Он лег на поле смерти.

САМОЗВАНЕЦ

Честь храброму и мир его душе!
Как мало нас от битвы уделело.
Изменники! злодеи-запорожцы,
Проклятые! вы, вы сгубили нас —
Не выдержать и трех минут отпора!
Я их ужо! десятого повешу,
Разбойники! —

ПУШКИН

Кто там ни виноват,
Но все-таки мы начисто разбиты,
Истреблены.

САМОЗВАНЕЦ

А дело было наше;
Я было смял передовую рать —

Да немцы нас порядком отразили;
А молодцы! ей-богу, молодцы,
Люблю за то — из них — уж непременно
Составлю я почетную дружину.

ПУШКИН

А где-то нам сегодня почевать?

САМОЗВАНЕЦ

Да здесь в лесу. Чем это не ночлег?
Чем свет, мы в путь; к обеду будем
в Рыльске.

Спокойна ночь.

(Ложится, кладет седло под голову
и засыпает)

ПУШКИН

Приятный сон, царевич.
Разбитый в прах, спасаясь побегом,
Беспечен он, как глупое дитя:
Хранит его, конечно, провиденье;
И мы, друзья, не станем унывать.

МОСКВА. ЦАРСКИЕ ПАЛАТЫ

Борис, Басманов.

ЦАРЬ

Он побежден, какая польза в том?
Мы тщетною победой увенчались.
Он вновь собрал рассеянное войско
И нам со стен Путивля угрожает —
Что делают меж тем герои наши?
Стоят у Кром, где кучка казаков
Смеются им из-под гнилой ограды.
Вот слава! нет, я ими недоволен,
Пошлю тебя начальствовать над ними.
Не род, а ум поставлю в воеводы;
Пускай их спесь о местничестве тужит;
Пора презреть мне ропот знатной черни
И гибельный обычай уничтожить.

БАСМАНОВ

Ах, государь, стократ благословен
Тот будет день, когда разрядны книги
С раздорами, с гордыней родословной
Пожрет огонь.

ЦАРЬ

День этот недалек;
Лишь дай сперва смятение народа
Мне усмирить.

320

БАСМАНОВ

Что на него смотреть;
Всегда народ к смятению тайно склонен:
Так борзый конь грызет свои бразды;
На власть отца так отрок негодует;
Но что ж? конем спокойной всадник правит,
И отроком отец повелевает.

ЦАРЬ

Конь иногда сбивает седока,
Сын у отца не вечно в полной воле.
Лишь строгостью мы можем неусыпной
Сдержатъ народ. Так думал Иоани,
Смиритель бурь, разумный самодержец,
Так думал и — его свирепый внук,
Нет, милости не чувствует народ:
Твори добро — не скажет он спасибо,
Грабь и казни — тебе не будет хуже.

Входит боярин.

Что?

БОЯРИН

Привели гостей иноплеменных.

ЦАРЬ

Иду принять; Басманов, погоди.
Останься здесь: с тобой еще мне нужно
Поговорить.

(Уходит)

БАСМАНОВ

Высокий дух державный.
Дай бог ему с Огрьевым проклятым

21 А. Пушкин. т. III 321

Управиться, и много, много он
Еще добра в России сотворит.
Мысль важная в уме его родилась.
Не надобно ей дать остыть. Какое
Мне поприще откроется, когда
Он сломит рог боярству родовому!
Соперников во брани я не знаю;
У царского престола стану первый...
И может быть... Но что за чудный шум?

Тревога. Бояре, придворные служители
в беспорядке бегут, встречаются и шепчутся.

один

За лекарем!

другой

Скорее к патриарху!

третий

Царевича, царевича зовет!

четвертый

Духовника!

БАСМАНОВ

Что сделалось такое?

пятый

Царь занемог.

шестой

Царь умирает.

БАСМАНОВ

Боже!

пятый

На троне он сидел и вдруг упал —
Кровь хлынула из уст и из ушей.

Царя выносят на ступе; всё царское семейство,
все бояре.

ЦАРЬ

Подите все — оставьте одного
Царевича со мною.

(Все удаляются)

Умираю;

Обнимемся, прощай, мой сын: сейчас
Ты царствовать начнешь... о боже, боже!
Сейчас явлюсь перед тобой — и душу
Мне некогда очистить покаяньем.
Но чувствую — мой сын, ты мне дороже
Душевного спасенья... так и быть!
Я подданным рожден, и умереть
Мне подданным во мраке б надлежало;
Но я достиг верховной власти... чем?
Не спрашивай. Довольно; ты невинен,
Ты царствовать теперь по праву станешь,
А я за всё один отвечу богу...
О милый сын, не оболщайся ложно,
Не ослепляй себя ты добровольно.
В дни бурные державу ты приемлешь:
Опасен он, сей чудный самозванец,
Он именем ужасным ополчен...

Я, с давних лет в правленьи искушенный,
Мог удержать смятенье и мятеж;
Передо мной они дрожали в прахе;
Возвысить глас измена не дерзала —
Но ты младой, неопытный властитель,
Как управлять ты будешь под грозой,
Тушить мятеж, опутывать измену?
Но бог велик! Он умудряет юность,
Он слабости дарует силу... слушай:
Советника во-первых избери
Надежного, холодных, зрелых лет,
Любимого народом — а в боярах
Почтенного породой или славой —
Хоть Шуйского. Для войска нынче нужен
Искусный вождь: Басманова пошли
И с твердостью снеси боярский ропот.
Ты с малых лет сидел со мною в Думе,
Ты знаешь ход державного правленья;
Не изменяй теченья дел. Привычка
Душа держав. Я ныне должен был
Восстановить опалы, казни — можешь
Их отменить; тебя благословят,
Так твоего благословляли дядю,
Когда престол он Грозного приал.
Современем и понемногу снова
Затягивай державные бразды.
Теперь ослабь, из рук не выпуская...
Будь милостив, доступен к иноземцам,
Доверчиво их службу принимай.
Со строгостью храни устав церковный;
Будь молчалив; не должен царский голос
На воздухе теряться попустому;
Как звон святой, он должен лишь вещать

Велику скорбь или великий праздник.
О милый сын, ты входишь в те лета,
Когда нам кровь волнует женский лик.
Храни, храни святую чистоту
Невинности и гордую стыдливость:
Кто чувствами в порочных наслажденьях
В молодые дни привыкнул утопать,
Тот, возмужав, угрюм и кровожаден,
Ум его безвременно темнеет.
В семье своей будь всегда главою;
Мать почитай — но властвуй сам собою —
Ты муж и царь — люби свою сестру —
Ты ей один хранитель остаешься.

ФЕОДОР (на коленях)

Нет, нет — живи и царствуй долговечно;
Народ и мы погибли без тебя.

ЦАРЬ

Всё кончено — глаза мои темнеют,
Я чувствую могильный хлад...

Входит патриарх, святители, за ними
все бояре. Царицу ведут под руки,
царевна рыдает.

Кто там?

А! схима... так! святое пострижение....
Ударил час, в монахи царь идет —
И темный гроб моею будет кельей....
Повремени, владыко патриарх,
Я царь еще: внемлите вы, бояре:
Се тот, кому приказываю царство;
Целуйте крест Феодору... Басманов,

Друзья мои... при гробе вас молю
Ему служить усердием и правдой!
Он так еще и млад и непорочен.
Клянетесь ли?

БОЯРЕ
Клянемся.

ЦАРЬ
Я доволен.
Простите ж мне соблазны и грехи
И вольные и тайные обиды....
Святой отец, приближься, я готов.

Начинается обряд пострижения. Женщин
в обмороке выносят.

СТАВКА

Басманов вводит Пушкина.

БАСМАНОВ

Войди сюда и говори свободно.
Итак тебя ко мне он посылает?

ПУШКИН

Тебе свою он дружбу предлагает
И первый сан по нем в московском
царстве.

БАСМАНОВ

Но я и так Феодором высоко
Уж вознесен, начальствую над войском:
Он для меня презрел и чин разрядный,
И гнев бояр — я присягал ему.

ПУШКИН

Ты присягал наследнику престола
Законному; но если жив другой,
Законнейший?...

БАСМАНОВ

Послушай, Пушкин, полно,
Пустого мне не говори; я знаю,
Кто он такой.

ПУШКИН

Россия и Литва

Димитрием давно его признали,
Но впрочем я за это не стою.
Быть может, он Димитрий настоящий,
Быть может, он и самозванец. Только
Я ведаю, что рано или поздно
Ему Москву уступит сын Борисов.

БАСМАНОВ

Пока стою за юного царя,
Дотоле он престола не оставит;
Полков у нас довольно, слава богу!
Победою я их одушевлею,
А вы, кого против меня пошлете?..
Не казака ль Карелу? али Мнишка?
Да много ль вас, всего-то восемь тысяч.

ПУШКИН

Ошибся ты: и тех не наберешь.
Я сам скажу, что войско наше дрянь,
Что казаки лишь только селы грабят,
Что поляки лишь хвастают, да пьют,
А русские.... да что и говорить...
Перед тобой не стану я лукавить;
Но знаешь ли, чем сильны мы, Басманов?
Не войском, нет, не польскою помощью,
А мнением; да! мнением народным.
Димитрия ты помнишь торжество
И мирные его завоеванья,
Когда везде без выстрела ему
Послушные сдавались города,
А воевод упрямых чернь вязала?

328

Ты видел сам: охотно ль ваши рати
Сражались с ним; когда же? при Борисе!
А нынче ль?... нет, Басманов, поздно
спорить

И раздувать холодный пепел брани:
Со всем твоим умом и твердой волей
Не устоишь; не лучше ли тебе
Дать первому пример благоразумный,
Димитрия царем провозгласить
И тем ему навеки удружить? —
Как думаешь?

БАСМАНОВ

Узнаете вы завтра.

ПУШКИН

Решись.

БАСМАНОВ

Прощай.

ПУШКИН

Подумай же, Басманов.
(Уходит)

БАСМАНОВ

Он прав, он прав; везде измена зреет —
Что делать мне? Ужели буду ждать,
Чтоб и меня бунтовщики связали
И выдали Отрепьеву? Не лучше ль
Предупредить разрыв потока бурный,
И самому..... Но изменить присяге!

329

Но заслужить бесчестье в род и род!
Доверенность молодого венценосца
Предательством ужасным заплатить...
Опальному изгнаннику легко
Обдумывать мятеж и заговор —
Но мне ли, мне ль, любимцу государя...
Но смерть... но власть... Но бедствия
народны...

(Задумывается)

Сюда! кто там? *(Свищет)* Коня! трубите
сбор.

ЛЮБНОЕ МЕСТО

Пушкин идет, окруженный народом.

НАРОД

Царевич нам боярина послал.
Послушаем, что скажет нам боярин.
Сюда! сюда!

ПУШКИН *(на амвоне)*

Московские граждане,
Вам кланяться царевич приказал

(Кланяется)

Вы знаете, как промысел небесный
Царевича от рук убийцы спас;
Он шел казнить злодея своего,
Но божий суд уж поразил Бориса.
Димитрию Россия покорилась:
Басманов сам с раскаяньем усердным
Свои полки привел ему к присяге.
Димитрий к вам идет с любовью, с
миром.

В угоду ли семейству Годуновых
Подымете вы руку на царя
Законного, на внука Мономаха?

НАРОД

Вестимо, нет.

ПУШКИН

Московские граждане!

Мир ведает, сколь много вы терпели
 Под властью жестокого пришельца:
 Опалу, казнь, бесчестие, налоги,
 И труд, и глад — всё испытали вы.
 Димитрий же вас жаловать намерен,
 Бояр, дворян, людей приказных, ратных,
 Гостей, купцов — и весь честной народ.
 Вы ль станете упрямыться безумно
 И милостей кичливо убежать?
 Но он идет на царственный престол
 Своих отцов — в сопровожденьи грезном
 Не гневайте ж царя и бойтесь бога.
 Целуйте крест законному владыке;
 Смиритесь, немедленно пошлите
 К Димитрию во стан митрополита,
 Бояр, дьяков и выборных людей,
 Да бьют челом отцу и государю.

Сходит. Шум народный.

НАРОД

Что толковать? Боярин правду молвил.
 Да здравствует Димитрий, наш отец!

МУЖИК НА АМВОНЕ

Народ, народ! в Кремль! в царские палаты!
 Ступай, вязать Борисова щенка!

НАРОД (несется толпою)

Вязать! топить! Да дравствует Димитрий!
 Да гибнет род Бориса Годунова!

КРЕМЛЬ. ДОМ БОРИСОВ. СТРАЖА
У КРЫЛЬЦА

Феодор под окном.

НИЩИЙ

Дайте милостыню, Христа ради!

СТРАЖА

Поди прочь, не велено говорить с заключенными.

ФЕОДОР

Поди, старик, я беднее тебя, ты на воле. Ксения под покрывалом подходит также к окну.

ОДИН ИЗ НАРОДА

Брат да сестра! бедные дети, что пташки в клетке.

ДРУГОЙ

Есть о ком жалеть? Проклятое племя!

ПЕРВЫЙ

Отец был злодей, а детки невинны.

ДРУГОЙ

Яблоко от яблони недалеко падает.

КСЕНИЯ

Братец, братец, кажется, к нам бояре идут.

ФЕОДОР

Это Голицыны, Мосальский. Другие мне незнакомы.

КСЕНИЯ

Ах, братец, сердце замирает!

Голицыны, Мосальский, Молчанов и Шереметевы. За ними трое стрельцов.

НАРОД

Расступитесь, расступитесь. Бояре идут. Они входят в дом.

ОДИН ИЗ НАРОДА

Зачем они пришли?

ДРУГОЙ

А верно приводить к присяге Феодора Годунова. —

ТРЕТИЙ

В самом деле? — слышишь, какой в доме шум! Тревога. дерутся...

НАРОД

Слышишь? визг! — это женский голос — взойдем! — Двери заперты — крики замолкли.

Отворяются двери. Мосальский является на крыльце.

МОСАЛЬСКИЙ

Народ! Мария Годунова и сын ее Федор отравили себя ядом. Мы видели их мертвые трупы.

Народ в ужасе молчит.

Что ж вы молчите? кричите: да здравствует царь Димитрий Иванович!

Народ безмолвствует.

СЦЕНЫ, ИСКЛЮЧЕННЫЕ ИЗ ОТДЕЛЬНОГО
ИЗДАНИЯ «БОРИСА ГОДУНОВА» 1831 г.

I

ОГРАДА МОНАСТЫРЯ*

Григорий и злой Чернец.

ГРИГОРИЙ

Что за скука, что за горе наше бедное
жизнь!
День приходит, день проходит — видно,
слышно всё одно:
Только видишь черныя рясы, только
слышишь колокол,
Днем, зевая, бродишь, бродишь; делать
нечего — соснешь;
Ночью долгою до света всё не спится
чернецу.
Сном забудешься, так душу грезы черные
мутят:
Рад, что в колокол ударят, что разбьют
костылем.

* После сцены «Ночь. Келья в Чудовом монастыре».

Нет, не вытерплю! нет мочи. Через ограду
да бегом.
Мир велик: мне путь дорога на четыре
стороны,
Поминай как звали.

ЧЕРНЕЦ

Правда: ваше горькое
жизнь,
Вы разгульные, лихие, молодые чернецы.

ГРИГОРИЙ

Хоть бы хан опять нагрянул! хоть Литва
бы поднялась!
Так и быть! пошел бы с ними перевестаться
мечем.

Что, когда бы наш царевич из могилы вдруг
воскрес
И вскричал: А где вы, дети, слуги верные
мой?

Вы подите на Бориса, на злодея моего,
Изловите супостата, приведите мне его!..

ЧЕРНЕЦ

Полно! не болтай пустоگو: мертвых нам не
воскресить!
Нет, царевичу иное, видно, было суждено —
Но послушай: если дело затевать, так
затевать...

ГРИГОРИЙ

Что такое?

ЧЕРНЕЦ

Если б я был так же молод, как
и ты

Если б ус не пробивала уж лихая седина...
Понимаешь?

ГРИГОРИЙ

Нет, нисколько.

ЧЕРНЕЦ

Слушай: глупый наш народ
Легковерен: рад удивиться чудесам и новизне;
А бояре в Годунове помнят равного себе;
Племя древнего Варяга и теперь любезно
всем.
Ты царевичу ровесник... если ты хитер и
тверд...
Понимаешь?

Молчание.

ГРИГОРИЙ

Понимаю.

ЧЕРНЕЦ

Что же скажешь?

ГРИГОРИЙ

Решено!

Я — Дмитрий, я — царевич.

ЧЕРНЕЦ

Дай мне руку: будешь царь.

ЗАМОК ВОЕВОДЫ МНИШКА В САМБОРЕ*

Уборная Марины.

Марина, Рузя убирает ее, служанки.

МАРИНА (перед зеркалом)

Ну, что ж? готово ли? нельзя ли
поспешить?

РУЗЯ

Позвольте: наперед решите выбор трудный.
Что вы наденете, жемчужную ли нить
Иль полумесяц изумрудный?

МАРИНА

Алмазный мой венец.

РУЗЯ

Прекрасно! помните? его вы надевали,
Когда изволили вы съездить во дворец,
На бале, говорят, как солнце вы блистали.
Мужчины ахали, красавицы шептали...
В то время, кажется, вас видел в первый раз

Хоткевич молодой, что после застрелился.

А точно, говорят: на вас

Кто ни взглянул, тут и влюбился.

МАРИНА

Нельзя ли поскорей.

* После сцены «Краков. Дом Вишневецкого».

РУЗЯ

Сейчас.

Сегодня ваш отец надеется на вас.

Царевич видел вас недаром,
Не мог он утаить восторга своего,
Уж ранен он; так надобно его
Сразить решительным ударом.

А точно, панна, он влюблен.
Вот месяц, как, оставя Краков,
Забыв войну, московский трон,
В гостях у нас пирует он
И бесит русских и поляков.

Ах, боже мой! дождусь ли дня?..

Не правда ли? когда в свою столицу
Димитрий повезет московскую царицу,
Вы не оставите меня?

МАРИНА

Ты разве думаешь — царицей буду я?

РУЗЯ

А кто ж, когда не вы? кто смеет

красотою

Равняться здесь с моею госпожою?

Род Мнишков — ничьему еще не уступал;

Умом — превыше вы похвал...
Счастлив, кого ваш взор внимастья

удостоит,

Кто сердца вашего любовь себе

присвоит —

Кто б ни был он, хоть наш король

Или французский королевич —

Не только нищий ваш царевич,
Бог весть какой, бог весть отколь.

МАРИНА

Он точно царский сын и признаи целым
светом.

РУЗЯ

А всё ж он был прошедшею зимой
У Вишневецкого слугой.

МАРИНА

Скрывался он.

РУЗЯ

Не спорю я об этом —
А только знаете ли вы,
Что говорят о нем в народе?
Что будто он дьячок, бежавший из Москвы
Известный плут в своем приходе.

МАРИНА

Какие глупости!

РУЗЯ

О я не верю им —
Я только говорю, что должен он конечно
Благословлять еще судьбу, когда сердечно
Вы предпочли его другим.

СЛУЖАНКА (вбегает)

Уж гости съехались.

МАРИНА

Вот видишь: ты до света
Готова пустяки болтать,
А между тем я не одета...

РУЗЯ

Сейчас, готово всё.

Служанки суетятся.

МАРИНА

Мне должно всё узнать.

СКУПОЙ РЫЦАРЬ

(Сцены из Честоновой трагикомедии:
The covetous Knight).

СЦЕНА I

В башне.

Альбер и Иван.

АЛЬБЕР

Во что бы то ни стало, на турнире
Являюсь я. Покажи мне шлем, Иван.

Иван подает ему шлем.

Пробит насквозь, испорчен. Невозможно
Его надеть. Достать мне надо новый.
Какой удар! проклятый граф Делорж!

ИВАН

И вы ему порядком отплатили;
Как из стремян вы вышибли его,
Он сутки замертво лежал — и вряд ли
Оправился.

АЛЬБЕР

А всё ж он не в убытке;
Его нагрудник цел венецианский,

А грудь своя: гроша ему не стоит;
Другой себе не станет покупать.
Зачем с него не снял я шлема тут же!
А снял бы я, когда б не было стыдно!
Мне дам и герцога. Проклятый граф!
Он лучше бы мне голову пробил.
И платье нужно мне. В последний раз
Все рыцари сидели тут в атласе.
Да бархате; я в латах был один
За герцогским столом. Отговорился
Я тем, что на турнир попал случайно.
А нынче что скажу? О бедность, бедность!
Как унижает сердце нам она!
Когда Делорж копьём своим тяжелым
Пробил мне шлем и мимо проскакал,
А я с открытой головой пришпорил
Эмира моего, помчался вихрем
И бросил графа на двадцать шагов
Как маленького пажика; как все дамы
Привстали с мест, когда сама Клотильда,
Закрыв лицо, невольно закричала,
И славили герольды мой удар:
Тогда никто не думал о причине
И храбрости моей и силы дивной!
Взбесился я за поврежденный шлем.
Геройству что виною было? — скупость —
Да! заразиться здесь нетрудно ею
Под кровлею одной с моим отцом.
Что бедный мой Эмир?

ИВАН

Он всё хромает.
Вам выскать на нем еще нельзя.

Всё рыцарям усердно помогая.
Никто не платит. Вас хотел просить,
Не можете ль хоть часть отдать...

А Л Ь Б Е Р

Разбойник!
Да если б у меня водились деньги,
С тобою стал ли б я возиться? Полно,
Не будь упрям, мой милый Соломон;
Давай червонцы. Высыпи мне сотню,
Пока тебя не обыскали

Ж И Д

Сотню!
Когда б имел я сто червонцев!

А Л Ь Б Е Р

Слушай:
Не стыдно ли тебе своих друзей
Не вырывать?

Ж И Д

Клянусь вам...

А Л Ь Б Е Р

Полно, полно.
Ты требуешь заклада! что за вздор!
Что дам тебе в заклад? свиную кожу?
Когда б я мог что заложить, давно
Уж продал бы. Иль рыцарского слова
Тебе, собака, мало?

348

Ж И Д

Ваше слово,
Пока вы живы, много, много значит.
Все сундуки фламандских богачей
Как талисман оно вам отопрет.
Но если вы его передадите
Мне, бедному еврею, а меж тем
Умрете (боже сохрани), тогда
В моих руках оно подобно будет
Ключу от брошенной шкатулки в море.

А Л Ь Б Е Р

Ужель отец меня переживет?

Ж И Д

Как знать? дни наши сочтены не нами;
Цвел юноша вечер, а нынче умер,
И вот его четыре старика
Несут на сгорбленных плечах в могилу.
Барон здоров. Бог даст — лет десять,
двадцать
И двадцать пять и тридцать проживет он.

А Л Ь Б Е Р

Ты врешь, еврей: да через тридцать лет
Мне стукнет пятьдесят, тогда и деньги
На что мне пригодятся?

Ж И Д

Деньги? — Деньги
Всегда, во всякий возраст нам пригодны;
Но юноша в них ищет слуг проворных

349

И не жалея шлет туда, сюда.
Старик же видит в них друзей надежных
И бережет их как зеницу ока.

АЛЬБЕР

О! мой отец не слуг и не друзей
В них видит, а господ; и сам им служит,
И как же служит? как алжирский раб,
Как пес цепной. В нетопленной конуре
Живет, пьет воду, ест сухие корки,
Всю ночь не спит, всё бегаёт да лает —
А золото спокойно в сундуках
Лежит себе. Молчи! когда-нибудь
Оно послужит мне, лежать забудет.

ЖИД

Да, на бароновых похоронах
Прольется больше денег, нежели слез.
Пошли вам бог скорей наследство.

АЛЬБЕР

Амен!

ЖИД

А можно б...

АЛЬБЕР

Что?

ЖИД

Так, думал я, что средство
Такое есть...

АЛЬБЕР

Какое средство?

ЖИД

Так —

Есть у меня знакомый старичок,
Еврей, аптекарь бедный...

АЛЬБЕР

Ростовщик

Такой же как и ты, или почестнее?

ЖИД

Нет, рыцарь, Товий торг ведет иной —
Он составляет капли... право, чудно,
Как действуют они.

АЛЬБЕР

А что мне в них?

ЖИД

В стакан воды подлить... трех капель
будет,
Ни вкуса в них, ни цвета не заметно;
А человек без рези в животе,
Без тошноты, без боли умирает.

АЛЬБЕР

Твой старичок торгует ядом.

жид

Да —

И ядом.

АЛБЕР

Что ж? займы на место денег
Ты мне предложишь склянок двести яду
За склянку по червонцу. Так ли, что ли?

жид

Смеяться вам угодно надо мною —
Нет; я хотел... быть может, вы... я
думал,
Что уж барону время умереть.

АЛБЕР

Как! отравить отца! и смел ты сыну...
Иван! держи его. И смел ты мне!..
Да знаешь ли, жидовская душа,
Собака, змей! что я тебя сейчас же
На воротах повешу.

жид

Виноват!
Простите: я шутил.

АЛБЕР

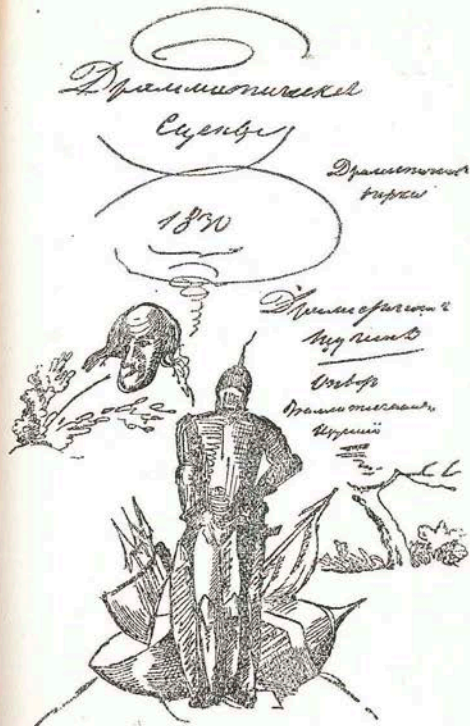
Иван, веревку.

жид

Я... я шутил. Я деньги вам принес.

АЛБЕР

Вон, пес!

Наброски заглавного листа к «Драматическим сценкам»

Жид уходит.

Вот до чего меня доводит
Отца родного скупость! Жид мне смел
Что предложить! Дай мне стакан вина,
Я весь дрожу... Иван, однако ж деньги
Мне нужны. Сбегай за жидом проклятым,
Возьми его червонцы. Да сюда
Мне принеси чернильницу. Я плуту
Расписку дам. Да не вводи сюда
Иуду этого... Иль нет, постой,
Его червонцы будут пахнуть ядом,
Как сребренники пращура его...
Я спрашивал вина.

ИВАН

У нас вина —
Ни капли нет.

АЛЬБЕР

А то, что мне прислал
В подарок из Испании Ремон?

ИВАН

Вечор я снес последнюю бутылку
Больному кузнецу.

АЛЬБЕР

Да, помню, знаю...
Так дай воды. Проклятое житье!
Нет, решено — пойду искать управы
У герцога: пускай отца заставят
Меня держать как сына, не как мышь,
Рожденную в подполье.

СЦЕНА II

Подвал.

БАРОН

Как молодой повеса ждет свиданья
 С какой-нибудь развратницей лукавой,
 Иль дурой, им обманутой, так я
 Весь день минуты ждал, когда сойду
 В подвал мой тайный, к верным сундукам.
 Счастливым день! могу сегодня я
 В шестой сундук (в сундук еще неполный)
 Горсть золота накопленного всыпать.
 Не много кажется, но понемногу
 Сокровища растут. Читая я где-то,
 Что царь однажды воинам своим
 Велел снести земли по горсти в кучу,
 И гордый холм возвысился — и царь
 Мог с вышины с весельем озирать
 И дол, покрытый белыми шатрами,
 И море, где бежали корабли.
 Так я, по горсти бедной принося
 Привычну дань мою сюда в подвал,
 Вознес мой холм — и с высоты его
 Могу взирать на всё, что мне подвластно.
 Что не подвластно мне? как некий демон
 Отселе править миром я могу;

Лишь захочу — воздвигнутся чертоги;
 В великолепные мои сады
 Сбегутся Нимфы резвою толпою;
 И Музы дань свою мне принесут,
 И вольный Гений мне пороботится,
 И Добродетель и бессонный Труд
 Смирненно будут ждать моей награды.
 Я свистну, и ко мне послушно, робко
 Вползет окровавленное Злодейство,
 И руку будет мне лизать, и в очи
 Смотреть, в них знак моей читая воли.
 Мне всё послушно, я же — ничему;
 Я выше всех желаний; я спокоен;
 Я знаю мощь мою: с меня довольно
 Сего сознанья...

(Смотрит на свое золото)

Кажется не много,
 А скольких человеческих забот,
 Обманов, слез, молений и проклятий
 Оно тяжеловесный представитель!
 Тут есть дублон старинный... вот он.

Ниче

Вдова мне отдала его, но прежде
 С тремя детьми полдня перед окном
 Она стояла на коленях моя.
 Шел дождь, и перестал, и вновь пошел,
 Притворщица не трогалась; я мог бы
 Ее прогнать, но что-то мне шептало,
 Что мужнин долг она мне принесла,
 И не захочет завтра быть в тюрьме.
 А этот? этот мне принес Тибо —
 Где было взять ему ленивцу, плуту?

Украд конечно; или, может быть,
Там на большой дороге, ночью, в роше...
Да! если бы все слезы, кровь и пот,
Пролитые за всё, что здесь хранится,
Из недр земных все выступили вдруг,
То был бы вновь потоп — я захлебнулся б
В моих подвалах верных. Но пора.

(Хочет отпереть сундук)

Я каждый раз, когда хочу сундук
Мой отпереть, впадаю в жар и трепет.
Не страх (о, нет! кого бояться мне?
При мне мой меч, за злато отвечает
Честной булат), но сердце мне теснит
Какое-то неведомое чувство...
Нас уверяют медики: есть люди,
В убийстве находящие приятность
Когда я ключ в замок влагаю, то же
Я чувствую, что чувствовать должны
Они, вонзая в жертву нож: приятно
И страшно вместе.

(Отпирает сундук)

Вот мое блаженство!

(Всыпает деньги)

Ступайте, полно вам по свету рыскать,
Служа страстям и нуждам человека.
Усните здесь сном силы и покоя,
Как боги спят в глубоких небесах...
Хочу себе сегодня пир устроить:
Зажгу свечу пред каждым сундуком,
И все их отопру, и стану сам
Средь них глядеть на блещущие груды.

*(Зажигает свечи и отпирает сундуки
один за другим)*

Я царствую! — — — Какой волшебный
блеск!

Послушна мне, сильна моя держава;
В ней счастье, в ней честь моя и слава!
Я царствую — — — но кто вослед за мной
Примет власть над нею? Мой наследник!
Безумец, расточитель молодой,
Развратников разгульных собеседник!
Едва умру, он, он! сойдет сюда
Под эти мирные, немые своды
С толпой ласкателей, придворных жадных.
Украд ключи у трупа моего,
Он сундуки со смехом отопрет.
И потекут сокровища мои
В атласные, дыравые карманы.
Он разобьет священные сосуды,
Он грязь елеем царским напоит —
Он расточит... А по какому праву?
Мне разве даром это всё досталось,
Или шутя, как игроку, который
Гремит костями, да груды загребает?
Кто знает, сколько горьких воздержаний,
Обузданных страстей, тяжелых дум,
Дневных забот, ночей бессонных мне
Всё это стоило? Иль скажет сын,
Что сердце у меня обросло мохом,
Что я не знал желаний, что меня
И совесть никогда не грызла, совесть,
Когтистый зверь, скребуший сердце, совесть,
Незванный гость, докучный собеседник,

Займодавец грубый, эта ведьма,
От коей меркнет месяц и могилы
Смущаются и мертвых высылают?..
Нет, выстрадай сперва себе богатство,
А там посмотрим, станет ли несчастный
То расточать, что кровью приобрел.
О, если б мог от взоров недостойных
Я скрыть подвал! о, если б из могилы
Придти я мог, сторожевою тенью
Сидеть на сундуке и от живых
Сокровища мои хранить как ныне!...

СЦЕНА III

Во дворце.

Альбер, Герцог.

АЛЬБЕР

Поверьте, государь, терпел я долго
Стыд горькой бедности. Когда б не
крайность,
Вы б жалобы моей не услышали.

ГЕРЦОГ

Я верю, верю: благородный рыцарь,
Таков как вы, отца не обвинит
Без крайности. Таких развратных мало...
Спокойны будьте: вашего отца
Усовещу наедине, без шуму.
Я жду его. Давно мы не видались.
Он был друг деду моему. Я помню
Когда я был еще ребенком, он
Меня сажал на своего коня
И покрывал своим тяжелым шлемом
Как будто колоколом. —

(Смотрит в окно)

Это кто?

Не он ли?

АЛБЕР

Так, он, государь.

ГЕРЦОГ

Подите ж

В ту комнату. Я кликну вас.

А л ь б е р уходит; входит барон.

Барон,

Я рад вас видеть бодрым и здоровым.

БАРОН

Я счастлив, государь, что в силах был
По приказанью вашему явиться.

ГЕРЦОГ

Давно, барон, давно расстались мы.
Вы помните меня?

БАРОН

Я, государь?

Я как теперь вас вижу. О, вы были
Ребенок резвый. — Мне покойный герцог
Говаривал: Филипп (он звал меня
Всегда Филиппом), что ты скажешь? а?
Лет через двадцать, право, ты да я,
Мы будем глупы перед этим малым...
Пред вами то есть.

ГЕРЦОГ

Мы теперь знакомство
Возобновим. Вы двор забыли мой.

360

БАРОН

Стар, государь, я нынче: при дворе
Что делать мне? Вы молоды; вам любви
Турниры, праздники. А я на них
Уж не гожусь. Бог даст войну, так я
Готов, крихти, взлезть снова на коня;
Еще достанет силы старый меч
За вас рукой дрожащей обнажить.

ГЕРЦОГ

Барон, усердье ваше нам известно;
Вы деду были другом; мой отец
Вас уважал. И я всегда считал
Вас верным, храбрым рыцарем — но
сядем.

У вас, барон, есть дети?

БАРОН

Сын один.

ГЕРЦОГ

Зачем его я при себе не вижу?
Вам двор наскучил, но ему прилично
В его летах и званьи быть при нас.

БАРОН

Мой сын не любит шумной, светской
жизни;
Он дикого и сумрачного права —
Вкруг замка по лесам он вечно бродит
Как молодой олень.

361

ГЕРЦОГ

Не хорошо
Ему дичиться. Мы тотчас приучим
Его к весельям, к балам и турнирам.
Пришлите мне его; назначьте сыну
Приличное по званию содержание...
Вы хмуритесь, устали вы с дороги,
Быть может.

БАРОН

Государь, я не устал;
Но вы меня смутили. Перед вами
Я б не хотел сознаться, но меня
Вы принуждаете сказать о сыне
То, что желал от вас бы утаить.
Он, государь, к несчастью, недостоин
Ни милостей, ни вашего вниманья.
Он молодость свою проводит в буйстве,
В пороках низких...

ГЕРЦОГ

Это потому,
Барон, что он один. Уединенье
И праздность губят молодых людей.
Пришлите к нам его: он позабудет
Привычки, зарожденные в глуши.

БАРОН

Простите мне, но право, государь,
Я согласиться не могу на это...

ГЕРЦОГ

Но почему ж?

362

БАРОН

Увольте старика...

ГЕРЦОГ

Я требую: откройте мне причину
Отказа вашего.

БАРОН

На сына я

Сердит.

ГЕРЦОГ

За что?

БАРОН

За злое преступленье.

ГЕРЦОГ

А в чем оно, скажите, состоит?

БАРОН

Увольте, герцог...

ГЕРЦОГ

Это очень странно,
Или вам стыдно за него?

БАРОН

Да... стыдно...

ГЕРЦОГ

Но что же сделал он?

363

БАРОН

Он... он меня
Хотел убить.

ГЕРЦОГ

Убить! так я суду
Его предам, как черного злодея.

БАРОН

Доказывать не стану я, хоть знаю,
Что точно смерти жаждет он моей,
Хоть знаю то, что покушался он
Меня....

ГЕРЦОГ

Что?

БАРОН

Обокрасть.
Альбер бросается в комнату.

АЛЬБЕР

Барон, вы лжете.

ГЕРЦОГ (сыну)

Как смели вы?..

БАРОН

Ты здесь! ты, ты мне смел!..
Ты мог отцу такое слово молвить!..
Я лгу! и перед нашим государем!..
Мне, мне... иль уж не рыцарь я?

АЛЬБЕР

Вы лжед-

БАРОН

И гром еще не грянул, боже правый!
Так подыми ж, и меч нас рассуди!
Бросает перчатку, сын поспешно ее подымает.

АЛЬБЕР

Благодарю. Вот первый дар отца.

ГЕРЦОГ

Что видел я? что было предо мною?
Сын принял вызов старого отца!
В какие дни надел я на себя
Цепь герцогов! Молчите: ты, безумец,
И ты, тигренок! Полно. (Сыну) Бросьте это:
Отдайте мне перчатку эту.

(Отымает ее)

АЛЬБЕР (a parte)

Жаль.

ГЕРЦОГ

Так и впился в нее когтями! — изверг!
Подите: на глаза мои не смейте
Являться до тех пор, пока я сам
Не призову вас.

Альбер выходит.

Вы, старик несчастный,
Не стыдно ль вам...

БАРОН

Простите, государь...
Стоять я не могу... мои колени
Слабеют... душно!... душно!... Где ключи?
Ключи, ключи мои!...

ГЕРЦОГ

Он умер. Боже!
Ужасный век, ужасные сердца!

МОЦАРТ И САЛЬЕРИ

СЦЕНА I

Комната.

САЛЬЕРИ

Все говорят: нет правды на земле.
Но правды нет — и выше. Для меня
Так это ясно, как простая гамма.
Родился я с любовью к искусству;
Ребенком будучи, когда высоко
Звучал орган в старинной церкви нашей,
Я слушал и заслушивался — слезы
Невольные и сладкие текли.
Отверг я рано праздные забавы;
Науки, чуждые музыке, были
Постылы мне; упрямо и надменно
От них отрекся я и предался
Одной музыке. Труден первый шаг
И скучен первый путь. Преодолея
Я ранние невзгоды. Ремесло
Поставил я подножием искусству;
Я сделался ремесленник: перстам
Придал послушную, сухую беглость
И верность уху. Звуки умертвив,
Музыку я разъял, как труп. Поверив
Я алгеброй гармонии. Тогда

Уже дерзнул, в науке искушенный,
Предаться неге творческой мечты.
Я стал творить; но в тишине, но в тайне,
Не смея помышлять еще о славе.
Нередко, просидев в безмолвной келье
Два, три дня, позабыв и сон и пищу,
Вкусив восторг и слезы вдохновенья,
Я жег мой труд и холодно смотрел,
Как мысль моя и звуки, мной рожденны,
Пылая, с легким дымом исчезали.
Что говорю? Когда великий Глюк
Явился и открыл нам новы тайны
(Глубокие, пленительные тайны),
Не бросил ли я всё, что прежде знал,
Что так любил, чему так жарко верид,
И не пошел ли бодро вслед за ним
Безропотно, как тот, кто заблуждался
И встречным послан в сторону иную?
Усиленным, напряженным постоянством
Я наконец в искусстве безграничном
Достигнул степени высокой. Слава
Мне улыбнулась; я в сердцах людей
Нашел созвучия своим созданьям.
Я счастлив был: я наслаждался мирно
Своим трудом, успехом, славой; также
Трудами и успехами друзей,
Товарищей моих в искусстве дивном.
Нет! никогда я зависти не знал,
О, никогда! — ниже, когда Пиччини
Пленил умел слух диких парижан,
Ниже, когда услышал в первый раз
Я Ифигении начальные звуки.
Кто скажет, чтоб Сальери гордый был

Когда-нибудь завистником презренным,
Змеей, людьми растоптанною, вживе
Песок и пыль грызущею бессильно?
Никто!.. А ныне — сам скажу — я ныне
Завистник. Я завидую; глубоко,
Мучительно завидую. — О небо!
Где ж правота, когда священный дар,
Когда бессмертный гений — не в награду
Любви горящей, самоотверженья,
Трудов, усердия, молений послан —
А озаряет голову безумца,
Гуляки праздного?.. О Моцарт, Моцарт!

Входит Моцарт.

МОЦАРТ

Ага! увидел ты! а мне хотелось
Тебя нежданой шуткой угостить.

САЛЬЕРИ

Ты здесь! — Давно ль?

МОЦАРТ

Сейчас. Я шел к тебе,
Нес кое-что тебе я показать;
Но, проходя перед трактиром, вдруг
Услышал скрипку... Нет, мой друг, Сальери!
Смешнее от роду ты ничего
Не слыхивал... Слепой скрипач в трактире
Разыгрывал *voilà ça s'appelle*. Чудо!
Не вытерпел, привел я скрипача,
Чтоб угостить тебя его искусством.
Войди!

Входит слепой старик со скрипкой.

Из Моцарта нам что-нибудь!

Старик играет арию из Дон-Жуана; Моцарт хохочет.

САЛЬЕРИ

И ты смеяться можешь?

МОЦАРТ

Ах, Сальери!

Ужель и сам ты не смеешься?

САЛЬЕРИ

Нет.

Мне не смешно, когда маляр негодный
Мне пачкает Мадонну Рафаэля,
Мне не смешно, когда фигляр презренный
Пародией бесчестит Алигьери.
Пошел, старик.

МОЦАРТ

Постой же: вот тебе,
Пей за мое здоровье.

Старик уходит.

Ты, Сальери,
Не в духе нынче. Я приду к тебе
В другое время.

САЛЬЕРИ

Что ты мне принес?

МОЦАРТ

Нет — так; безделицу. Намедни ночью
Бессонница моя меня томилась,
И в голову пришли мне две, три мысли.
Сегодня их я набросал. Хотелось
Твое мне слышать мнение; но теперь
Тебе не до меня.

САЛЬЕРИ

Ах, Моцарт, Моцарт!

Когда же мне не до тебя? Садись;
Я слушаю.

МОЦАРТ (за фортепиано)

Представь себе... кого бы?

Ну, хоть меня — немного помоложе;
Влюбленного — не слишком, а слегка —
С красоткой, или с другом — хоть
с тобой, —
Я весел... Вдруг: виденье гробовое,
Незанный мрак, иль что-нибудь такое...
Ну, слушай же.

(Играет)

САЛЬЕРИ

Ты с этим шел ко мне
И мог остановиться у трактира
И слушать скрипача слепого! — Боже!
Ты, Моцарт, недостоин сам себя.

МОЦАРТ

Что ж, хорошо?

САЛЬЕРИ

Какая глубина!

Какая смелость и какая стройность!
Ты, Моцарт, бог, и сам того не знаешь;
Я знаю, я.

МОЦАРТ

Ба! право? может быть...
Но божество мое проголодалось.

САЛЬЕРИ

Послушай: отобедаем мы вместе
В трактире Золотого Льва.

МОЦАРТ

Пожалуй;
Я рад. Но дай, схожу домой, сказать
Жене, чтобы меня она к обеду
Не дожидалась.

(Уходит)

САЛЬЕРИ

Жду тебя; смотри ж.

Нет! не могу противиться я доле
Судьбе моей: я избран, чтоб его
Остановить — не то, мы все погибли,
Мы все, жрецы, служители музыки,
Не я один с моей глухою славой...
Что пользы, если Моцарт будет жив
И новой высоты еще достигнет?
Подымет ли он тем искусство? Нет;
Оно падет опять, как он исчезнет:

Наследника нам не оставит он.
Что пользы в нем? Как некий херувим,
Он несколько занес нам песен райских
Чтоб, возмущив бескрылое желанье
В нас, чадах праха, после улететь!
Так улетай же! чем скорей, тем лучше.

Вот яд, последний дар моей Изоры.
Осьмнадцать лет ношу его с собою —
И часто жизнь казалась мне с тех пор
Несносной раной, и сидел я часто
С врагом беспечным за одной трапезой
И никогда на шопот искушенья
Не преклонился я, хоть я не трус,
Хоть обиду чувствую глубоко,
Хоть мало жизнь люблю. Всё медлил я.
Как жажда смерти мучила меня,
Что умирать? я мнил: быть может, жизнь
Мне принесет незаные дары;
Быть может, посетит меня восторг
И творческая ночь и вдохновенье;
Быть может, новый Гайден сотворит
Великое — и наслажуся им...
Как пировал я с гостем ненавистным,
Быть может, мнил я, злейшего врага
Найду; быть может, злейшая обида
В меня с надменной грянет высоты —
Тогда не пропадешь ты, дар Изоры.
И я был прав! и наконец нашел
Я моего врага, и новый Гайден
Меня восторгом дивно упоил!
Теперь — пора! заветный дар любви,
Переходи сегодня в чашу дружбы.

СЦЕНА II

Особая комната в трактире; фортепиано. Моцарт и Сальери за столом.

САЛЬЕРИ

Что ты сегодня пасмурен?

МОЦАРТ

Я? Нет!

САЛЬЕРИ

Ты, верно, Моцарт, чем-нибудь расстроен?
Обед хороший, славное вино,
А ты молчишь и хмуришься.

МОЦАРТ

Признаться,

Мой Requiem меня тревожит.

САЛЬЕРИ

А!

Ты сочинишь Requiem? Давно ли?

МОЦАРТ

Давно, недели три. Но странный случай...
Не сказывал тебе я?

САЛЬЕРИ

Нет.

МОЦАРТ

Так слушай.

Недели три тому, пришел я поздно
Домой. Сказали мне, что заходил
За мною кто-то. Отчего — не знаю,
Всю ночь я думал: кто бы это был?
И что ему во мне? Назавтра тот же
Зашел и не застал опять меня.
На третий день играл я на полу
С моим мальчишкой. Кликнули меня;
Я вышел. Человек, одетый в черном,
Учтиво поклонившись, заказал
Мне Requiem и скрылся. Сел я тотчас
И стал писать — и с той поры за мною
Не приходил мой черный человек;
А я и рад: мне было б жаль расстаться
С моей работой, хоть совсем готов
Уж Requiem. Но между тем я...

САЛЬЕРИ

Что?

МОЦАРТ

Мне совестно признаться в этом...

САЛЬЕРИ

В чем же?

МОЦАРТ

Мне день и ночь покоя не дает
Мой черный человек. За мною всюду

Как тень он гонится. Вот и теперь
Мне кажется, он с нами сам-третей
Сидит.

САЛЬЕРИ

И, полно! что за страх ребячий?
Рассей пустую думу. Бомарше
Говаривал мне: «слушай, брат Сальери,
Как мысли черные к тебе придут,
Откупори шампанского бутылку,
Иль перечти Женитьбу Фигаро».

МОЦАРТ

Да! Бомарше ведь был тебе приятель;
Ты для него Тарара сочинил,
Вещь славную. Там есть один мотив...
Я всё твержу его, когда я счастлив...
Ла ла ла ла... Ах, правда ли, Сальери,
Что Бомарше кого-то отравил?

САЛЬЕРИ

Не думаю: он слишком был смешон
Для ремесла такого.

МОЦАРТ

Он же гений,
Как ты, да я. А гений и злодейство
Две вещи несовместные. Не правда ль?

САЛЬЕРИ

Ты думаешь?

(Бросает яд в стакан Моцарта)

Ну, пей же.

МОЦАРТ

За твое
Здоровье, друг, за искренний союз,
Связующий Моцарта и Сальери,
Двух сыновей гармонии.

(Пьет)

САЛЬЕРИ

Постой, постой!.. Ты выпил!.. без меня?

МОЦАРТ *(бросает салфетку на стол)*

Довольно, сыт я.

(Идет к фортепиано)

Слушай же, Сальери,

Мой Requiem.

(Играет)

Ты плачешь?

САЛЬЕРИ

Эти слезы
Впервые лью: и больно и приятно,
Как будто тяжкий совершил я долг,
Как будто нож целебный мне отсек
Страдавший член! Друг Моцарт, эти слезы...
Не замечай их. Продолжай, спеши
Еще наполнить звуками мне душу...

МОЦАРТ

Когда бы все так чувствовали силу
Гармонии! Но нет: тогда б не мог

И мир существовать; никто б не стал
Заботиться о нуждах низкой жизни;
Все предались бы вольному искусству,
Нас мало избранных, счастливых праздных,
Пренебрегающих презренной пользой,
Единого прекрасного жрецов.
Не правда ль? Но я нынче нездоров,
Мне что-то тяжело; пойду, засну.
Прощай же!

САЛЬЕРИ

До свиданья.

(Один)

Ты заснешь
Надолго, Моцарт! но ужель он прав,
И я не гений? Гений и злодейство
Две вещи несовместные. Неправда:
А Бонаротти? или это сказка
Тушой, бессмысленной толпы — и не был
Убийцею создатель Ватикана?

КАМЕННЫЙ ГОСТЬ

Leporello. O statua gentilissima
Del gran' Commendatore!...
... Ah, Padrone!

Don Giovanni.

СЦЕНА I

Дон Гуан и Лепорелло

ДОН ГУАН

Дождется ночи здесь. Ах, наконец
Достигли мы ворот Мадрита! скоро
Я полечу по улицам знакомым,
Усы плащом закрыв, а брови шляпой.
Как думаешь? узнать меня нельзя.

ЛЕПОРЕЛЛО

Да! Дон Гуана мудрено признать!
Таких как он такая бездна!

ДОН ГУАН

Шутишь?

Да кто ж меня узнает?

ЛЕПОРЕЛЛО

Первый сторож,

Гитана или пьяный музыкант,
Иль свой же брат нахальный кавалер
Со шпагою подмышкой и в плаще.

ДОН ГУАН

Что за беда хоть и узнают. Только б
Не встретился мне сам король. А
Я никого в Мадрите не боюсь.

ЛЕПОРЕЛЛО

А завтра же до короля дойдет,
Что дон Гуан из ссылки самовольно
В Мадрит явился — что тогда, скажите,
Он с вами сделает.

ДОН ГУАН

Пошел назал.
Уж верно головы мне не отрубят.
Ведь я не государственный преступник.
Меня он удалил, меня ж любя;
Чтобы меня оставила в покое
Семья убитого...

ЛЕПОРЕЛЛО

Ну то-то же!
Сидели б вы себе спокойно там.

ДОН ГУАН

Слуга покорный! я едва, едва
Не умер там со скуки. Что за люди,
Что за земля! А небо?.. точный дым.
А женщины? Да я не променяю,
Вот видишь ли, мой глупый Лепорелло,
Последней в Андалузии крестьянки
На первых тамошних красавиц — право.

Они сначала нравились мне
Глазами синими да белизною
Да скромностью — а пуще новизною;
Да слава богу скоро догадался —
Увидел я, что с ними грех и зняться —
В них жизни нет, всё куклы восковые;
А наши!... Но, послушай, это место
Знакомо нам; узнал ли ты его?

ЛЕПОРЕЛЛО

Как не узнать: Антоньев монастырь
Мне памятен. Езжали вы сюда,
А лошадей держал я в этой роще.
Проклятая, признаться, должность. Вы
Приятнее здесь время проводили —
Чем я, поверьте.

ДОН ГУАН (задумчиво)

Бедная Инеза!
Ее уж нет! как я любил ее!

ЛЕПОРЕЛЛО

Инеза! — черноглазую... о, помню.
Три месяца ухаживали вы
За ней; насилу-то помог лукавый.

ДОН ГУАН

В июле... ночью. Странную приятность
Я находил в ее печальном взоре
И помертвевших губах. Это странно.
Ты, кажется, ее не находил
Красавицей. И точно, мало было
В ней истинно прекрасного. Глаза,

Одни глаза. Да взгляд... такого взгляда
Уж никогда я не встречал. А голос
У ней был тих и слаб — как у

большой —
Муж у нее был негодяй суровый,
Узнал я поздно... Бедная Инеза!..

ЛЕПОРЕЛЛО

Что ж, вслед за ней другие были.

ДОН ГУАН

Правда.

ЛЕПОРЕЛЛО

А живы будем, будут и другие.

ДОН ГУАН

И то.

ЛЕПОРЕЛЛО

Теперь, которую в Мадрите
Отыскивать мы будем?

ДОН ГУАН

О, Лауру!

Я прямо к ней бегу являться.

ЛЕПОРЕЛЛО

Дело.

ДОН ГУАН

К ней прямо в дверь — а если кто-нибудь
Уж у нее — прошу в окно прыгнуть.

ЛЕПОРЕЛЛО

Конечно. Ну, развеселились мы.
Недолго нас покойницы тревожат.
Кто к нам идет?

Входит монах

МОНАХ

Сейчас она придет
Сюда. Кто здесь? не люди ль Доны
Анны?

ЛЕПОРЕЛЛО

Нет, сами по себе мы господа,
Мы здесь гуляем.

ДОН ГУАН

А кого вы ждете?

МОНАХ

Сейчас должна приехать Дона Анна
На мужнину гробницу.

ДОН ГУАН

Дона Анна

Де Сольва! как! супруга командора
Убитого... не помню кем?

МОНАХ

Развратным,
Бессовестным, безбожным Дон Гуаном.

ЛЕПОРЕЛЛО

Ого! вот как! Молва о Дон Гуане
И в мирный монастырь проникла даже,
Отшельники хвалы ему поют.

МОНАХ

Он вам знаком, быть может.

ЛЕПОРЕЛЛО

Нам? нимало.

А где-то он теперь?

МОНАХ

Его здесь нет,

Он в ссылке далеко.

ЛЕПОРЕЛЛО

И слава богу.

Чем далее, тем лучше. Всех бы их,
Развратников, в один мешок да в море.

ДОН ГУАН

Что, что ты врешь?

ЛЕПОРЕЛЛО

Молчите: я нарочно...

ДОН ГУАН

Так здесь похоронили командора?

МОНАХ

Здесь. Памятник жена ему воздвигла
И приезжает каждый день сюда
За упокой души его молиться,
И плакать.

ДОН ГУАН

Что за странная вдова?
И не дурна?

МОНАХ

Мы красотою женской,
Отшельники, прельщаться не должны,
Но лгать грешно; не может и угодник
В ее красе чудесной не сознаться.

ДОН ГУАН

Недаром же покойник был ревнив.
Он Дону Анну взаперти держал,
Никто из нас не видывал ее.
Я с нею бы хотел поговорить.

МОНАХ

О, Дона Анна никогда с мужчиной
Не говорит.

ДОН ГУАН

А с вами, мой отец?

МОНАХ

Со мной иное дело: я монах.
Да вот она.

Входит Дона Анна.

ДОНА АННА

Отец мой, отойдите.

МОНАХ

Сейчас, сеньора: я вас ожидал.

Дона Анна идет за монахом.

ЛЕПОРЕЛЛО

Что, какова?

ДОН ГУАН

Ее совсем не видно
Под этим вдовьим черным покрывалом,
Чуть узенькую пятку я заметил.

ЛЕПОРЕЛЛО

Довольно с вас. У вас воображенье
В минуту дорисует остальное;
Оно у нас проворней живописца,
Вам всё равно, с чего бы ни начать,
С бровей ли, с ног ли.

ДОН ГУАН

Слушай, Лепорелло,
Я с нею познакомлюсь.

ЛЕПОРЕЛЛО

Вот еще!
Куда как нужно! — Мужа повалил
Да хочет поглядеть на вдовьи слезы.
Бессовестный!

ДОН ГУАН

Однако, уж и смерклось.
Пока луна над нами не взошла
И в светлый сумрак тьмы не обратила,
Взойдем в Мадрит.

(Уходит)

ЛЕПОРЕЛЛО

Испанский гранд как вор
Ждет ночи и луны боится — боже!
Проклятое житье! Да долго ль будет
Мне с ним возиться? Право сил уж нет!

СЦЕНА II

Комната. Ужин у Лауры.

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ

Клянусь тебе, Лаура, никогда
С таким ты совершенством не играла.
Как роль свою ты верно поняла!

ВТОРОЙ

Как развила ее! с какою силой!

ТРЕТИЙ

С каким искусством!

ЛАУРА

Да, мне удавалось

Сегодня каждое движение, слово,
Я вольно предавалась вдохновенью,
Слова лились как будто их рождала
Не память рабская, но сердце...

ПЕРВЫЙ

Правда.

Да и теперь глаза твои блестят
И щеки разгорелись, не проходит
В тебе восторг. Лаура, не давай

Остыть ему бесплодно; спой, Лаура,
Спой что-нибудь.

ЛАУРА

Подайте мне гитару.
(Поет)

ВСЕ

O brava! brava! чудно! бесподобно!

ПЕРВЫЙ

Благодарим, волшебница. Ты сердце
Чаруешь нам. Из наслаждений жизни
Одной любви музыка уступает;
Но и любовь мелодия... взгляни:
Сам Карлос тронут, твой угрюмый гость.

ВТОРОЙ

Какие звуки! сколько в них души!
А чьи слова, Лаура?

ЛАУРА

Дон Гуана.

ДОН КАРЛОС

Что? Дон Гуан!

ЛАУРА

Их сочинил когда-то
Мой верный друг, мой ветреный любовник.

ДОН КАРЛОС

Твой Дон Гуан безбожник и мерзавец,
А ты, ты дура.

ЛАУРА

Ты с ума сошел?

Да я сейчас велю тебя зарезать
Моим слугам, хоть ты испанский гранд.

ДОН КАРЛОС *(встает)*

Зови же их.

ПЕРВЫЙ

Лаура, перестань;

Дон Карлос, не сердись. Она забыла...

ЛАУРА

Что? что Гуан на поединке честно
Убил его родного брата? Правда: жаль,
Что не его.

ДОН КАРЛОС

Я глуп, что осердился.

ЛАУРА

Ага! сам сознаешься, что ты глуп.
Так помиримся.

ДОН КАРЛОС

Виноват, Лаура.

Прости меня. Но знаешь: не могу
Я слышать это имя равнодушно..

ЛАУРА

А виновата ль я, что поминутно
Мне на язык приходит это имя?

ГОСТЬ

Ну в знак, что ты совсем уж не сердита,
Лаура, спой еще.

ЛАУРА

Да, на прощанье,

Пора, уж ночь. Но что же я спою?
А, слушайте.

(Поет)

ВСЕ

Прелестно, бесподобно!

ЛАУРА

Прощайте ж, господа.

ГОСТИ

Прощай, Лаура.

Выходят. Лаура останавливает Дон Карлоса.

ЛАУРА

Ты, бешеный! останься у меня,
Ты мне понравился; ты Дон Гуана
Напомнил мне, как выбранил меня
И стиснул зубы с скрежетом.

ДОН КАРЛОС

Счастливцев!

Так ты его любила.

Лаура делает утвердительно знак.

Очень?

ЛАУРА

Очень.

ДОН КАРЛОС

И любишь и теперь?

ЛАУРА

В сию минуту?

Нет, не люблю. Мне двух любить нельзя.
Теперь люблю тебя. —

ДОН КАРЛОС

Скажи, Лаура,

Который год тебе?

ЛАУРА

Осьмнадцать лет.

ДОН КАРЛОС

Ты молода... и будешь молода
Еще лет пять или шесть. Вокруг тебя
Еще лет шесть они толпиться будут,
Тебя ласкать, лелеять и дарить
И серенадами ночными тешить
И за тебя друг друга убивать
На перекрестках ночью. Но когда
Пора пройдет; когда твои глаза
Впадут, и веки, сморщась, почернеют,
И седина в косе твоей мелькнет,
И будут называть тебя старухой.
Тогда — что скажешь ты?

ЛАУРА

Тогда? Зачем

Об этом думать? что за разговор?
Иль у тебя всегда такие мысли?
Приди — открой балкон. Как небо тихо;
Недвижим теплый воздух — ночь лимоном
И лавром пахнет, яркая луна
Блестит на синеве густой и темной —
И сторожа кричат протяжно: Ясно!..
А далеко, на севере — в Париже —
Быть может небо тучами покрыто,
Холодный дождь идет и ветер дует. —
А нам какое дело? слушай, Карлос.
Я требую, чтоб улыбнулся ты;
— Ну то-то ж! —

ДОН КАРЛОС

Милый демон!

Стучат.

ДОН ГУАН

Гей! Лаура!

ЛАУРА

Кто там? чей это голос?

ДОН ГУАН

Отопри!..

ЛАУРА

Ужели!..... боже!.....

Отпирает двери, входит Дон Гуан.

ДОН ГУАН

Здравствуй.

ЛАУРА

Дон Гуан!....

Лаура кидается ему на шею.

ДОН КАРЛОС

Как! Дон Гуан!....

ДОН ГУАН

Лаура, милый друг!..

(Целует ее)

Кто у тебя, моя Лаура!

ДОН КАРЛОС

Я,

Дон Карлос.

ДОН ГУАН

Вот нечаянная встреча!

Я завтра весь к твоим услугам.

ДОН КАРЛОС

Нет!

Теперь — сейчас.

ЛАУРА

Дон Карлос, перестаньте!

Вы не на улице — вы у меня —
Извольте выдти вон.

394

ДОН КАРЛОС *(ее не слушая)*

Я жду. Ну что ж,

Ведь ты при шпаге.

ДОН ГУАН

Ежели тебе

Не терпится, изволь.

Бьются.

ЛАУРА

Ай! Ай! Гуан!..

Кидается на постелю. Дон Карлос падает.

ДОН ГУАН

Вставай, Лаура, конечно.

ЛАУРА

Что там?

Убит? прекрасно! в комнате моей!

Что делать мне теперь, повеса, дьявол?

Куда я выброшу его?

ДОН ГУАН

Быть может

Он жив еще.

ЛАУРА *(осматривает тело)*

Да! жив! гляди, проклятый,

Ты прямо в сердце ткнул — небось не
мимо.

И кровь нейдет из треугольной ранки,

А уж не дышит — каково?

395

ДОН ГУАН

Что делать?

Он сам того хотел.

ЛАУРА

Эх, Дон Гуан,

Досадно, право. Вечные проказы —
А всё не виноват.... Откуда ты?
Давно ли здесь?

ДОН ГУАН

Я только что приехал
И то тихонько — я ведь не прощен.

ЛАУРА

И вспомнил тотчас о своей Лауре?
Что хорошо, то хорошо. Да полно,
Не верю я. Ты мимо шел случайно
И дом увидел.

ДОН ГУАН

Нет, моя Лаура,

Спроси у Лепорелло. Я стою
За городом, в проклятой венте. Я Лауры
Пришел искать в Мадрите.

(Целует ее)

ЛАУРА

Постой... при мертвом:.... что нам
делать с ним?

ДОН ГУАН

Оставь его — перед рассветом, рано,
Я вынесу его под епанчею
И положу на перекрестке.

ЛАУРА

Только

Смотри, чтоб не увидели тебя.
Как хорошо ты сделал, что явился
Одной минутой позже! у меня
Твои друзья здесь ужинали. Только
Что вышли вон. Когда б ты их застал!

ДОН ГУАН

Лаура, и давно его ты любишь?

ЛАУРА

Кого? ты видно бредишь.

ДОН ГУАН

А признайся,

А сколько раз ты изменяла мне
В моем отсутствии?

ЛАУРА

А ты, повеса?

ДОН ГУАН

Скажи... Нет, после переговоров.

СЦЕНА III

Памятник Командора.

ДОН ГУАН

Всё к лучшему: нечаянно убив
Дон Карлоса, отшельником смиренным
Я скрылся здесь — и вижу каждый день
Мою прелестную вдову, и ею,
Мне кажется, замечен. До сих пор
Чинились мы друг с другом; но сегодня
Впускаю в разговоры с ней; пора.
С чего начну? «Осмелюсь»... или нет:
«Сеньора»... ба! что в голову придет,
То и скажу, без предуготовленья,
Импровизатором любовной песни...
Пора б уж ей приехать. Без нее —
Я думаю — скучает командор.
Каким он здесь представлен исполином!
Какие плечи! что за Геркулес!...
А сам покойник мал был и щедеушен,
Здесь, став на цыпочки, не мог бы руку
До своего он носу дотянуть.
Когда за Ескурьялом мы сошлись,
Наткнулся мне на шпагу. он и замер
Как на булавке стрекоза — а был

Он горд и смел — и дух имел суровый.
А! вот она.

Входит Дона Анна.

ДОНА АННА

Опять он здесь. Отец мой,
Я развлекла вас в ваших помышленьях —
Простите.

ДОН ГУАН

Я просить прощенья должен
У вас, сеньора. Может, я мешаю
Печали вашей вольно изливаться.

ДОНА АННА

Нет, мой отец, печаль моя во мне,
При вас мои моления могут к небу
Смирненно возноситься — я прошу
И вас свой голос с ними соединить.

ДОН ГУАН

Мне, мне молиться с вами, Дона Анна!
Я не достоин участи такой.
Я не дерзну порочными устами
Мольбу святую вашу повторять —
Я только издали с благоговеньем
Смотрю на вас, когда склонившись тихо
Вы черные волосы на мрамор бледный
Рассыплете — и мнится мне, что тайно
Гробницу эту ангел посетил,
В смущенном сердце я не обретаю
Тогда молений. Я дивлюсь безмолвно
И думаю — счастлив, чей хладный мрамор

Согрет ее дыханием небесным
И окроплен любви ее слезами...

ДОНА АННА

Какие речи — странные!

ДОН ГУАН

Сеньора?

ДОНА АННА

Мне... вы забыли.

ДОН ГУАН

Что? что недостойный
Отшельник я? что грешный голос мой
Не должен здесь так громко раздаваться?

ДОНА АННА

Мне показалось... я не поняла...

ДОН ГУАН

Ах вижу я: вы всё, вы всё узнали!

ДОНА АННА

Что я узнала?

ДОН ГУАН

Так, я не монах —
У ваших ног прощенья умоляю.

ДОНА АННА

О боже! встаньте, встаньте... Кто же вы?

400

ДОН ГУАН

Несчастный, жертва страсти безнадежной.

ДОНА АННА

О боже мой! и здесь, при этом гробе!
Подите прочь.

ДОН ГУАН

Минуту, Дона Анна,

Одну минуту!

ДОНА АННА

Если кто взойдет!..

ДОН ГУАН

Решетка заперта. Одну минуту!

ДОНА АННА

Ну? что? чего вы требуете?

ДОН ГУАН

Смерти.

О пусть умру сейчас у ваших ног.
Пусть бедный прах мой здесь же
похоронят

Не подле праха, милого для вас,
Не тут — не близко — дале где-нибудь,
Там — у дверей — у самого порога,
Чтоб камня моего могли коснуться
Вы легкою ногой или одеждой,
Когда сюда, на этот гордый гроб
Пойдете кудри наклонять и плакать.

26 А. Пушкин, т. III 401

ДОНА АННА

Вы не в своем уме.

ДОН ГУАН

Или желать

Кончины, Дона Анна, знак безумства?
Когда б я был безумец, я б хотел
В живых остаться, я б имел надежду
Любовью нежной тронуть ваше сердце;
Когда б я был безумец, я бы ночи
Стал провождать у вашего балкона,
Тревожа серенадами ваш сон,
Не стал бы я скрываться, я напротив
Старался быть везде б замечен вами;
Когда б я был безумец, я б не стал
Страдать в безмолвии...

ДОНА АННА

И так-то вы

Молчите?

ДОН ГУАН

Случай, Дона Анна, случай
Увлек меня — не то вы б никогда
Моей печальной тайны не узнали.

ДОНА АННА

И любите давно уж вы меня?

ДОН ГУАН

Давно или недавно, сам не знаю,
Но с той поры лишь только знаю цену
Мгновенной жизни, только с той поры
И понял я, что значит слово счастье.

ДОНА АННА

Подите прочь — вы человек опасный.

ДОН ГУАН

Опасный! чем?

ДОНА АННА

Я слушать вас боюсь.

ДОН ГУАН

Я замолчу; лишь не гоните прочь
Того, кому ваш вид одна отрада.
Я не питаю дерзостных надежд,
Я ничего не требую, но видеть
Вас должен я, когда уже на жизнь
Я осужден.

ДОНА АННА

Подите — здесь не место

Таким речам, таким безумствам. Завтра
Ко мне придите. Если вы клянетесь
Хранить ко мне такое ж уваженье,
Я вас приму — но вечером — позднее.
Я никого не вижу с той поры,
Как овдовела...

ДОН ГУАН

Ангел Дона Анна!

Утешь вас бог, как сами вы сегодня
Утешили несчастного страдальца.

ДОНА АННА

Подите ж прочь.

ДОН ГУАН

Еще одну минуту.

ДОНА АННА

Нет, видно мне уйти... к тому ж моление
Мне в ум нейдет. Вы развлекли меня
Речами светскими; от них уж ухо
Мое давно, давно отвыкло — завтра
Я вас приму.

ДОН ГУАН

Еще не смею верить,
Не смею счастьем моему предаться...
Я завтра вас увижу! — и не здесь
И не украдкою!

ДОНА АННА

Да, завтра, завтра.
Как вас зовут?

ДОН ГУАН

Диего де Кальвадо.

ДОНА АННА

Прощайте, Дон Диего.

(Уходит)

ДОН ГУАН

Лепорелло!

Лепорелло входит.

ЛЕПОРЕЛЛО

Что вам угодно?

ДОН ГУАН

Милый Лепорелло!

Я счастлив!... Завтра — вечером позднее...
Мой Лепорелло, завтра — приготовь...
Я счастлив как ребенок!

ЛЕПОРЕЛЛО

С Доной Анной

Вы говорили? может быть она
Сказала вам два ласкового слова
Или ее благословили вы.

ДОН ГУАН

Нет, Лепорелло, нет! она свиданье,
Свиданье мне назначила!

ЛЕПОРЕЛЛО

Неужто!

О вдовы, все вы таковы.

ДОН ГУАН

Я счастлив:

Я петь готов, я рад весь мир обнять.

ЛЕПОРЕЛЛО

А командор? что скажет он об этом?

ДОН ГУАН

Ты думаешь, он станет ревновать?
Уж верно нет; он человек разумный
И верно присмирел с тех пор, как умер.

ЛЕПОРЕЛЛО

Нет: посмотрите на его статую.

ДОН ГУАН

Что ж?

ЛЕПОРЕЛЛО

Кажется, на вас она глядит
И сердится.

ДОН ГУАН

Ступай же, Лепорелло,
Проси ее пожаловать ко мне —
Нет, не ко мне — а к Доне Анне, завтра.

ЛЕПОРЕЛЛО

Статую в гости звать! зачем?

ДОН ГУАН

Уж верно

Не для того, чтоб с нею говорить, —
Проси статую завтра к Доне Анне
Приди попозже вечером и стать
У двери на часах.

ЛЕПОРЕЛЛО

Охота вам

Шутить, и с кем!

ДОН ГУАН

Ступай же.

ЛЕПОРЕЛЛО

Но...

ДОН ГУАН

Ступай.

ЛЕПОРЕЛЛО

Преславная, прекрасная статуя!
Мой барин Дон Гуан покорно просит
Пожаловать... Ей-богу, не могу,
Мне страшно.

ДОН ГУАН

Трус! вот я тебя!..

ЛЕПОРЕЛЛО

Позвольте.

Мой барин Дон Гуан вас просит завтра
Приди попозже в дом супруги вашей
И стать у двери...

Статуя кивает головой в знак согласия.

Ай!

ДОН ГУАН

Что там?

ЛЕПОРЕЛЛО

Ай, ай!..

Ай, ай... Умру!

ДОН ГУАН

Что сделалось с тобою?

ЛЕПОРЕЛЛО (кивая головой)

Статуя... ай!

ДОН ГУАН

Ты кланяешься!

ЛЕПОРЕЛЛО

Нет,

Не я, она!

ДОН ГУАН

Какой ты вздор несешь?

ЛЕПОРЕЛЛО

Подите сами.

ДОН ГУАН

Ну смотри ж, бездельник.

(Статуе)

Я, командор, прошу тебя придти
К твоей вдове, где завтра буду я,
И стать на стороже в дверях. Что? будешь?

Статуя кивает опять.

О боже!

ЛЕПОРЕЛЛО

Что? я говорил...

ДОН ГУАН

Уйдем.

СЦЕНА IV

Комната Доны Анны.

Дон Гуан и Дона Анна.

ДОНА АННА

Я приняла вас, Дон Диего; только
Боюсь, моя печальная беседа
Скучна вам будет: бедная вдова,
Всё помню я свою потерю. Слезы
С улыбкою мешаю, как апрель.
Что ж вы молчите?

ДОН ГУАН

Наслаждаюсь молча,
Глубоко мыслью быть наедине
С прелестной Доной Анной. Здесь — не
там,
Не при гробнице мертвого счастливица —
И вижу вас уже не на коленях
Пред мраморным супругом.

ДОНА АННА

Дон Диего,
Так вы ревнивы — муж мой и во гробе
Вас мучит?

ДОН ГУАН

Я не должен ревновать.
Он вами выбран был.

ДОНА АННА

Нет, мать моя
Велела мне дать руку Дон Альвару,
Мы были бедны, Дон Альвар богат.

ДОН ГУАН

Счастливец! он сокровища пустые
Принес к ногам богини, вот за что
Вкусил он райское блаженство! Если б
Я прежде вас узнал — с каким восторгом
Мой сан, мои богатства, всё бы отдал,
Всё за единый благосклонный взгляд;
Я был бы раб священной вашей воли,
Все ваши прихоти я б изучал,
Чтоб их предупреждать; чтоб ваша жизнь
Была одним волшебством непрерывным.
Увы! — Судьба судила мне иное.

ДОНА АННА

Диего, перестаньте: я грешу,
Вас слушая — мне вас любить нельзя,
Вдова должна и гробу быть верна.
Когда бы знали вы, как Дон Альвар
Меня любил! о, Дон Альвар уж верно
Не принял бы к себе влюбленной дамы,
Когда б он овдовел — он был бы верн
Супружеской любви.

ДОН ГУАН

Не мучьте сердца
Мне, Дона Анна, вечным поминаньем
Супруга. Полно вам меня казнить,
Хоть казнь я заслужил, быть может.

ДОНА АННА

Чем же?
Вы узами не связаны святыми
Ни с кем — не правда ль? Полюбив меня,
Вы предо мной и перед небом правы.

ДОН ГУАН

Пред вами! Боже!

ДОНА АННА

Разве вы виновны
Передо мной? Скажите, в чем же?..

ДОН ГУАН

Нет, никогда.

ДОНА АННА

Диего, что такое?
Вы предо мной не правы? в чем, скажите.

ДОН ГУАН

Нет! ни за что!

ДОНА АННА

Диего, это странно:
Я вас прошу, я требую.

ДОН ГУАН

Нет, нет.

ДОНА АННА

А! Так-то вы моей послушны воле!
А что сейчас вы говорили мне?
Что вы б рабом моим желали быть.
Я рассержусь, Диего: отвечайте,
В чем предо мной виновны вы?

ДОН ГУАН

Не смею.

Вы ненавидеть станете меня.

ДОНА АННА

Нет, нет. Я вас заранее прощаю,
Но знать желаю...

ДОН ГУАН

Не желайте знать

Ужасную, убийственную тайну.

ДОНА АННА

Ужасную! вы мучите меня.
Я страх как любопытна — что такое?
И как меня могли вы оскорбить?
Я вас не знала — у меня врагов
И нет и не было. Убийца мужа
Один и есть.

ДОН ГУАН (*про себя*)

Идет к развязке дело!

Скажите мне: несчастный Дон Гуан
Вам незнаком?

ДОНА АННА

Нет, отроду его

Я не видала.

ДОН ГУАН

Вы в душе к нему
Питаете вражду?

ДОНА АННА

По долгу чести.

Но вы отвлечь стараетесь меня
От моего вопроса, Дон Диего —
Я требую...

ДОН ГУАН

Что если б Дон Гуана
Вы встретили?

ДОНА АННА

Тогда бы я злодею
Кинжал вонзила в сердце.

ДОН ГУАН

Дона Анна,
Где твой кинжал? вот грудь моя.

ДОНА АННА

Что вы?

Диего!

ДОН ГУАН

Я не Диего, я Гуан.

ДОНА АННА
О боже! нет, не может быть, не верю.

ДОН ГУАН
Я Дон Гуан.

ДОНА АННА
Неправда.

ДОН ГУАН
Я убил
Супруга твоего; и не жалею
О том — и нет раскаянья во мне.

ДОНА АННА
Что слышу я? Нет, нет, не может быть.

ДОН ГУАН
Я Дон Гуан и я тебя люблю.

ДОНА АННА (падая)
Где я?.. где я? мне дурно, дурно.

ДОН ГУАН
Небо!
Что с нею? Что с тобою, Дона Анна?
Встань, встань, проснись, опомнись: твой
Твой раб у ног твоих. Диего,

ДОНА АННА
Оставь меня.
(Слабо)

О, ты мне враг — ты отнял у меня
Всё, что я в жизни..

ДОН ГУАН

Милое создание!
Я всем готов удар мой искупить,
У ног твоих жду только приказанья,
Вели — умру; вели дышать я буду
Лишь для тебя..

ДОНА АННА

Так это Дон Гуан..

ДОН ГУАН

Не правда ли — он был описан вам
Злодеем, извергом — о Дона Анна —
Молва, быть может, не совсем неправа,
На совести усталой много зла,
Быть может, тяготее. Так, Разврата
Я долго был покорный ученик,
Но с той поры, как вас увидел я,
Мне кажется, я весь переродился.
Вас полюбя, люблю я добродетель
И в первый раз смиренно перед ней
Дрожащие колена преклоняю.

ДОНА АННА

О, Дон Гуан красноречив — я знаю,
Слыхала я; он хитрый искуситель.
Вы, говорят, безбожный развратитель,
Вы сущий демон. Сколько бедных женщин
Вы погубили?

ДОН ГУАН

Ни одной доньне
Из них я не любил.

ДОНА АННА

И я поверю,
Чтоб Дон Гуан влюбился в первый раз,
Чтоб не искал во мне он жертвы новой!

ДОН ГУАН

Когда б я вас обманывать хотел,
Признался ль я, сказал ли я то имя,
Которого не можете вы слышать?
Где ж видно тут обдуманность, коварство?

ДОНА АННА

Кто знает вас? — Но как могли придти
Сюда вы; здесь узнать могли бы вас,
И ваша смерть была бы неизбежна.

ДОН ГУАН

Что значит смерть? за сладкий миг
свиданья
Безропотно отдам я жизнь.

ДОНА АННА

Но как же
Отсюда выдти вам, неосторожный!

ДОН ГУАН *(целуя ей руки)*

И вы о жизни бедного Гуана
Заботитесь! Так ненависти нет
В душе твоей небесной, Дона Анна?

ДОНА АННА

Ах если б вас могла я ненавидеть!
Однако ж надобно расстаться нам.

ДОН ГУАН

Когда ж опять увидимся?

ДОНА АННА

Не знаю,
Когда-нибудь.

ДОН ГУАН

А завтра?

ДОНА АННА

Где же?

ДОН ГУАН

Здесь

ДОНА АННА

О Дон Гуан, как сердцем я слаба.

ДОН ГУАН

В залог прощенья мирный поцелуй...

ДОНА АННА

Пора, поди.

ДОН ГУАН

Один, холодный, мирный...

ДОНА АННА

Какой ты неотвязчивый! на, вот он.
Что там за стук?.. о скрейся, Дон Гуан.

ДОН ГУАН

Прощай же, до свиданья, друг мой милый.

(Уходит и вбегает опять)

А!..

ДОНА АННА

Что с тобой? А!..

Входит статуя командора, Дона Анна падает.

СТАТУЯ

Я на зов явился.

ДОН ГУАН

О боже! Дона Анна!

СТАТУЯ

Брось ее,

Всё кончено. Дрожишь ты, Дон Гуан.

ДОН ГУАН

Я? нет. Я звал тебя и рад, что вижу.

СТАТУЯ

Дай руку.

ДОН ГУАН

Вот она... о тяжело

Пожатье каменной его десницы!

Оставь меня, пусти-пусти мне руку...

Я гибну — кончено — о Дона Анна!

Проваливаются.

ПИР ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ

(Из Вильсоновой трагедии «The city of the plague»)

Улица. Накрытый стол. Несколько пирующих мужчин и женщин.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК

Почтенный председатель! я напомню
О человеке, очень нам знакомом,
О том, чьи шутки, повести смешные,
Ответы острые и замечанья,
Столь едкие в их важности забавной,
Застольную беседу оживляли
И разгоняли мрак, который ныне
Зараза, гостья наша, насыщает
На самые блестящие умы.
Тому два дня, наш общий хохот славил
Его рассказы; не возможно быть,
Чтоб мы в своем веселом пированьи
Забыли Джексона! Его здесь кресла
Стоят пустые, будто ожидая
Весельчака — но он ушел уже
В холодные, подземные жилища...
Хотя красноречивейший язык
Не умолкал еще во прахе гроба,

Но много нас еще живых, и нам
Причины нет печалиться. Итак
Я предлагаю выпить в его память,
С веселым звоном рюмок, свосклица^ньем,
Как будто б был он жив.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

Он выбыл первый
Из круга нашего. Пускай в молчаньи
Мы выпьем в честь его.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК

Да будет так!

Все пьют молча.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

Твой голос, милая, выводит звуки
Родимых песен с диким совершенством;
Спой, Мери, нам, уныло и протяжно,
Чтоб мы потом к веселью обратились
Безумнее, как тот, кто от земли
Был отлучен каким-нибудь виденьем.

МЕРИ (поет)

Было время, процветала
В мире наша сторона:
В воскресенье бывала
Церковь божия полна;
Наших деток в шумной школе
Раздавались голоса,
И сверкали в светлом поле
Серп и быстрая коса.

Ныне церковь опустела;
Школа глухо заперта;
Нива праздно перезрела;
Роща темная пуста;
И селенье, как жилище
Погорелое, стоит, —
Тихо всё — одно кладбище
Не пустеет, не молчит, —

Поминутно мертвых носят.
И стенания живых
Боязливо бога просят
Упокоить души их!
Поминутно места надо,
И могилы меж собой,
Как испуганное стадо,
Жмутся тесной чередой.

Если ранняя могила
Суждена моей весне,
Ты, кого я так любила,
Чья любовь отрада мне, —
Я молю: не приближайся
К телу Дженни ты своей;
Уст умерших не касайся,
Следуй издали за ней.

И потом оставь селенье!
Уходи куда-нибудь,
Где б ты мог души мученье
Уладить и отдохнуть.
И когда зараза минет,
Посети мой бедный прах;

А Эдмонда не покинет
Дженни даже в небесах!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

Благодарим, задумчивая Мери,
Благодарим за жалобную песню!
В дни прежние чума такая ж, видно,
Холмы и доли ваши посетила,
И раздавались жалкие стенания
По берегам потоков и ручьев,
Бегущих ныне весело и мирно
Сквозь дикий рай твоей земли родной;
И мрачный год, в который пало столько
Отважных, добрых и прекрасных жертв,
Едва оставил память о себе
В какой-нибудь простой пастушьей песне,
Унылой и приятной... нет! ничто
Так не печалит нас среди веселий,
Как томный, сердцем повторенный звук!

МЕРИ

О, если б никогда я не певала
Вне хижин родителей своих!
Они свою любили слушать Мери;
Самой себе я, кажется, внимаю
Поющей у родимого порога —
Мой голос слаще был в то время: он
Был голосом невинности...

ЛУИЗА

Не в моде
Теперь такие песни! Но всё ж есть
Еще простые души: рады таять

От женских слез, и слепо верят им.
Она уверена, что взор слезливый
Ее неотразим — а если б то же
О смехе думала своим, то верно
Всё б улыбалась. Вальсингам хвалил
Крикливых северных красавиц: вот
Она и расстоналась. Ненавижу
Волос шотландских этих желтизну.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

Послушайте: я слышу стук колес!

Едет телега, наполненная мертвыми телами.
Нег управляет ею.

Ага! Луизе дурно; в ней, я думал —
По языку судя, мужское сердце.
Но так-то: нежного слабей жестокий,
И страх живет в душе, страстями томимой!
Брось, Мери, ей воды в лицо. Ей лучше.

МЕРИ

Сестра моей печали и позора,
Приляг на грудь мою.

ЛУИЗА (приходя в чувство)

Ужасный демон
Приснился мне: весь черный, белоглазый...
Он звал меня в свою тележку. В ней
Лежали мертвые — и лепетали
Ужасную, неведомую речь...
Скажите мне: во сне ли это было?
Проехала ль телега?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК

Ну, Луиза,

Развеселись: хоть улица вся наша
Безмолвное убежище от смерти,
Приют пиров ничем невозмутимых,
Но знаешь? эта черная телега
Имеет право всюду развезжать —
Мы пропускать ее должны! Послушай
Ты, Вальсингам: для пресечения споров
И следствий женских обмороков, спой
Нам песню — вольную, живую песню. —
Не грустия шотландской вдохновенну,
А буйную, вакхическую песнь,
Рожденную за чашею кипящей.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

Такой не знаю — но спою вам гимн
Я в честь чумы: я написал его
Прошедшей ночью, как расстались мы.
Мне странная нашла охота к рифмам,
Впервые в жизни! Слушайте ж меня:
Охрипый голос мой приличен песне. —

МНОГИЕ

Гимн в честь чумы! слушаем его!
Гимн в честь чумы! прекрасно! bravo!
bravo!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (поет)

Когда могущая зима,
Как бодрый вождь, ведет сама
На нас косматые дружины

Своих морозов и снегов. —
Навстречу ей трещат камни,
И весел зимний жар пиров.

*

Царица грозная, Чума
Теперь идет на нас сама
И льстится жатвою богатой;
И к нам в окошко день и ночь
Стучит могильною лопатой...
Что делать нам? и чем помочь?

*

Как от проказницы-зимы,
Запремся также от Чумы!
Зажжем огни, нальем бокалы;
Утопим весело умы
И, заварив пиры да балы,
Восславим царствие Чумы.

*

Есть упоение в бою,
И бездны мрачной на краю
И в разъяренном океане,
Средь грозных волн и бурной тьмы,
И в аравийском урагане,
И в дуновении Чумы.

*

Всё, всё, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслаждения —
Бессмертья, может быть, залог!

И счастлив тот, кто средь волненья
Их обрести и ведать мог.

*

И так — хвала тебе, Чума:
Нам не страшна могила тьма,
Нас не смутит твое призванье!
Бокалы пеним дружно мы,
И Девы-Розы пьем дыханье —
Быть может — — полное Чумы!

Входит старый священник.

СВЯЩЕННИК

Безбожный пир, безбожные безумцы!
Вы пиршеством и песнями разврата
Ругаетесь над мрачной тишиной,
Повсюду смертию распространенной!
Средь ужаса плачевных похорон,
Средь бледных лиц, молюсь я на
кладбище —

А ваши ненавистные восторги
Смущают тишину гробов — и землю
Над мертвыми телами потрясают!
Когда бы стариков и жен моления
Не освятили общей, смертной ямы —
Подумать мог бы я, что нынче бесы
Погибший дух безбожника терзают
И в тьму кромешную тащат со смехом.

НЕСКОЛЬКО ГОЛОСОВ

Он мастерски об аде говорит!
Ступай, старик! ступай своей дорогой!

СВЯЩЕННИК

Я заклинаю вас святою кровью
Спасителя, распятого за нас;
Прервите пир чудовищный, когда
Желаете вы встретить в небесах
Утраченных возлюбленные души —
Ступайте по своим домам!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

Домъ

У нас печальны — юность любит радость.

СВЯЩЕННИК

Ты ль это, Вальсингам? Ты ль самый тот,
Кто три тому недели, на коленях,
Труп матери, рыдая, обнимал
И с воплем бился над ее могилой?
Иль думаешь: она теперь не плачет,
Не плачет горько в самых небесах,
Взирая на пирующего сына
В пиру разврата, слыша голос твой,
Поющий бешеные песни между
Мольбы святой и тяжких воздыханий?
Ступай за мной!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

Зачем приходишь ты
Меня тревожить? Не могу, не должен
Я за тобой идти: я здесь удержан
Отчаяньем, воспоминаньем страшным.
Сознаньем беззаконья моего
И ужасом той мертвой пустоты,

Которую в моем дому встречаю —
И новостью сих бешеных веселий,
И благодатным ядом этой чаши,
И ласками (прости меня господь) —
Погибшего — но милого созданья...
Тень матери не вызовет меня
Отселе — поздно — слышу голос твой,
Меня зовущий — признаю усилья
Меня спасти... старик! иди же с миром;
Но проклят будь, кто за тобой пойдет!

МНОГНЕ

Bravo, bravo! достойный председатель!
Вот проповедь тебе! пошел! пошел!

СВЯЩЕННИК

Матильды чистый дух тебя зовет!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (встает)

Клянись же мне, с поднятой к небесам,
Увядшей, бледною рукой — оставить
В гробу навек умолкнувшее имя!
О, если б от очей ее бессмертных
Скрыть это зрелище! меня когда-то
Она считала чистым, гордым, вольным —
И знала рай в объятиях моих...
Где я? святое чадо света! вижу
Тебя я там, куда мой падший дух
Не достигнет уже...

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС

Он сумасшедший —
Он бредит о жене похороненной!

СВЯЩЕННИК

Пойдем, пойдем...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

Отец мой, ради бога,
Оставь меня. .

СВЯЩЕННИК

Спаси тебя господь!
Прости, мой сын.

Уходит. Инр продолжается. Председатель
остаётся, погруженный в глубокую задумчивость.

РУСАЛКА
БЕРЕГ ДНЕПРА. МЕЛЬНИЦА

Мельник, дочь его.

МЕЛЬНИК

Ох, то-то все вы, девки молодые,
Все глупы вы. Уж если подвернулся
К вам человек завидный, непростой,
Так должно вам его себе упрочить.
А чем? разумным, честным поведением,
Заманивать то строгостью, то лаской;
Порою исподволь обиняком
О свадьбе заговаривать — а пуще
Беречь свою девическую честь —
Бесценное сокровище; она —
Что слово — раз упустишь, не воротить.
А коли нет на свадьбу уж надежды,
То всё-таки, по крайней мере, можно
Какой-нибудь барыш себе — иль пользу
Родным да выгадать; подумать надо:
«Не вечно ж будет он меня любить
И баловать меня». — Да нет! куда
Вам помышлять о добром деле! встает ль?
Вы тотчас одурее: вы рады
Исполнить даром прихоти его;

Готовы целый день висеть на шее
У милого дружка — а милый друг
Глядь и пропал, и след простыл; а вы
Остались ни с чем. Ох, все вы глупы!
Не говорил ли я тебе сто раз:
Эй, дочь, смотри; не будь такая дура,
Не прозевай ты счастья своего,
Не упускай ты князя, да спроста
Не погуби самой себя. — Что ж вышло?..
Сиди теперь, да вечно плачь о том,
Чего уж не воротить.

ДОЧЬ

Почему же
Ты думаешь, что бросил он меня?

МЕЛЬНИК

Как, почему? да сколько раз, бывало,
В неделю он на мельницу езжал?
А? всякий божий день, а иногда
И дважды в день — а там всё реже, реже
Стал приезжать — и вот девятый день
Как не видали мы его. Что скажешь?

ДОЧЬ

Он занят; мало ль у него заботы?
Ведь он не мельник — за него не станет
Вода работать. Часто он твердит,
Что всех трудов его труды тяжеле.

МЕЛЬНИК

Да, верь ему. Когда князя трудятся,
И что их труд? травить лисиц и зайцев,

Да пировать, да обижать соседей,
Да подговаривать вас, бедных дур.
Он сам работает, куда как жалко!
А за меня вода!.. а мне покою
Ни днем, ни ночью нет, а там посмотришь:
То здесь, то там нужна еще починка,
Где гниль, где течь. — Вот если б ты у
князя

Умела выпросить на перестройку
Хоть несколько деньжонок, было б лучше.

дочь

Ах!

мельник

Что такое?

дочь

Чу! я слышу топот

Его коня... Он, он!

мельник

Смотри же, дочь,

Не забывай моих советов, помни...

дочь

Вот он, вот он!

Входит князь. Конюший уводит его коня.

князь

Здорово, милый друг.

Здорово, мельник.

МЕЛЬНИК

Милостивый князь,

Добро пожаловать. Давно, давно
Твоих очей мы светлых не видали.
Пойду тебе готовить угощенье.

(Уходит)

дочь

Ах, наконец ты вспомнил обо мне.
Не стыдно ли тебе так долго мучить
Меня пустым, жестоким ожиданьем?
Чего мне в голову не приходило?
Каким себя я страхом не пугала?
То думала, что конь тебя занес
В болото или пропасть, что медведь
Тебя в лесу дремучем одолеет,
Что болен ты, что разлюбил меня —
Но слава богу! жив ты, невредим,
И любишь всё попрежнему меня,
Не правда ли?

князь

Попрежнему, мой ангел.

Нет, больше прежнего.

она

Однако ты
Печален; что с тобою?

князь

Я печален?
Тебе так показалось — нет я весел
Всегда, когда тебя лишь вижу.

Нет

Когда ты весел, издали ко мне
 Спешнись и кличешь — где моя голубка,
 Что делает она? а там целуешь
 И вопрошаешь: рада ль я тебе
 И ожидала ли тебя так рано —
 А нынче — слушаешь меня ты молча,
 Не обнимаешь, не целуешь в очи,
 Ты чем-нибудь встревожен верно. Чем же?
 Уж на меня не сердиться ли ты?

К Н Я З Ъ

Я не хочу притворствоваться напрасно.
 Ты права: в сердце я ношу печаль
 Тяжелую — и ты ее не можешь
 Ни ласками любовными рассеять,
 Ни облегчить, ни даже разделить.

О П А

Но больно мне с тобою не грустить
 Одною грустью — тайну мне поведай.
 Позволишь — буду плакать; не позволишь,
 Ни слезкой я тебе не досажу.

К Н Я З Ъ

Зачем мне медлить? чем скорей, тем
 лучше
 Мой милый друг — ты знаешь, нет на
 свете
 Блаженства прочного: ни знатный род,
 Ни красота, ни сила, ни богатство,

Ничто беды не может миновать.
 И мы — не правда ли, моя голубка?
 Мы были счастливы; по крайней мере
 Я счастлив был тобой, твоей любовью.
 И что вперед со мною ни случится,
 Где б ни был я, всегда я буду помнить
 Тебя, мой друг; того, что я теряю,
 Ничто на свете мне не заменит.

О П А

Я слов твоих еще не понимаю,
 Но уж мне страшно. Нам судьба грозит,
 Готовит нам неведомое горе,
 Разлуку, может быть.

К Н Я З Ъ

Ты угадала,
 Разлука нам судьбою суждена.

О П А

Кто нас разлучит? разве за тобою
 Идти вослед я всюду не властна?
 Я мальчиком оденусь. Верно буду
 Тебе служить, дорогою, в походе
 Иль на войне — войны я не боюсь —
 Лишь видела б тебя. — Нет, нет, не верю.
 Иль вывести мои ты мысли хочешь.
 Или со мной дустую шутку шутишь.

К Н Я З Ъ

Нет, шутки мне на ум нейдут сегодня,
 Выведывать тебя не нужно мне,
 Не снаряжаюсь я ни в дальный путь,

Ни на войну — я дома остаюсь,
Но должен я с тобой навек проститься.

Она

Постой, теперь я понимаю всё...
Ты женишься.

Князь молчит.

Ты женишься!..

князь

Что делать?

Сама ты рассуди. Князья не вольны,
Как девицы — не по сердцу они
Себе подруг берут, а по расчетам
Иных людей, для выгоды чужой.
Твою печаль утешит бог и время.
Не забывай меня; возьми на память
Повязку — дай тебе я сам надену.
Еще с собой привез я ожерелье —
Возьми его. — Да вот еще: отцу
Я это посулил. Отдай ему.

(Дает ей в руки мешок с золотом)

Прощай!

она

Постой; тебе сказать должна я
Не помню что...

князь

Припомни.

она

Для тебя

Я всё готова... нет не то... Постой —

Нельзя, чтобы навеки в самом деле
Меня ты мог покинуть... Всё не то...
Да!.. вспомнила: сегодня у меня
Ребенок твой под сердцем шевельнулся.

князь

Несчастливая! как быть? хоть для него
Побереги себя; я не оставлю
Ни твоего ребенка, ни тебя.
Современем, быть может, сам приеду
Вас навестить. Утешься, не крупись.
Дай обниму тебя в последний раз.

(Уходя)

Ух! конечно — душе как будто легче.
Я бури ждал, но дело обошлось
Довольно тихо.

Уходит. Она остается неподвижною.

мельник *(входит)*

Не угодно ль будет
Пожаловать на мельницу... Да где ж он?
Скажи, где князь наш? ба, ба, ба! какая
Повязка! вся в камнях дорогих!
Так и горит! и бусы!.. Ну, скажу:
Подарок царский. Ах он благодетель!
А это что? мошонка! Уж не деньги ль?
Да что же ты стоишь, не отвечаешь,
Не вымолвишь словечка? али ты
От радости нежданой одурела,
Иль на тебя столбняк нашел?

ДОЧЬ

Не может быть. Я так его любила.
Или он зверь? иль сердце у него
Косматое?

МЕЛЬНИК

О ком ты говоришь?

ДОЧЬ

Скажи, родимый, как могла его
Я прогневить? В одну недельку разве
Моя краса пропала? иль его
Отравой опоили?

МЕЛЬНИК

Что с тобою?

ДОЧЬ

Родимый, он уехал. Вон он скачет!
И я, безумная, его пустила,
Я за полы его не уцепилась,
Я не повисла на узде коня!
Пускай же б он с досады отрубил
Мне руки по локоть, пускай бы тут же
Он растоптал меня своим конем!

МЕЛЬНИК

Ты бредишь!

ДОЧЬ

Видишь ли, князя не вольны,
Как девицы, не по сердцу они

Берут жену себе... а вольно им
Небось, подманивать, божиться, плакать
И говорить: «тебя я повезу
В мой светлый терем, в тайную светлицу
И наряжу в парчу и в бархат алый».
Им вольно бедных девушек учить
С полуночи на свист их подыматься
И до зари за мельницей сидеть.
Им любо сердце княжеское тешить
Бедами нашими, а там прощай:
Ступай, голубушка, куда захочешь,
Люби, кого замыслишь.

МЕЛЬНИК

Вот в чем дело.

ДОЧЬ

Да кто ж его невеста? на кого
Он променял меня? уж я узнаю,
Я доберусь — я ей скажу, злодейке:
Отстань от князя — видишь, две волчихи
Не водятся в одном овраге.

МЕЛЬНИК

Дура!

Уж если князь берет себе невесту,
Кто может помешать ему? Вот то-то.
Не говорил ли я тебе...

ДОЧЬ

И мог он
Как добрый человек со мной прощаться,
И мне давать подарки — каково! —

И деньги! выкупить себя он думал,
Он мне хотел язык засеребрить,
Чтоб не прошла о нем худая слава
И не дошла до молодой жены.
Да бишь, забыла я — тебе отдать
Велел он это серебро за то,
Что был хорош ты до него, что дочку
За ним пускал таскаться, что ее
Держал не строго... В прок тебе пойдет
Моя погибель.

(Отдает ему мешок)

МЕЛЬНИК *(в слезах)*

До чего я дожил!
Что бог привел услышать! Грех тебе
Так горько упрекать отца родного.
Одно дитя ты у меня на свете,
Одна отрада в старости моей.
Как было мне тебя не баловать?
Бог наказал меня за то, что слабо
Я выполнил отцовский долг.

ДОЧЬ

Ох, душно!

Холодная змея мне шею давит...
Змеей, змеей ошутал он меня,
Не жемчугом

(Рвет с себя жемчуг)

МЕЛЬНИК

Опомнись.

ДОЧЬ

Так бы я
Разорвала тебя, змею-злодейку,
Проклятую разлучницу мою!

МЕЛЬНИК

Ты бредишь, право, бредишь.

ДОЧЬ *(сымает с себя повязку)*

Вот венец мой,
Венец позорный! вот чем нас венчал
Лукавый враг, когда я отреклася
Ото всего, чем прежде дорожила.
Мы развенчались. — Сгинь ты, мой венец!

(Бросает повязку в Днепр)

Теперь всё кончено.

(Бросается в реку)

СТАРИК *(падая)*

Ох, горе, горе!

КНЯЖЕСКИЙ ТЕРЕМ

Свадьба. Молодые сидят за столом. Гости.
Хор девушек.

СВАТ

Веселую мы свадебку сыграли.
Ну, здравствуй, князь с княгиней молодой.
Дай бог вам жить в любви да совете,
А нам у вас почаше пировать.
Что ж, красные девицы, вы примокли?
Что ж, белые лебедушки, притихли?
Али все песенки вы перепели?
Аль горлышки от пенья пересохли?

ХОР

Сватушка, сватушка,
Бестолковый сватушка!
По невесту ехали —
В огород заехали,
Пива бочку пролили,
Всю капусту полили,
Тыну поклонилися,
Верее молилися:
Верее ль, вереешка,
Укажи дороженьку
По невесту ехать.

Сватушка, догадайся,
За мошоночку принимайся:
В мошне денешка шевелится,
К красным девушкам норовится.

СВАТ

Насмешницы, уж выбрали вы песню!
На, на, возьмите, не корите свата.

(Дарит девушек)

ОДИН ГОЛОС

По камушкам, по желтому песочку,
Пробегала быстрая речка,
В быстрой речке гуляют две рыбки,
Две рыбки, две малые плотицы.
А слышала ль ты, рыбка-сестрица,
Про вести-то наши, про речные?
Как вечер у нас красна девица топилась,
Утоная, мила друга проклинала.

СВАТ

Красавицы! да это что за песня?
Она, кажись, не свадебная; нет.
Кто выбрал эту песню? а?

ДЕВУШКИ

Не я —

Не я — не мы...

СВАТ

Да кто ж пропел ее?

Шопот и смятение между девушками.

князь

Я знаю кто.

(Встает из-за стола и говорит конюшему)

Она сюда прокралась,
Скорее выведи ее. Да сведай.
Кто смел ее впустить.

Конюший подходит к девушкам.

князь *(садится, про себя)*

Она, пожалуй,
Готова здесь наделать столько шума,
Что со стыда не буду знать, куда
И спрятаться.

конюший

Я не нашел ее.

князь

Ищи. Она, я знаю, здесь. Она
Пропела эту песню.

гость

Ай да мед!

И в голову и в ноги так и бьет —
Жаль горек: подсластить его б не худо...

Молодые целуются. Слышен слабый крик.

князь

Она! вот крик ее ревнивый.

(Конюшему)

Что?

конюший

Я не нашел ее вигде.

князь

Дурак.

дружка *(вставая)*

Не время ль нам княгиню выдать мужу,
Да молодых в дверях осыпать хмелем?

Все встают.

сваха

Вестимо, время. Дайте ж петуха.

Молодых кормят жареным петухом, потом осыпают
хмелем — и ведут в спальню.

сваха

Княгиня-душенька, не плачь, не бойся,
Послушна будь.

Молодые уходят в спальню, гости все расходятся,
кроме свахи и дружка.

дружка

Где чарочка? Всю ночь
Под окнами я буду развезжать,
Так укрепиться мне вином не худо.

сваха *(наливает ему чарку)*

На, кушай, на здоровье.

ДРУЖКО

Ух! спасибо.
Всё хорошо, не правда ль, обошлось?
И свадьба хоть куда.

СВАХА

Да, слава богу,
Всё хорошо — одно не хорошо.

ДРУЖКО

А что?

СВАХА

Да не к добру пронели песню
Не свадебную, а бог весть какую.

ДРУЖКО

Уж эти девушки — никак нельзя им
Не попроказать. Статочнo ли дело
Мутить нарочно княжескую свадьбу.
Пойти-ка мне садиться на коня.
Прощай, кума.

(Уходит)

СВАХА

Ох, сердце не на месте!
Не в пору сладили мы эту свадьбу.

СВЕТЛИЦА

Княгиня и мамка.

княгиня

Чу — кажется, трубят; нет, он не едет.
Ах, мамушка, как был он женихом,
Он от меня на шаг не отлучался,
С меня очей, бывало, не сводил;
Женился он и всё пошло не так.
Теперь меня ранешенько разбудит
И уж велит себе коня седлать;
Да до ночи бог ведает где едит.
Воротится, чуть ласковое слово
Промолвит мне, чуть ласковой рукой
По белому лицу меня потреплет.

МАМКА

Княгинюшка, мужчина что петух:
Кири! куку! мах-мах крылом и прочь.
А женщина, что бедная наседка:
Сиди себе, да выводи цыплят.
Пока жених — уж он не насидится;
Ни пьет, ни ест, глядит, не наглядится.
Женился — и заботы настанут:
То надобно соседей навестить,
То на охоту ехать с соколами,

То на войну нелегкая несет,
Туда, сюда — а дома не сидится.

княгиня

Как думаешь? уж нет ли у него
Занобы тайной?

мамка

Полно, не грехи:
Да на кого тебя он променяет?
Ты всем взяла: красою ненаглядной,
Обычаем и разумом. Подумай:
Ну в ком ему найти, как не в тебе,
Сокровища такого?

княгиня

Когда б услышал бог мои молитвы
И мне послал детей! К себе тогда б
Умела вновь я мужа привязать...
А! полон двор охотниками. Муж
Домой приехал. Что ж его не видно?

Входит ловчий.

Что князь, где он?

ловчий

Князь приказал домой

Отъехать нам.

княгиня

А где ж он сам?

ловчий

Остался

Один в лесу на берегу Днепра.

княгиня

И князя вы осмелились оставить
Там одного; усердные вы слуги!
Сейчас назад, сейчас к нему скачите.
Сказать ему, что я прислала вас.

Ловчий уходит.

Ах, боже мой! в лесу ночной порою
И дикий зверь и лютый человек
И леший бродит — долго ль до беды.
Скорей зажги свечу перед иконой.

мамка

Бегу, мой свет, бегу...

ДНЕПР. НОЧЬ

РУСАЛКИ

Веселой толпою
С глубокого дна
Мы ночью всплываем,
Нас греет луна.

Любо нам порой ночью
Дно речное покидать,
Любо вольной головою
Высь речную разрезать,
Подавать друг дружке голос,
Воздух звонкий раздражать,
И зеленый, влажный волос
В нем сушить и отряхивать.

ОДНА

Тише, тише! под кустами
Что-то кроется во мгле.

ДРУГАЯ

Между месяцем и нами
Кто-то ходит по земле.

Прячутся.

КНЯЗЬ

Знакомые, печальные места!
Я узнаю окрестные предметы —
Вот мельница! Она уж развалилась;
Веселый шум ее колес умолкнул:
Стал жернов — видно, умер и старик,
Дочь бедную оплакал он не долго.
Тропинка тут вилась — она заглохла.
Давно-давно сюда никто не ходит:
Тут садик был с забором — неужели
Разросся он кудрявой этой рошей?
Ах, вот и дуб заветный, здесь она,
Обняв меня, поникла и умолкла...
Возможно ли?..

Идет к деревьям, листья сыплются.

Что это значит? листья
Поблекнув вдруг свернулись и с шумом
Посыпались как пепел на меня.
Передо мной стоит он гол и черен,
Как дерево проклятое.

Входит старик в лохмотьях и полунагой.

СТАРИК

Здорово, зять.

Здорово,

КНЯЗЬ

Кто ты?

СТАРИК

Я здешний ворон.

КНЯЗЬ

Возможно ль? Это мельник.

СТАРИК

Что за мельник?

Я продал мельницу бесам запечным,
А денежки отдал на сохраненье
Русалке, вешей дочери моей.
Они в песку Днепра-реки зарыты,
Их рыбка-одноглазка стережет.

КНЯЗЬ

Несчастный, он помешан. Мысли в нем
Рассеяны как тучи после бури.

СТАРИК

Зачем вечер ты не приехал к нам?
У нас был пир, тебя мы долго ждали.

КНЯЗЬ

Кто ждал меня?

СТАРИК

Кто ждал? вестимо, дочь.
Ты знаешь, я на всё гляжу сквозь пальцы
И волю вам даю: сиди она
С тобою хоть всю ночь, до петухов,
Ни слова не скажу я.

КНЯЗЬ

Бедный мельник!

СТАРИК

Какой я мельник, говорят тебе,
Я ворон, а не мельник. Чудный случай:
Когда (ты помнишь) бросилась она
В реку, я побежал за нею следом
И с той скалы прыгнуть хотел, да вдруг
Почувствовал, два сильные крыла
Мне выросли внезапно из-подмышек
И в воздухе сдержали. С той поры
То здесь, то там летаю, то клюю
Корову мертвую, то на могилке
Сижу, да каркаю.

КНЯЗЬ

Какая жалость!

Кто ж за тобою смотрит?

СТАРИК

Да, за мною
Присматривать не худо. Стар я стал
И шаловлив. За мной, спасибо, смотрит
Русалочка.

КНЯЗЬ

Кто?

СТАРИК

Внучка.

КНЯЗЬ

Невозможно
Понять его. Старик, ты здесь в лесу

Иль с голоду умрешь, иль зверь тебя
Заест. Не хочешь ли пойти в мой терем
Со мною жить?

СТАРИК

В твой терем? нет! спасибо!
Заманишь, а потом меня, пожалуй,
Удавишь ожерельем. Здесь я жив
И сыт и волен. Не хочу в твой терем.

(Уходит)

КНЯЗЬ

И этому всё я виною! Страшно
Ума лишиться. Легче умереть:
На мертвеца глядим мы с уваженьем,
Творим о нем молитвы. Смерть равняет
С ним каждого. Но человек, лишенный
Ума, становится не человеком.
Напрасно речь ему дава, не правят
Словами он, в нем брата своего
Зверь узнает, он людям в посмеянье,
Над ним всяк волен, бог его не судит.
Старик несчастный! вид его во мне
Раскаянья все муки растравил!

ЛОВЧИЙ

Вот он. Наслу-то его сыскали!

КНЯЗЬ

Зачем вы здесь?

ЛОВЧИЙ

Княгиня нас послала.

Она боялась за тебя.

КНЯЗЬ

Несносна

Ее заботливость! иль я ребенок,
Что шагу мне ступить нельзя без няньки?

Уходит. Русалки показываются над водой.

РУСАЛКИ

Что, сестрицы? в поле чистом
Не догнать ли их скорей?
Плеском, хохотом и свистом
Не пугнуть ли их копей?

Поздно. Роши потемнели.
Холодеет глубина,
Петухи в селе пропели,
Закатилась луна.

ОДНА

Погодим еще, сестрица.

ДРУГАЯ

Нет, пора, пора, пора.
Ожидает нас царица,
Наша строгая сестра.

Скрываются.

ДНЕПРОВСКОЕ ДНО

Терем русалок.

Русалки прядут около своей царницы.

СТАРШАЯ РУСАЛКА

Оставьте пряжу, сестры. Солнце село.
Столбом луна блестит над нами. Полно,
Плывите вверх под небом поиграть,
Да никого не трогайте сегодня,
Ни пешехода щекотать не смейте,
Ни рыбакам их невод отгнать
Травой и тиной, ни ребенка в воду
Заманивать рассказами о рыбаках.

Входит русалочка.

Где ты была?

ДОЧЬ

На землю выходила
Я к дедушке. Всё просит он меня
Со дна реки собрать ему те деньги,
Которые когда-то в воду к нам
Он побросал. Я долго их искала;
А что такое деньги, я не знаю —
Однако же я вынесла ему

Пригоршню ракушинок самоцветных.
Он очень был им рад.

РУСАЛКА

Безумный скрига!

Послушай, дочка. Нынче на тебя
Надеюсь я. На берег наш сегодня
Придет мужчина. Стереди его
И выдь ему навстречу. Он нам близок.
Он твой отец.

ДОЧЬ

Тот самый, что тебя
Покивнул и на женщине женился?

РУСАЛКА

Он сам; к нему нежнее приласкайся
И расскажи всё то, что от меня
Ты знаешь про свое рождение; также
И про меня. И если спросит он,
Забывла ль я его иль нет, скажи,
Что всё его я помню и люблю
И жду к себе. Ты поняла меня?

ДОЧЬ

О, погля.

РУСАЛКА

Ступай же.

(Одна)

С той поры,
Как бросилась без памяти я в воду

Отчаянной и презренной девчонкой
И в глубине Днепра-реки очнулась
Русалкою холодной и могучей,
Прошло семь долгих лет — я каждый день
О мщеньи помышляю...
И ныне, кажется, мой час настал.

БЕРЕГ

КНЯЗЬ

Невольно к этим грустным берегам
Меня влечет неведомая сила.
Все здесь напоминает мне бывшее
И вольной, красной юности моей
Любимую, хоть горестную повесть.
Здесь некогда любовь меня встречала,
Свободная, кипящая любовь;
Я счастлив был, безумец!... — и я мог
Так ветрено от счастья отказаться.
Печальные, печальные мечты
Вчерашняя мне встреча оживила.
Отец несчастный! как ужасен он!
А воешь опять его сегодня встречу,
И согласится он оставить лес
И к нам переселиться...

Русалочка выходит на берег.

Что я вижу?

Откуда ты, прекрасное дитя?

.....

ПРИМЕЧАНИЯ

ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН

25 сентября 1830 г., закончив этот «роман в стихах», начатый в Кишиневской ссылке 9 мая 1823 г., Пушкин составил следующий план полного издания его, пометив против намеченных названий глав даты и место писания:

ЭНЕГИН

Часть первая. Предисловие

- I песнь. Хандра. Кишинев, Одесса.
II » Поэт. Одесса 1824.
III » Барышня. Одесса. Михайловское 1824.

Часть вторая

- IV песнь. Деревня. Михайловское 1825.
V » Имянины. Михайловское. 1825. 1826.
VI » Поединок. Михайловское 1826.

Часть третья

- VII песнь. Москва. Михайловское, Петербург, Малинники 1827. 1828.

VIII песнь. Странствие. Москва. Павловское 1829. Болдино.

IX » Большой свет. Болдино.

Примечания.

Под этим планом Пушкин произвел подсчет времени, в течение которого был написан Онегин:

1823 год 9 мая — Кишинев —

1830 25 сентября — Болдино

7 лет 4 месяца 17 дней.

Однако работа Пушкина над романом продолжалась и после составления этого плана. В 1831 г. он отказался от включения в текст романа восьмой главы (путешествие Онегина) и превратил следующую — девятую — главу в восьмую, значительно ее переработав. 5 октября 1831 г. — когда было написано письмо Онегина к Татьяне — является последней из известных нам дат истории создания «Евгения Онегина», работа над которым продолжалась, в общей сложности, более восьми лет. На протяжении этого времени замысел претерпевал различного рода изменения. Вначале Пушкин думал придать своему произведению более острый сатирический характер, но вскоре, учитывая изменившуюся политическую ситуацию (поправление представителей либеральной оппозиции, поражение

революционных восстаний на Западе и в России, усиление правительственной реакции и, в частности, цензурного гнета), предпочел более спокойный эпический тон повествования, сочетаемый с целым рядом политических намеков обличительного характера. Принятому Пушкиным тону свободного расказа соответствовала изобретенная им особая строфа в 14 стихов,¹ дающая большой простор для всякого рода лирических отступлений и побочных движений сюжета. Отвечая А. Бестужеву, ожидавшему найти в первой песне «Евгения Онегина» публицистически обнаженную сатиру, Пушкин писал: «Нет, моя душа, многого хочешь: где у меня *сатира*? о ней и помину нет в Евгении Онегине. У меня бы затрещала набежная, если б коснулся я сатиры. Самое слово *сатирический* не должно бы находиться в предисловии». В процессе работы над романом у Пушкина часто прорывалось стремление дать волю своему перу: черновики рукописей отражают тщательную обработку ряда мест, цензурно неприемлемых. Однако не следует думать, что все пропущенные в романе строфы отброшены Пушкиным только из этих соображений. Некоторые строфы опущены потому, что они не удовлетворяли

¹ Схема строфы: четверостишие с перекрестными рифмами, четверостишие со смежными рифмами, четверостишие с опоясанными рифмами и двустишие.

Пушкина в художественном отношении, другие заменены точками для того, чтобы дать простор читательскому воображению. В данном сборнике восстановлены только те строфы, которые были выпущены или изменены по явно цензурным причинам.

Глава первая. Строфа XII: *Фоблас* — герой «Похождения кавалера Фобласа» — романов французского писателя Луве де Кувре (1760—1797). Строфа XVI: *Вино кометы* — вино сбора 1811 г., когда необыкновенно обильный урожай винограда объясняли влиянием редкой по яркости и близости к земле кометы. Строфа: *Брожу над морем, жду погоды* — во время своего пребывания в Одессе Пушкин мечтал о победе за границу.

Глава вторая. Строфа V: *Фармазон* — искаженное в просторечьи «франкомасон», употреблявшееся в смысле «вольнодумец». Строфа XVI: *Северные поэмы* — здесь употреблено в смысле «русские поэмы».

Глава третья. Строфа V: *Вандик* — Вандейк (1599—1641), знаменитый художник. Строфа XXX: Е. А. Баратынский в это время отбывал военную службу в Финляндии. Строфа XXXI: *Фрейшиц* — опера Вебера (1786—1826).

Глава четвертая. Строфа XIX: *На чердаке вралем рожденной* — здесь имелся в виду Ф. И. Толстой («американец»), который распространял порочащие Пушкина слухи. Строфа XXX: *Толстой*

Ф. П. (1783—1873) — художник-иллюстратор. Строфа XXXII: *Критик строгий* — В. К. Кюхельбекер, в одной из своих статей догматически провозгласивший оду основным жанром поэзии. *Труба, личина, книжал* — символы классической трагедии. Строфа XXXIII: *Чужой толк* — сатира И. И. Дмитриева, в которой высмеивались бездарные одописцы. Строфа XXXVI—XXXVII: *Певец Гюльнары* — Байрон, переплывший в 1810 г. Дарданельский пролив (Гюльнара — героиня поэмы Байрона «Корсар»).

Глава пятая. Строфа XXIII: *Мальвина* — роман французской писательницы М. Р. Коттен (1770—1807). *Петриады* — поэмы о Петре Великом. Строфа XXVI: *Буянов* — герой сатиры дяди Пушкина В. Л. Пушкина «Опасный сосед». Строфа XL: *Альбан* — Ф. Альбани (1578—1660), итальянский живописец.

Глава седьмая. Строфа IV: *Приам* — герой «Илиады» Гомера, отец многочисленного семейства. Строфа XIX: *Столбик с куклою чугунной* — статуэтка Наполеона I. Строфа XXXV: *Автомедон* — возница Ахилла в «Илиаде» Гомера. Строфа XLIX: *Архивны юноши* — так называлась в среде литераторов молодежь, служившая в архиве коллегии министерства иностранных дел.

Глава восьмая. Строфа IV: *Ленора* — героиня баллады немецкого поэта

Бюргера. Строфа XII: *Иль даже Демоном моим* — см. стихотворение Пушкина «Демон». Строфа XXVI: *St. Priest — Сен При, Э. К.* (1803—1828) — лейб-гусар, славился своими каррикатурами.

Отрывки из Путешествия Онегина. Извлечены Пушкиным из первоначальной восьмой главы (названной в приведенном выше плане «Странствие»). Многие строфы, носящие автобиографический характер, не были им напечатаны (см. их и пропущенные строфы других глав в шеститомном собрании сочинений Пушкина, Гослитиздат, изд. 5-е, М., 1937).

Глава десятая. Десятая глава содержала, повидимому, широкую панораму общественно-политической жизни России со времени войны 1812 г. и до восстания декабристов включительно. По свидетельству одного из знакомых Пушкина — М. Ф. Юзефовича — в развитии замысла романа «Онегин должен был погибнуть на Кавказе или попасть в число декабристов». Это, вероятно, и служило сюжетным стержнем десятой главы, сожженной Пушкиным в Болдине 19 октября 1830 г. До нас дошли только зашифрованные фрагменты главы, места которых в общей композиции ее не всегда ясны. Строфа I: *Властитель слабый* — Александр I. Строфа VI: *Шиболет* (точнее шибойлес) — по древнееврейски колос: как рассказывается в Библии, по характеру произношения этого сло-

ва галаадитяне узнавали своих врагов — ефремлян. Таким «шиболетом» Пушкин ironically называет слово «авось». *Стихотлет великородный* — кн. И. М. Долгорукий, автор стихотворения «Авось». Строфа VIII: *Сей муж судьбы* — Наполеон I. Строфа IX: В этой строфе символически названы революционные события 1820—1821 гг. в Испании, Неаполе и национально-освободительная борьба в Греции. *Безрукий князь* — Александр Ипсиланти, вождь греческого восстания. Строфа X: Здесь речь идет о реакции, наступившей после подавления революционных восстаний. Строфа XI: *Потешный полк* — имеется в виду восстание Семеновского полка в 1820 г. (этот полк был сформирован из «потешного полка» Петра). Слова *предавший некогда тирана* указывают на поддержку этим полком заговора против Павла I. Строфы XIII—XV посвящены характеристике деятельности тайного общества декабристов в Петербурге, строфа XVI — на юге. *Никита* — Муравьев. *Илья* — Долгоруков. *Холоднокровный генерал* — В. П. Юшневский. *Муравьев* — С. Муравьев-Апостол. Строфа XVII: Место этой строфы в главе определено предположительно. Повидимому, в ней Пушкин думал дать обобщающую характеристику развития декабристского движения от «дружеских споров» до организации «сети тайной».

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Борис Годунов. Трагедия начата Пушкиным в 1824 г. в селе Михайловском. Работая над ней с перерывами, он закончил ее 7 ноября 1825 г. В процессе создания этой первой русской реалистической драмы Пушкин много работал над вопросами теории народной драмы, опираясь в критике принципов классической трагедии на наследие Шекспира. Основными историческими источниками Пушкину послужили X и XI тт. «Истории Государства Российского» Карамзина. Вслед за Карамзиным Пушкин безоговорочно верил летописным источникам, в которых после воцарения Василия Шуйского легенда об убийстве Дмитрия по приказу Бориса Годунова излагалась как исторический факт. Что же касается самой трактовки исторических событий, то Пушкин остался здесь вполне самостоятельным.

Впервые трагедия вышла отдельным изданием в 1831 г. со следующим посвящением: «Драгоценной для России памяти Николай Михайлович Карамзин сей труд, гением его вдохновенный, с благоговением и благодарностью посвящает Александр Пушкин». Сначала Пушкин хотел посвятить трагедию Жуковскому, но затем по просьбе дочерей Карамзина посвятил свое произведение памяти их отца. Напечатанию трагедии предшествовали долгие цензурные мытарства (по-

дробнее об этом см. во вступительной статье). При жизни Пушкина в театре не ставилась.

Скупой рыцарь. Это произведение является первой из «маленьких трагедий» Пушкина, написанных в «болдинскую осень» 1830 г. (закончена 23 октября). Ссылка Пушкина на «Ченстонову трагикомедию» как на источник «Скупого рыцаря» не соответствует действительности. Повидимому, он желал избежать аналогий с некоторыми моментами своей биографии, о чем свидетельствует и напечатание трагедии лишь в 1836 г. да и то за подписью «Р» (сцена объяснения барона с сыном отчасти напоминает ссору Пушкина со своим отцом, описанную в письме Пушкина к Жуковскому 31 октября 1824 г.) Замысел пьесы, входящей в серию классических изображений образа Скупого в мировой литературе (Мольер, Шекспир, Вальтер Скотт, Гольдони и др.), несравненно шире всяких аналогий подобного рода.

Модарт и Сальери. Вторая из «маленьких трагедий». Начало работы над ней относится еще ко времени пребывания Пушкина в Михайловском в 1826 г. Закончена в Болдине 26 октября 1830 г. Легенда об отравлении Модарта имела широкое распространение в печати после смерти Сальери (в 1825 г.). Первоначальный

вариант заглавия трагедии «Зависть». Впервые поставлена в 1832 г. в Петербурге, в Большом театре, где шла всего два раза.

Каменный гость. Третья из «маленьких трагедий». Закончена в Болдине 4 ноября 1830 г. Источники «Каменного гостя» восходят к драме Тирсо де Молино «Севильский обманщик или Каменный гость» (1630), сюжет которой использован в хорошо известных Пушкину комедиях Мольера «Дон Жуан» и «Каменный пир» (1665) и опере Моцарта «Дон Жуан» (1787). Эпиграф к «Каменному гостю» взят Пушкиным из оперы. Время действия предположительно относится к XVII в.

Пир во время чумы. Последняя из маленьких трагедий. Перевод сцены из пьесы английского поэта Вильсона «Чумный город», впервые напечатанной в 1816 г. Время работы Пушкина над этим переводом предположительно датируется концом 1829 — первой половиной 1830 г. Перевод закончен в Болдине 6 ноября 1830 г. Пушкин отбросил свойственные пьесе Вильсона элементы патологии и мистицизма в изображении чумного города. Песни Мери и Председателя у Пушкина самостоятельны. Пушкин заинтересовался замыслом этой

пьесы в связи с холерной эпидемией, свирепствовавшей в России в 1830 г.

Русалка. Над этой неоконченной драмой Пушкин работал с перерывами в течение 1829—1832 гг. (в апреле 1832 г. она была переписана набело). По своему сюжету «Русалка» связана с русской оперой венского драматурга К. Ф. Генслера «Дунайская фея», три части которой были переведены М. Краснопольским, а четвертая дописана А. А. Шаховским. Опера шла в России под названием «Днепровская русалка». В отличие от этой оперы Пушкин придал своему произведению народный сказочный характер, широко используя русский фольклор. Название пьесы в рукописи отсутствует и дано при посмертной публикации в 1837 г. Существует ряд попыток «дописать» пушкинскую «Русалку». Одна из таких попыток осуществлена Д. П. Зуевым (1897) и выдавалась им за написанное самим Пушкиным окончание пьесы.

ПЕРЕВОДЫ ИНОСТРАННЫХ ВЫРАЖЕНИЙ
И ЦИТАТ

ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН

Стр. 4. Проникнутый тщеславием, он обладал сверх того еще особенной гордостью, которая побуждает признаваться с одинаковым равнодушием как в своих добрых, так и в дурных поступках, — следствие чувства превосходства, быть может мнимого.

Из частного письма.

Стр. 8. Будь здоров.

Стр. 13. Антраша (балетный прыжок)

Стр. 30. Безделье.

Стр. 34. О деревня! *Горадий.*

Стр. 55. Она была девушка, она была влюблена. *Мальфиатр.*

Стр. 56. И так далее.

Стр. 79. Нравственность в природе вещей. *Неккер.*

Стр. 89. Что вы напишите на этих листах?

Вся ваша Аннета.

Стр. 90. В четвертую часть листа *

* Здесь подразумевается альбом большого формата.

Стр. 114. Проснитесь, спящая красotka.
Прекрасная Нина. — Прекрасная Татьяна.

Стр. 123. Там, где дни облачны и кратки, родится племя, которому умирать не больно. *Петрарка.*

Стр. 126. Но времена иные.

Стр. 164. Мой ангел! — Пашенька!

Стр. 172. Прощай, а если навсегда, то навсегда прощай. *Байрон.*

Стр. 179. Благопристойности...

Вульгарно.

Стр. 183. Разговор наедине.

Стр. 191. И отлично.

Стр. 192. Благословленна. — Мой кумир.

Стр. 199. Все знали, что он употреблял белила, и я, совершенно этому не веривший, начал догадываться о том не только по улучшению цвета его лица или потому, что находил баночки из-под белил на его туалете, но потому, что, зайдя однажды утром к нему в комнату, я застал его за чисткой ногтей при помощи специальной щеточки; это занятие он гордо продолжал и в моем присутствии. Я решил, что человек, который каждое утро проводит 2 часа за чисткой ногтей, может потратить несколько минут, чтобы замазать белилами недостаток кожи. (*Исповедь Ж. Ж. Руссо*)

Стр. 203. Если бы я имел безрассудство верить еще в счастье, я бы искал его в привычке.

Оставьте всякую надежду, вы, сюда входящие.

БОРИС ГОДУНОВ

Стр. 284. Муза венчает славу, а слава — музу.

Стр. 305. Ну!

Что? что?

Стр. 305—306. Маржерет. Что это значит «православные?»... Рвань окаинная, проклятая сволочь! Чорт возьми, сударь, я прямо взбешен: можно подумать, что у них нет рук, чтобы драться, а только ноги, чтобы удирать. — В. Розен. Позор. — Маржерет. Тысячу дьяволов. Я не сдвинусь отсюда ни на шаг — раз дело начато, надо его кончить. Что вы скажете на это, сударь? — В. Розен. Вы правы. — Маржерет. Чорт, дело становится жарким! Этот дьявол, Самозванец, как его называют, отчаянный головорез. Как вы полагаете, сударь? — В. Розен. О, да! — Маржерет. Вот глядите, глядите! Завязался бой в тылу у неприятеля. Это наверно ударил молодец Басманов. — В. Розен. Я так полагаю. — Маржерет. А вот и наши немцы!.. Господа!.. сударь, велите им построиться и, чорт возьми, пойдем в атаку! — Розен. Отлично. Стой! Марш. — Немцы. С нами бог!

СКУПОЙ РЫЦАРЬ

Стр. 344. Скупой рыцарь.

Стр. 365. (в сторону)

МОЦАРТ И САЛБЕРИ

Стр. 369. О вы, которые знаете.

Стр. 374. Реквием.

КАМЕННЫЙ ГОСТЬ

Стр. 379. Лепорелло. О любезнейшая статуя великого командора!..

...Ах хозяин.

Дон Жуан.

ПИР ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ

Стр. 419. Чумный город.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Все дореволюционные издания сочинений Пушкина в большей или меньшей степени страдают неполнотой и существенными искажениями пушкинских текстов как вследствие цензурно-полицейского гнета и идейных установок редакторов изданий, так и в силу низкого уровня текстологической техники. При всех отмеченных недостатках лучшими из дореволюционных изданий следует признать:

Полное собрание сочинений в 8 томах под редакцией П. О. Морозова, изд. «Просвещение», СПб., 1903—1906.

Полное собрание сочинений в 6 томах, богато иллюстрированное, под редакцией С. А. Венгерова, изд. Брокгауз-Ефрон, 1906—1916.

Только после Великой пролетарской революции появилась возможность издания действительно полного собрания сочинений Пушкина и была начата планомерная научная работа над восстановлением точных текстов всех его произведений. Основными советскими изданиями сочинений Пушкина, предпринятыми в последние годы, являются:

Полное собрание сочинений в 6 томах под редакцией С. М. Бонди, И. К. Луппола, Б. В. Томашевского, М. А. Цявловского, изд. 3-е, 4-е и 5-е. Гослитиздат, М., 1935—1937.

Полное собрание сочинений в 6 томах, изд. «Academia», М., 1936—1937 (комментированное и иллюстрированное издание).

Полное собрание сочинений в 9 томах, изд. «Academia», М., 1936—1938 (комментированное, малого формата).

Академическое полное собрание сочинений в 15 томах, изд. Академии Наук СССР (вышло 7 томов).

Сочинения в одном томе. Редакция, биографический очерк и примечания Б. Томашевского. Вступительная статья В. Десницкого. Гослитиздат, 1937.

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ И ПЕРЕПИСКА

Дневник 1833—1835, под редакцией и с примечаниями Б. Л. Модзалевского. Вступительная статья П. Е. Щеголева, Гиз, М.—П., 1923.

Переписка, в 3 томах, под редакцией В. И. Саятова, изд. Академии Наук, СПб., 1906—1911.

Письма под редакцией и с примечаниями Б. Л. Модзалевского, т. I, Гиз, Л., 1926; т. II, Гиз, 1928.

Письма под редакцией и с примечаниями Л. Б. Модзалевского, т. III, изд. «Academia», 1935.

БИОГРАФИЧЕСКИЕ РАБОТЫ О ПУШКИНЕ

Н. Л. Бродский, А. С. Пушкин, М., 1937.

В. В. Вересаев, Жизнь Пушкина. М., 1937

В. Я. Кирпотин, А. С. Пушкин, М., 1937.

П. Е. Щеголев, Дуэль и смерть Пушкина, издание 3-е, М. Л., 1928 (ср. сокращенное издание «Жургазобъединения» под редакцией и с предисловием М. А. Цявловского, М., 1936).

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

- Аквилон («Зачем ты, грозный аквилон») 158, I.
Ангел («В дверях эдема ангел нежный») 231, I.
Анджело 292, II.
Андрей Шенье («Меж тем, как изумленный мир,») 174, I.
Анчар («В пустыне чахлой и скупой») 261, I.
Арион («Нас было много на челне») 232, I.
«Арист! и ты в толпе служителей Парнаса!» См. К' другу стихотворцу.

Б

- Бахчисарайский фонтан 156, II.
«Беги, сокройся от очей». См. Вольность.
«Безумных лет угасшее веселье». См. Элегия.
Бесы («Мчатся тучи, вьются тучи») 312, I.
«Блеща средь полей широких». См. Дон.
«Близ мест, где царствует Венеция златая» 234, I.
«Бог веселый винограда» 388, I.
«Бог помочь вам, друзья мой». См. 19 октября 1827.
«Богами вам еще даны». См. Друзьям.

- Вонапарт и черногорцы («Черногорцы? что такое?») См. Песни западных славян.
 Борис Годунов 227, III.
 Бородинская годовщина («Великий день Бородина») 347, I.
 Братья разбойники 148, II.
 «Брожу ли я вдоль улиц шумных» 297, I.
 Будрыс и его сыновья («Три у Будрыса сына, как и он, три литвина») 376, I.
 «Буря мглою небо кроет». См. Зимний вечер.
 Буря («Ты видел деву на скале») 205, I.
 «Была пора: наш праздник молодой» 419, I.

В

- «В безмолвии садов, весной, во мгле ночей». См. Соловей и роза.
 «В дверях эдема ангел нежный». См. Ангел.
 «В Дориде нравятся и локоны влатые». См. Дорида.
 «В его «Истории» изящность, простота». См. На Н. М. Карамзина.
 «В крови горит огонь желанья» 203, I.
 «В младенчестве моем она меня любила». См. Муза.
 «В надежде славы и добра». См. Стансы.
 «В отдалении от вас». См. Ушаковой Ек. Н.
 «В последний раз твой образ милый» 320, I.
 «В прохладе сладостной фронтанов» 270, I.
 «В пустыне чахлой и скупой». См. Анчар.
 В Сибирь («Во глубине сибирских руд») 226, I.
 «В степи мирской, печальной и безбрежной». См. Три ключа.

- «В стране, где я забыл тревоги прежних лет». См. Чацдаэву.
 «В те дни, когда мне были новы». См. Демон.
 «В часы забав или праздной скуки» 303, I.
 «В чужбине свято наблюдаю». См. Птичка.
 Ваххическая песня («Что смолкнул веселя глас?») 194, I.
 «Великий день Бородина». См. Бородинская годовщина.
 «Вертоград моей сестры» 204, I.
 Вино (Ион Хиосский) («Злое дитя, старик молодой, властелин добронравный») 386, I.
 Виноград («Не стану я жалеть о розах») 146, I.
 Влах в Венеции («Как покинула меня Парасковья»). См. Песни западных славян.
 «Вновь я посетил» 400, I.
 «Во глубине сибирских руд». См. В Сибирь.
 Воевода (Из Мицкевича) («Поздно ночью из похода») 373, I.
 Воевода Милош («Над Сербией смилюйся ты, боже»). См. Песни западных славян.
 Возрождение («Художник-варвар кистью сонной») 55, I.
 Война («Война!.. Подъяты наконец») 87, I.
 Вольность. Ода («Беги, сокройся от очей») 33, I.
 «Ворон к ворону летит» 259, II.
 «Воспитанный под барабаном» 165, I.
 Воспоминание («Когда для смертного умолкает шумный день») 250, I.

Воспоминания в Царском Селе («Навие покров упрямой ноши») 7, I.

«Восстань, боязливый». См. Подражания Корану.

«Восстань, о Греция, восстань» 285, I.

«Враги мои, покамест я ни слова». См. Приятелям.

«Все в жертву памяти твоей» 208, I.

«Все в ней гармония, все диво». См. Красавица.

«Все мое» — сказало злато». См. Золото и булат.

«Всей России притеснитель». См. На Аракчева.

Второе послание к цензору («На скользком поприще Тимковского наследник!») 155, I.

Вурдалак («Трусоват был Ваня бедный»). См. Песни западных славян.

«Вчера был день разлуки шумной». См. Другьям.

Г

Гавриилиада 129, II.

Герой («Да, слава в прихоти вольна») 329, I.

Глинка Ф. («Когда среди оргий жизни шумной») 113, I.

«Глухой глухого звал к суду судьи глухого» 341, I.

«Гляжу, как безумный, на черную шаль». См. Черная шаль.

«Горишь ли ты, лампада наша». См. Толстому Я. Н.

«Город пышный, город бедный» 267, I.

Граф Нулин 208, II.

«Гречанка верная! Не плачь, — он шал гроем» 114, I.

Гречанке («Ты рождена воспламенить») 106, I.

«Грустен и весел вхожу, ваятель, в твою мастерскую». См. Художнику.

Гусар («Скребницей чистил он коня») 367, I.

Д

Давыдову В. Л. («Меж тем, как генерал Орлов») 70, I.

Давыдову Д. В. При посылке «Истории Пугачевского бунта» («Тебе певцу, тебе герою!») 411, I.

«Дар напрасный, дар случайный» 251, I.

Движение («Движенья нет, сказал мудрец брадатый») 202, I.

19 октября («Роняет лес багряный свой убор») 196, I.

19 октября 1827 («Бог помочь вам, друзья мои») 236, I.

Делибаш («Перестрелка за холмами») 276, I.

Демон («В те дни, когда мне были новы») 120, I.

Деревня («Приветствую тебя, пустынный уголок») 46, I.

«Для берегов отчизны дальней» 334, I.

«Долго ль мне гулять на свете». См. Дорожные жалобы.

Домик в Коломне 279, II.

Дон («Блещет среди полей широких») 299, I.

- Дорида («В Дориде нравятся и локоны
златые») 53, I.
- Дориде («Я верю: я любим; для сердца
нужно верить») 54, I.
- Дорожные жалобы («Долго ль мне гулять
на свете») 281, I.
- «Дробись о мрачные скалы». См. Обвал.
- Дружба («Что дружба? Легкий пыл по-
хмелья») 168, I.
- Друзьям («Богами вам еще даны») 23, I.
- Друзьям («Вчера был день разлуки шум-
ной») 96, I.
- Друзьям («Нет, я не льстец, когда царю») 248, I.
- «Духовной жаждою томим». См. Пророк.

Е

- Евгений Онегин 5, III.
- «Его стихов пленительная сладость». См.
К портрету Жуковского.
- Ее глаза. В ответ на стихи князя Вяземско-
го («Она мила — скажу меж нами») 260, I.
- «Если жизнь тебя обманет» 193, I.

Ж

- Желание («Медлительно влекутся дни мои») 20, I.
- Желание славы («Когда любовью и негой
упоенный») 182, I.
- Жених («Три дня купеческая дочь») 186, I.
- Жив, жив курилка! («Как! жив еще курил-
ка журналист?») 172, I.
- «Жил на свете рыцарь бедный» 293, I.

З

- «Забудь, любезный мой Каверин». См. К Ка-
верину.
- Закливание («О, если правда, что в но-
чи») 327, I.
- «Зачем безвременную скуку». См. К***.
- «Зачем ты, грозный аквилон». См. Аквилон.
- Земля и море («Когда по синеве морей») 67, I.
- «Земля недвижна; неба своды». См. Под-
ражания Корану.
- «Зима. Что делать нам в деревне? Я встре-
чаю» 287, I.
- Зимнее утро («Мороз и солнце; день чу-
десный!») 290, I.
- Зимний вечер («Буря мглою небо кроет») 206, I.
- Зимняя дорога («Сквозь волнистые туманы») 224, I.
- «Злое дитя, старик молодой, властелин до-
бродравный». См. Вино.
- Золото и булат («Все мое», — сказало золото) 246, I.

И

- «И путник усталый на бога роптал». См.
Подражания Корану.
- Из Анакреона. Отрывок («Узнают коней
ретивых») 393, I.
- Ода LVI («Поредели, побелели») 393, I.
- Ода LVI («Что же сухо в чаше дно?») 394, I.

- Из Афедея («Славная флейта, Феон, здесь лежит. Предводителя хоров»). См. Подражания древним.
- Из Ксенофана Колофонского («Чистый лоснится пол; стеклянные чаши блистают»). См. Подражания древним.
- Из Пиндемонти («Не дорого ценю я громкие права») 415, I.
- Из А. Шенье («Шокров, упитанный язвительною кровью») 399, I.
- «Издrevле сладостный союз». См. К Языкову.
- Иностранке («На языке тебе невнятном») 123, I.

К

- К*** («Зачем безвременную скуку») 93, I.
- К*** («Нет, нет, не должен я, не смею, не могу») 358, I.
- К** («Ты богоматерь, нет сомненья») 163, I.
- К А. П. Керн («Я помню чудное мгновенье») 184, I.
- К бюсту завоевателя («Напрасно видишь тут ошибку») 280, I.
- К вельможе («От северных оков освобождая мир») 306, I.
- К другу стихотворцу («Арист! и ты в толпе служителей Парнаса!») 3, I.
- К Каверину («Забудь, любезный мой Каверин») 24, I.
- К морю («Прощай, свободная стихия!») 137, I.

- К Овидию («Овидий, я вижу близ тихих берегов») 89, I.
- К Огаревой, которой митрополит прислал плодов из своего сада («Митрополит, хвостун бесстыдный») 27, I.
- К портрету Жуковского («Его стихов пленительная сладость») 39, I.
- К портрету Чаадаева («Он вышней волею небес») 32, I.
- К Чаадаеву («Любви, надежды, тихой славы») 42, I.
- «К чему холодные сомненья?» См. Чаадаеву.
- К Языкову («Издrevле сладостный союз») 128, I.
- К Языкову («Языков, кто тебе внушил») 216, I.
- Кавказ («Кавказ подо мною. Один в вышине») 278, I.
- Кавказский пленник 99, II.
- «Как! жив еще курилка журналист?» См. Жив, жив курилка!
- «Как ныне собирается вещей Олег». См. Песнь о вещем Олеге.
- «Как по Волге реке, по широкой». См. Песни о Стеньке Разине.
- «Как покинула меня Парасковья». См. Песни западных славян. Влаха в Венеции.
- «Как с древа сорвался предатель-ученик». См. Подражание итальянскому.
- «Как сатирой безымянной» 283, I.
- «Какая ночь! Мороз трескучий» 228, I.
- «Каков я прежде был, таков и ныне я» 265, I.

- Калмычке («Прощай, любезная калмычка») 274, I.
- Каменный гость 379, III.
- Кинжал («Лемносский бог тебя сковал») 78, I.
- Клеветникам России («О чем шумите вы, народные витии?») 345, I.
- «Клянись четой и нечетой». См. Подражания Корану.
- «Кобылица молодая» 252, I.
- Коварность («Когда твой друг на глас твоих речей») 140, I.
- «Когда б не смутное влечение» 372, I.
- «Когда в объятия мои» 352, I.
- «Когда великое свершалось торжество». См. Мирская власть.
- «Когда для смертного умолкнет шумный день». См. Воспоминание.
- «Когда за городом, задумчив, я брожу» 416, I.
- «Когда любовию и негой упоенный». См. Желание славы.
- «Когда по синеве морей». См. Земля и море.
- «Когда среди оргий жизни шумной». См. Глинке Ф.
- «Когда твои молодые лета» 300, I.
- «Когда твой друг на глас твоих речей». См. Коварность.
- Конь («Что ты ржешь, мой конь ретивый»). См. Песни западных славян.
- Красавица. В альбом гр. Е. М. Завадовской («Все в ней гармония, все диво») 357, I.

- Кривцову («Не пугай нас, милый друг») 28, I.
- «Кто видел край, где роскошью природы» 76, I.
- «Кто на снегах возрастил Феокритовы нежные розы» (При посылке бронзового сфинкса) 292, I.

Л

- «Лемносский бог тебя сковал». См. Кинжал.
- Лицинию («Лициний, зришь ли ты: на быстрой колеснице») 16, I.
- «Любви, надежды, тихой славы». См. К Чаадаеву.
- «Любимец ветреных Лазис». См. Юрьеву.

М

- Мадонна («Не множеством картин старинных мастеров») 311, I.
- Мальчику (Из Катутла) («Пьяной горечью Фалерна») 355, I.
- «Мальчишка Фебу гимн поднес». См. Эпиграмма.
- «Медлительно влекутся дни мои». См. Желание.
- Медный всадник 319, II.
- «Меж тем, как генерал Орлов». См. Давыдову В. Л.
- «Меж тем, как изумленный мир». См. Андрей Шенье.
- «Мечты, мечты!» См. Пробуждение.
- «Миг вожделенный настал: окончен мой труд многолетний». См. Труд.

Мирская власть («Когда великое свершалось торжество») 414, I.

«Митрополит, хвастун бесстыдный». См. К Огаревой, которой митрополит прислал плодов из своего сада.

«Мне бой знаком — люблю я звук мечей» 57, I.

«Мне не спится, нет огня». См. Стихи, сочиненные ночью, во время бессонницы.

«Мой голос для тебя и ласковый, и томный». См. Ночь.

«Мой друг, забыты мной следы минувших лет» 81, I.

«Мой первый друг, мой друг бесценный!» См. Пушкину И. И.

«Мороз и солнце; день чудесный!» См. Зимнее утро.

Моцарт и Сальери 367, III.

Моя родословная («Смеясь жестоко над собратом») 337, I.

Муза («В младенчестве моем она меня любила») 69, I.

«Мчатся тучи, вьются тучи». См. Бесы.

И

На Аракчеева («Всей России притеснитель») 58, I.

На гр. М. С. Воронцова («Полумилорд, полкупец») 124, I.

На выздоровление Лукулла. Подражание латинскому («Ты угасал, богач молодой») 402, I.

На Н. М. Карамзина («В его «Истории» изящность, простота») 43, I.

На перевод Ильяды («Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи») 333, I.

«На скользком поприще Тимковского наследник!» См. Второе послание к цензору.

На статую играющего в бабки («Юноша трижды шагнул»). См. Надписи.

На статую играющего в свайку («Юноша, полный красоты») См. Надписи.

На Фотия («Полуфанатик, полуплут») 59, I.

«На холмах Грузии лежит ночная мгла» 275, I.

«На языке тебе невнятном». См. Иностранке.

«Навис покров угрюмой ночи». См. Воспоминания в Царском Селе.

«Над лесистыми берегами». См. Цыганы.

«Над Невою резво вьются». См. Пир Петра Первого.

«Над озером, в глухих дубровах». См. Русалка.

«Над Сербией смилуйся ты, боже!» См. Песни западных славян. Воевода Милош.

«Надеждой сладостной младенчески дыша» 121, I.

Надписи:
На статую играющего в бабки («Юноша трижды шагнул, наклонился, рукой о колени») 410, I.

На статую играющего в свайку («Юноша, полный красоты, напряженья, усилия чуждый») 410, I.

- Наперсник («Твоих признаний, жалоб нежных») 253, I.
- «Наперсница волшебной старины» 95, I.
- Наполеон («Чудесный истребитель совершил») 82, I.
- «Напрасно видишь тут ошибку». См. К бюсту завоевателя.
- «Нас было много на челне». См. Арион.
- «Не дай мне бог сойти с ума» 389, I.
- «Не дорого ценю я громкие права». См. Из Пиндемонти.
- «Не множеством картин старинных мастеров». См. Мадонна.
- «Не пленяйся бравной славой» 277, I.
- «Не пой, красавица, при мне» 268, I.
- «Не пугай нас, милый друг». См. Кривошеину.
- «Не стану я жалеть о розах». См. Виноград.
- «Недавно я стихами как-то свистнул». См. *x ungue leonem.
- «Недаром вы приснились мне». См. Подражание Корану.
- «Невзвешенный день потух; невзвешенной ночи мгла» 142, I.
- Нереида («Среди зеленых волн, лобзающих Тавриду») 65, I.
- «Нет, нет, не должен я, не смею, не могу». См. К***.
- «Нет, я не дорожу мятежным наслажденьем» 304, I.
- «Нет, я не льстец, когда царю». См. Друзьям.
- «Ночной эфир струит эфир» 144, I.

- Ночь («Мой голос для тебя и ласковый, и томный») 116, I.
- Ноё. См. Сказки.
- Няне («Подруга дней моих суровых») 247, I.

0

- «О, если правда, что в ночи». См. Заклинание.
- «О жены чистые пророка». См. Подражание Корану.
- «О, кто бы ни был ты, чье ласковое пенье». См. Ответ Анониму.
- «О муза пламенной сатиры!» 125, I.
- «О чем шумите вы, народные витии?» См. Клеветникам России.
- Обвал («Дробясь о мрачные скалы») 284, I.
- «Овидий, я живу близ тихих берегов» См. К Овидию.
- Ода его свят. гр. Дм. Ив. Хвостову («Султан ярится. Кровь Эллады») 169, I.
- Ода LVI («Поредели, побелели»). См. Из Анакреона.
- Ода LVII («Что же сухо в чаше дно?») См. Из Анакреона.
- «Октябрь уж наступил, — уж роща отряхает». См. Осень.
- «Он вышней волею небес». См. К портрету Чаадаева.
- «Она мила — свяжу меж нами». См. Ее глаза.

Осень. Отрывок («Октябрь уж наступил, —
уж гроза отряхает») 379, I.

«От меня вечер Леила» 407, I.

«От северных оков освобождая мир». См.
К вельможе.

Ответ («Я вас узнал, о мой оракул!») 302, I.
Ответ Аношиму («О, кто бы ни был ты,
чье ласковое пенье») 316, I.

«Откуда чудный шум, неистовые клики?»
См. Торжество Вакха.

«Отрок милый, отрок нежный». См. Подра-
жание арабскому.

II

Певец («Слыхали ль вы за рощей глас
ночной») 19, I.

«Перестрелка за холмами». См. Делибаш.

Песни западных славян:

Влах в Венеции («Как покинула меня
Парасковья») 359, I.

Похоронная песня Иакинфа Маглановича
 («С богом, в дальнюю дорогу!») 360, I.

Бонапарт и черногорцы («Черногорцы?
что такое?») 361 I.

Соловей («Соловей мой, соловейко»)
363, I.

Воевода Милош («Над Сербией сми-
луйся ты, боже!») 364, I.

Вурдалак («Трусават был Ваня бедный»)
364, I.

Конь («Что ты ржешь, мой конь рети-
вый») 365, I.

Песни о Стеньке Разине:

1. «Как по Волге реке, по широкой»
217, I.

2. «Ходил Стенька Разин» 218, I.

3. «Что не конский топот, не людская
мольвь» 219, I.

Песнь о вешем Олеге («Как ныне собирает-
ся вещей Олег») 98, I.

Пир во время чумы 419, III.

Пир Петра Первого («Над Невоею резво-
вьются») 404, II.

«Погасло дневное светило» 60, I.

«Под вечер, осенью ненастной» См. Романс.

«Под небом голубым страны своей родной»
214, I.

Подражание арабскому («Отрок милый,
отрок нежный») 408, I.

Подражание итальянскому («Как с древа
сорвался предатель-ученик») 413, I.

Подражания древним:

1. Из Ксенофана Колофонского («Чистый
лоснится пол, стеклянные чаши бли-
стают») 384, I.

2. Из Афанея («Славная флейта, Феон,
здесь лежит. Предводителя хоров»)
385, I.

Подражания Корану (Посвящено П. А. Осн-
новой):

I. «Клянусь четой и нечетой» 147, I.

II. «О, жены чистые пророка» 148, I.

III. «Смутясь, нахмурился пророк» 148, I.

IV. «С тобою древле, о всесильный» 149, I.

V. «Земля недвижна» 150, I.

- VI. «Недаром вы приснились мне» 151, I.
VII. «Встань, боязливый» 151, I.
VIII. «Торгуя совестью пред бледной нищей» 152, I.
IX. «И путник усталый» 152, I.
«Подруга дней моих суровых». См. Няне.
«Подъезжая под Ижоры» 272, I.
«Поздно ночью из похода». См. Воевода.
«Пока не требует поэта». См. Поэт.
«Покров, ушитанный извительною кровью». См. Из А. Шенье.
Полководец («У русского царя в чертогах есть палата») 395, I.
Полтава 221, II.
«Полуфанатик, полуплут». См. На Фотия.
«Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит» 418, I.
«Поредели, побелели». См. Из Анакреона. Ода LVI.
Послание цензору («Угрюмый сторож муз, гонитель давний мой») 108, I.
«Последняя туча рассеянной бури». См. Туча.
Похоронная песня Иакинфа Маглановича («С богом, в дальнюю дорогу»). См. Песни западных славян.
Поэт и толпа («Поэт по лире вдохновенной») 263, I.
«Поэт! не дорожи любовью народной». См. Поэту.
«Поэт по лире вдохновенной». См. Поэт и толпа.
Поэт («Пока не требует поэта») 235, I.

- Поэту («Поэт! не дорожи любовью народной») 310, I.
«Пред гробницею святой» 343, I.
«Пред испанкой благородной» 335, I.
Предчувствие («Снова тучи надо мною») 254, I.
«Прибежали в избу дети». См. Утопленник.
«Приветствую тебя, пустынный уголок». См. Деревня.
Признание. К А. И. Осиповой («Я вас люблю, хоть я бешусь!») 161, I.
Приметы («Старайся наблюдать различные приметы») 94, I.
Приметы («Я ехал к вам: живые сны») 273, I.
«Прими сей череп, Дельвиг: он». См. Череп.
Прятелям («Враги мои, покамест я ни слова») 166, I.
Пробужденье («Мечты, мечты!») 21, I.
Прозерпина («Плещут волны Флегетона») 126, I.
«Промчались годы заточенья». См. Товарищам.
Пророк («Духовной жаждою томим») 220, I.
«Простишь ли мне ревнивые мечты» 117, I.
«Прощай, любезная калмычка!» См. Калмычке.
«Прощай, письмо любви, прощай! Она велела». См. Сожженное письмо.
«Прощай, свободная стихия!» См. К морю.
Птичка («В чужбине свято наблюдаю») 115, I.
«Пускай, не знаясь с Аполлоном». См. Горчакову А. М., князю.

- «Пускай увенчанный любовью красоты»
164, I.
Пуцшгу И. И. («Мой первый друг, мой
друг бесценный!») 222, I.
«Пью за здравие Мери» 336, I.
«Пьяной горечью Фалерна». См. Мальчику.

Р

- «Ревет ли зверь в лесу глухом». См. Эхо.
«Редает облаков летучая гряда» 66, I.
Рифма («Эхо, бессонная нимфа, скиталась
по берегу Пенея») 324, I.
Романе («Под вечер, осенью ненастной»)
14, I.
«Роняет лес багряный свой убор». См.
19 октября.
«Румяный критик мой, насмешник толсто-
пузый» 322, I.
Русалка 430, III.
Русалка («Над озером, в глухих дубровах»)
49, I.
Руслан и Людмила 5, II.

С

- «С богом, в дальнюю дорогу!» См. Пес-
ни западных славян. Похоронная песня
Иакинфа Маглановича.
«С Гомером долго ты беседовал один»
356, I.
«С тобою древле, о всеильный». См. Под-
ражания Корану.

- «Сват Иван, как пить мы станем» 391, I.
«Свободы сеятель пустынный» 119, I.
«Сижу за решеткой в темнице сырой».
См. Узник.
«Сказали раз царю, что наконец» 159, I.
Сказка о золотом петушке 403, II.
Сказка о мертвой царевне и о семи бога-
тырях 385, II.
Сказка о шопе и о работнике его Балде
371, II.
Сказка о рыбаке и рыбке 378, II.
Сказка о царе Салтане, о сыне его слав-
ном и могучем богатыре князе Гвидоне
Салтановиче и о прекрасной царевне Ле-
беди 339, II.
Сказки. Ноё! («Ура! в Россию скачет») 37, I.
«Сквозь волнистые туманы». См. Зимняя
дорога.
«Скребницей чистил он коня». См. Гусар.
Скупой рыцарь 344, III.
«Славная флейта, Феон, здесь лежит. Пред-
водителя хоров». См. Подражания древ-
ним.
«Слыхали ль вы за рощей глас ночной».
См. Невец.
«Слышу умолкнувший звук божественной
эллинской речи». См. На перевод Или-
ады.
«Смеясь жестоко над собратом». См. Моя
родословная.
«Смутясь, нахмурился пророк». См. Под-
ражания Корану.

- «Снова тучи надо мною». См. Предчувствие.
- Сожженное письмо («Прощай, письмо любви, прощай! Она велела») 167, I.
- Соловей и роза («В безмолвии садов, весной, во мгле ночей») 227, I.
- Соловей («Соловей мой, соловейко»). См. Песни западных славян.
- «Соловей мой, соловейко». См. Песни западных славян. Соловей.
- Сонет («Суровый Дант не презирал сонета») 305, I.
- «Среди зеленых волн, лобзающих Тавриду». См. Нереида.
- «Стамбул гауры нынче славят» 325, I.
- Стансы («В надежде славы и добра») 223, I.
- Стансы Толстому («Философ ранний, ты бежишь») 52, I.
- «Старайся наблюдать различные приметы». См. Приметы.
- Стихи, сочиненные ночью, во время бессонницы («Мне не спится, нет огня») 332, I.
- «Стишки для вас одна забава». См. Разговор книгопродавца с поэтом.
- «Султан ярится. Кровь Эллады». См. Ода его сият. гр. Дм. Ив. Хвостову.
- «Суровый Дант не презирал сонета». См. Сонет.
- Сцена из «Фауста» («Мне скучно, бес») 209, I.

Т

- «Так море, древний душегубец» 215, I.
- Талисман («Там, где море вечно плещет») 237, I.
- «Твоих признаний, жалоб нежных». См. Наперсник.
- «Тебе певцу, тебе герою!» См. Давыдову Д. В.
- Телега жизни («Хоть тяжело подчас в ней бремя») 122, I.
- Товарищам («Промчались годы заточенья») 25, I.
- Толстому Я. Н. («Горишь ли ты, лампада наша») 103, I.
- «Торгуя совестью пред бледной нищетою». См. Подражания Корану.
- Торжество Вакха («Откуда чудный шум, неистовые клики?») 29, I.
- «Три дня кущеская дочь». См. Жених.
- Три ключа («В степи мирской, печальной и безбрежной») 233, I.
- «Три у Будрысы сына, как и он, три литвина». См. Будрыс и его сыновья.
- Труд («Миг возделенный настал: окончен мой труд многолетний») 318, I.
- «Трусават был Ваня бедный». См. Песни западных славян. Вурдалак.
- Туча («Последняя туча рассеянной бури») 398, I.
- «Ты богоматерь, нет сомненья». См. К**.

- «Ты видел деву на скале». См. Бури.
 «Ты вынешь и молчишь; печаль тебя сдает» 160, I.
 «Ты рождена воспламенять». См. Гречанке.
 «Ты угасал богач молодой. См. На выздоровление Лукулла.

У

- «У русского царя в чертогах есть палата». См. Полководец.
 «Угрюмый сторож муз, понитель давний мой». См. Послание цензору.
 «Узнают коней ретивых». См. Из Анакреона (Отрывок).
 Узник («Сидю за решеткой в темнице сырой») 105, I.
 «Умолкну скоро я. Но если в день печали» 80, I.
 «Ура! В Россию скачет». См. Сказки. Noël.
 «Урну с водой уронив, об утес ее дева разбила». См. Царскосельская статуя.
 Утопленник («Прибежали в избу дети») 256, I.
 Ушаковой Ек. Н. («В отдалении от вас») 230, I.

Ф

- «Философ ранний, ты бежишь». См. Стаясы Толстому.
 Фонтану Бахчисарайского дворца («Фонтан любви, фонтан живой») 145, I.

Х

- «Ходил Стенька Разин». См. Песни о Стеньке Разине.
 «Хоть тяжело подчас в ней бремя». См. Телега жизни.
 «Храни меня, мой талисман» 245, I.
 «Художник-варвар кистью сонной». См. Возрождение.
 Художнику («Грустен и весел вхожу, painter, в твою мастерскую») 412, I.

Ц

- Царскосельская статуя («Урну с водой уронив, об утес ее дева разбила») 319, I.
 Цветок («Цветок засохший, безуханный») 269, I.
 «Цветы последние милей» 195, I.
 Цыганы («Над лесистыми берегами») 342, I.
 Цыганы 184, II.

Ч

- Чаадаеву («В стране, где я забыл тревоги прежних лет») 73, I.
 Чаадаеву («К чему холодные сомнения?») 62, I.
 «Чем чаще празднует лицей» 353, I.
 Череп («Прими сей череп, Дельвиг: он») 239, I.
 Черная шаль («Гляжу, как безумный, на черную шаль») 63, I.

- «Черногорцы? что такое?» См. Песни западных славян. Бонапарт и черногорцы.
 «Чистый лоснится пол; стеклянные чаши блистают». Из Кеенофана Колофонского. См. Подражания древним.
 «Что в имени тебе моем?» 301, I.
 «Что дружба? Легкий пыл похмелья». См. Дружба.
 «Что же сухо в чаше дно?» См. Из Анакреона. Ода LVII.
 «Что не конский топ». См. Песни о Стеньке Разине.
 «Что смолкнул веселия глас?» См. Вакхическая песня.
 «Что ты ржешь, мой конь ретивый». См. Песни западных славян. Конь.
 «Чудесный жребий совершился». См. Наполеон.

Э

- Элегия («Безумных лет угасшее веселье») 315, I.
 Энгельгардту В. В. («Я ускользнул от Эскулана») 44, I.
 Эпиграмма («Мальчишка Фебу гимн поднес») 206, I.
 «Эхо, бессонная нимфа, скатилась по берегу Пеней». См. Рифма.
 Эхо («Ревел ли зверь в лесу глухом») 351, I.
 Ex ungue leonem («Недавно я стихами как-то свистнул») 173, I.

Ю

- «Юноша, полный красоты, напряженья, усилія чуждый». На статую играющего в свайку. См. Надписи.
 «Юноша! скромно пируй и шумную Вакхову виагу» 387, I.
 «Юноша трижды шагнул, наклонился, рукой о колесо». На статую играющего в бабки. См. Надписи.
 «Юношу, горько рыдая, ревнивая дева бранила» 406, I.
 Юрьеву («Любимец ветреных Ланс») 40, I.

Я

- «Я вас любил: любовь еще, быть может» 289, I.
 «Я вас люблю. — хоть я бешусь». См. Признание. К А. И. Осиповой.
 «Я вас узнал, о мой оракул». См. Ответ.
 «Я верю: я любим; для сердца нужно верить». См. Дориде.
 «Я думал, сердце позабыло» 409, I.
 «Я ехал к вам; живые сны». См. Приметы.
 «Я здесь, Инезилья» 321, I.
 «Я памятник себе воздвиг нерукотворный» 422, I.
 «Я пережил свои желанья» 68, I.
 «Я помню чудное мгновенье». См. К А. П. Керн.
 «Я ускользнул от Эскулана». См. Энгельгардту В. В.
 «Языков, кто тебе внушил». См. К Языкову.

СОДЕРЖАНИЕ

Евгений Онегин 3

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Борис Годунов	227
Скупой рыцарь	344
Моцарт и Сальери	367
Каменный гость	379
Пир во время чумы	419
Русалка	430
Примечания	
Переводы иностранных выражений и цитат	474
Библиографическая справка	477
Алфавитный указатель	481

Ответств. редактор Н. Степанов. Технич. редактор А. Кириарская. Корректор Р. Вежетьова. Художник В. Дворяковский. Лениблорит № 1490 СП-1/Л. Тираж 10000. Сдано в набор 4/V 1937 г. Подписано в матриц. 23/III 1938 г. Подписано в печати 17/III 1940 г. Печ. л. 6²/₄. Уч.-изд. л. 22,72. Бум. л. 3³/₄. Формат бумаги 70×106/64. Кол. знаков в 1 бум. л. 149000. Набрано в тип. „Печатный Двор“ им. М. Горького. Отпечатано с матриц в тип. „Ленинградская правда“, Ленинград, Социалистическая, 14. Заказ № 2745.